Пришлые и ушлые

Играть чтобы жить - 1

Николай Берг

SHOUT
SHARE
IT

- Пришлые и ушлые
  -
  - 1.
  - 2.
  - 3.
  - 4.
  - 5.
  - 6.
  - 7.
  - 8.
  - 9.
  - 10.
  - 11.
  - 12.
  - 13.
  - 14.
  - 15.
  - 16.
  - 17.
  - 18.
  - 19.
  - 20.
  - 21.
  - 22.
  - 23.
  - 24.
  - 25.
  - 26.
  - 27.
  - 29.

Пришлые и ушлые

• **Аннотация:**
• *Фанфик на ИЧЖ.(Приквел) Николая Дока Берга. История уничтожения Первохрама и превращения Долины Цветов в Мертвую Долину.*

1.

Каменная стена горящего особняка внезапно вспучилась посередине и рассыпалась, словно была сложена не из гранитных блоков, а детских кубиков. Покосились и рухнули затейливые башенки с флюгерами. Из облака пыли и дыма вывалилось рыло Двуногого, с которого сыпались стропила, расщепленные доски, штукатурка и черепица. Механическое чудовище грузно перебралось через остатки стены, с лязгом и гулом ломанулось по каменной осыпи. Маг–юнец в дешевом наряде, показывавшем его убогий статус ученика, не сообразил ничего лучшего, как оплести блестящие фиолетовым отливом металлические ноги гиганта быстро выросшими из земли тонкими и слабыми даже на вид плетьми ядовитого плюща. Двуногий просто не заметил этого воздействия, но на появление стоящей во весь рост цели среагировал моментально, довернув тяжелую тусклосияющую дырчатую трубу. Смачно харкнул из нее раскаленным металлом. От глупого новичка полетели ошметья, и его силуэт просто исчез, словно разорванная бумажная фигурка.

— Идиотер! Молокососер! — злобно буркнул сидевший рядом с Вила'Раем безбородый и безбровый гном. Обожженная грубая харя гнома презрительно сморщилась, но тут же разгладилась и гном зашипел от боли. Морщиться, и гримасничать ему было очень больно.

Илитиири Вила'Рай только кивнул. Ясно было, что сопляк растерялся и сделал то, что не надо было делать. Хотя атака была внезапной, раньше пришлые берегли себя и Двуногие вот так не пробивали собой дома. Видно и они дошли уже до такого градуса боевого остервенения, что и себя не жалко, лишь бы врагов угробить. Сам эльф, как и сидевший рядом гном до такого состояния дошли уже вчера. Если бы кто сказал им раньше, что они будут работать вместе, драться плечом к плечу, да еще и с людьми в одном отряде, вряд ли бы поверили. Войн в Долине уже давно не было. Стычки со Светлыми тоже стали редкими и не носили характера Большой Беды. Но, ни илитиири, ни дварфы, ни люди все же не считали себя равными. И, в общем, кроме торговли и необходимых контактов старались не общаться. Явившиеся не пойми откуда пришлые прокатились по землям Долины как огненный пал. Не понятно было, что им нужно, они просто выжигали все на своем пути, их не соблазняли сокровища, им не были нужны рабы. Без какой либо видимой причины они уничтожали все. И с виду они были совершенно чужими — даже гномы, имевшие на вооружении и паровых големов и военмехеров

ничего подобного не могли припомнить. Пришлые были непонятно откуда. Не из этого мира. С магией не имели ничего общего. Чистые механизмыры, как уверенно определил обожженный гном, бывший сам Мастером Мифрильной Кузни и понимавший в этом досконально.

Теперь Двуногий выбрался на ровную поверхность улицы и встал, поворачивая верхний купол в разные стороны. Понятно, 'слуг' ждет, а те застряли в руинах. Они все же не такие мощные и меньше втрое. Сам-то Двуногий был повыше крупного тролля и походил на металлическое яйцо с выступами, размещенное на столбообразных ножищах.

Но при таком грузном виде он мог и бегать и прыгать и потому противником был очень опасным. Даже если бы не плевался огненным металлом. А он — плевался. И от этого никакие доспехи не помогали. Даже мифриловые.

Три силуэта 'слуг', похожих на толстые карикатурные статуи людей или эльфов, с зализанными контурами и в полтора роста, наконец, вылезли из облака пыли и Двуногий решительно попер по заваленной всяким хламом улице на площадь. Гном заскрежетал зубами от злости, видя, как гигант ловко обходит все заботливо обустроенные ловушки. Чует он их что ли? Или научились за прошедшие дни боев? А ведь замаскированы все ямы очень толково. И получается — все зря. Хотя три дня назад на каждого Двуногого приходилось по шесть 'слуг'. Поистрепались, твари?

Вила'Рай до рези в глазах смотрел — когда старый маг, командовавший обороной, даст знак. Смотреть было трудно, хотя небо было закрыто тучами и многослойным дымом пожарищ, все же был день, а днем темные эльфы чувствовали себя не самым лучшим образом. Знак появился очень вовремя и илитиири, не высовываясь из укрытия, тут же поставил сразу две иллюзии, взяв за образец обоих боевых магов, которые тут еще были.

Как только фигуры в мантиях возникли за поваленным деревом и вскинули руки для заклинаний, пришлые обрушили на них шквал огня, причем — опытные твари — резко двигаясь зигзагами. Тут и хлопнул рядом тяжелый агрегат, собранный из двух мощных гномских арбалетов, поставленных на колесную раму и смотревших под углом друг к другу. Две утяжеленные стрелы полетели по бокам механической твари, а между ними сверкая, растягивался тонкий, но прочный шахтный трос. Двуногий не боялся стрел, копий, мечей и магии. Единственно уязвимым он становился, если падал. Повалить его было очень трудно, только если подловить в момент резкого движения, когда одна ножища была в воздухе, на весу. Безбородый смог

подловить. Стрелы крутанулись вокруг твари, спутывая ей ноги, вместо шага механизм дернулся судорожно несколько раз, пытаясь высвободиться и устоять, но не смог и гулко ничком грянулся о мостовую. Труба начала плеваться огнем. Но как-то лихорадочно и бестолково, в никуда.

— Аррр! — довольно рявкнул гном. Теперь на 'слуг', оказавшихся без прикрытия, посыпалось все, что еще могли выдать оборонявшие эту деревушку сбродные группки. Дроу, давно уже убедившийся в бесполезности доброго лука и кинжала против этих металлических истуканов, тем не менее, оказался на высоте. Кто бы мог подумать, что детское заклинание 'вонючей болотной грязи' окажется таким действенным! Брошенное в отчаянии три дня назад, потому как маны не оставалось на что-либо большее, а 'слуга' уже готов был изрешетить супругу Вила'Рая и его самого, это простейшее заклинание оказало воистину волшебное действие. Жидкий ком липкой грязи, шлепнувшийся в знак предсмертного презрения врагу в морду словно ослепил истукана, и струи огня пошли не туда, куда скользнули оба дроу. Эльф сделал из этого вывод и теперь трое 'слуг' один за другим потеряли ориентировку, нелепо затоптались на месте, словно внезапно ослепшие.

Они продолжали стрелять, но это было совершенно бесполезное занятие. Попытки протереть гладкие морды латными рукавицами были безуспешны — эльф еще в детстве прославился среди сверстников тем, что его заклинание давало неоттирающуюся грязь. Ее можно было только еще больше размазать. И что самое главное — горевшие справа и слева по бокам голов 'слуг' синие и красные огоньки тоже заляпывались с первого же попадания. Почему-то именно это и казалось дроу самым важным. Он считал, что это глаза истуканов — шлемы у них были непрозрачными и дырок, как в рыцарских забралах не имели.

Атака сорвалась. Двуногий громко бился о брусчатку и никак не мог подняться из-за спутанных ног, один из 'слуг' неуклюже вляпался в 'Дуновенье Ваэр'Роннарга' и его швырнуло выше крыш, кувыркая тяжеленное тело, словно тряпичную детскую куклу. Дроу усмехнулся хищной радостной улыбкой, когда слуга хрястнулся башкой в камни мостовой и остался недвижимым.

Двое 'слуг' растерянно шарились у рухнувшей стены, буквально наощупь. В того, кто был ближе, тут же влетел шар воды. И следом — молния от другого мага. И еще. И еще. 'Слуга' упал на колени, что-то делал со своим оружием — странно похожим на крепостной гномский арбалет прикладом и рукоятью, но не имевший плеч и тетивы. 'Слугу' мелко трясло, что было

странным для металлического болвана. Теперь по нему били все. Третий сумел как-то удрать, добравшись до пролома в стене.

Оставшийся на виду враг, наконец, рухнул, содрогаясь, ничком.

Эльф почуял тяжелый тычок в бок от соседа. Гном сверкая глазами, показал свою тяжеленную сумку с инструментами. Понятно, хочет дорваться до упавших, и доломать эти механизмы. Вила'Рай усмехнулся и выставил новую иллюзию — фигура гнома затопталась сбоку от Двуногого. Подождал несколько секунд, повесил Вуаль. Гном радостно перепрыгнул стенку и пополз, хоть и неуклюже, но быстро.

— Экка! Помоги ему! — велел дроу и его слуга — мелкая лопоухая гоблинша, радостно поскакала вслед за толстым солидным гномом. Дома Экка была сущим наказанием, ухитряясь ломать все подряд, не специально, а видно по врожденной способности, но вот на войне преобразилась и оказалась ценным приобретением. Главное, чтобы вовремя направить ее к противнику. Следом к пролому в стене метнулись двое людей, и молодой тролль.

— Милый, как ты? — раздался сзади мелодичный, словно звон серебряных колокольчиков богини Эйлистири, голосок. Вила'Рай радостно обернулся, его супруга, неслышно подошедшая сзади, улыбалась счастливо.

— Живой пока — солидно ответил солидный муж и тоже улыбнулся во весь рот. Не смог удержаться. Это было именно счастье, что она жива и рядом. Он почувствовал себя сильнее и умнее в ее присутствии. Может еще и потому, что она, как и должно было магу поддержки, сразу же накладывала ряд заклинаний, снимавших усталость, лечивших раны и поднимавших зоркость и слух.

— Теперь твое заклинание войдет в анналы Круга Магов, как 'Слепота Вила'Рая', я только что слышала разговор наших боевых старцев — смеясь сказала жена и боевая подруга.

— Однако, какая честь! — усмехнулся в ответ эльф. Детское заклинание, применяемое обычно для шалостей и ради того, чтобы обучение было веселым и не скучным совсем несмышленым малышам. Чуточку переделанное только. Забавно, если и впрямь будет так. Вот уж не ожидал таким образом прославиться.

Галяэль присела рядом, заботливо оправила на себе потрепанную и обожженную мантию. Грустно усмехнулась. Вила'Рай отлично понял эту усмешку. Его жена всегда была очень опрятной и ухитрялась носить даже недорогие наряды так, что они выглядели по — княжески. Но в суматохе боев и

бесконечного отступления перед металлической ордой нормальный внешний вид никак было не соблюсти. И то сказать — из почти трех сотен дроу, спасшихся из полыхающих словно кузнечный горн пещер, где находился их городок Шасиен, теперь осталось не больше десятка. Впрочем, от гномов осталось еще меньше. Безбородый был единственным, кто выжил после того, как пришлые применили против его селения что-то чудовищное. Ему повезло — он был снаружи, когда из входа, снеся тяжелые добротные ворота, выбило адский поток пламени, перед которым даже огненное дыхание Хранителя Долины было б мерцанием свечи. Словно вулкан проснулся в пещерах, где был гномский поселок. Но вулканов тут не было никогда, а вот пришлые — были.

Галяэль выглядела неимоверно уставшей, и от нее густо пахло корицей. Запахом, противным для всех магов. Так пахла синяя жидкость из склянок с маной, и было заметно, что кармашки для склянок на поясе магессы были почти все пустыми. Тяжелый день. Эльф протянул фляжку супруге, та глотнула настоя из цветков Яцинны, думая о своем, вернула фляжку.

Хотел подбодрить, но наверху загрохотало. Хранитель Долины опять сцепился с налетевшими пришлыми. Старейшине драконьего рода приходилось несладко, но он дрался как заведенный все эти дни, и немало металлических врагов пало от его клыков, пламени и злой магии. На этот раз Хранитель схлестнулся с крупным аппаратом, который опекало несколько более юрких и мелких.

— Прячемся! — крикнул дроу и они вместе с эльфиней метнулись под прикрытие еще целого дома. Не далее как вчера совсем рядом с ними в землю врезалась здоровенная и тяжелая зеленоватая ромбовидная пластина, в которой маг пламени легко опознал чешуйку драконьей брони. А незадачливого мечника из остатков людской дружины днем раньше зашибло до смерти свалившимся с неба фиолетово сияющим куском с какими-то торчащими в разные стороны жилками разного цвета. Не надо было быть магом, чтобы понять — это пережеванный драконом огрызок хрупкого летающего аппарата пришлых. Безбородый гном тогда еще убивался, что столько мифрила зазря пропадает и что после войны он — если жив будет — соберет тут все обломки брони и снаряжения пришлых. Остальные только удивлялись тому, что вся броня и механизмы пришлых были из сплавов с дорогущим мифрилом. Теперь гном не то, что угомонился, но уже не говорил о том, что соберет весь драгоценный металл. Не верилось ему в то, что удастся выжить. Оставалось продать свою жизнь подороже.

2.

Там, где остались валяться пришлые, шарнуло мощным фонтаном искр, и тут же шум вокруг немного поутих — металлическая тварь перестала стрелять и долбиться своей тушей о камни мостовой.

— Экка! — понимающе переглянулись муж с женой.

Подтверждением была донесшаяся издалека брань гнома и знакомые с привизгом оправдания гоблинши, все знакомо. Она сейчас убеждает безбородого, что ничего не трогала, оно само все вот так и совершенно непонятно, что он, гном, такого сделал, что оно вот так вот все. А сама она совсем не причем, просто посмотрела, честно–честно! Там, где валялись металлические 'слуги' вдруг грохнуло несколько раз. Эльфы подпрыгнули от неожиданности, но разглядели, что оружие было в руках стоявших над 'слугами' гнома и людей.

Скоро к дроу в укрытии присоединились и безбородый и Экка и оба человека. На месте остался только тролль, он пытался вывернуть из обмякшего Двуногого ту самую смертельную трубу. Гном тащил оружие одного из 'слуг', второй такой же 'арбалет' - с некоторой напрягой приволокли люди, по виду которых можно было с уверенностью сказать — один из них дружинник местного барона, а другой торговец, даже скорее трактирщик. Почему-то его белая добродушная рожа показалась знакомой.

— Ну, у вас и сокровище изумрудное — ехидно заявил дружинник, кивая на усевшуюся с независимым видом гоблиншу.

— А что я? Я ничего! Вообще и совсем! — ответила та с видом оскорбленной невинности.

— Вроде неплохо, что Двуногий спекся? — вступилась за свою безалаберную и непослушную слугу эльфиня.

— Это прекрасно. Плохо то, что она не хочет сказать, как этого добилась — пропыхтел грузный трактирщик. Дроу переглянулись. Ясно, что люди худо знали Экку. Гоблинши все такие оторвы, а уж Экка в особенности. И она действительно не сможет объяснить, как и что она делала. Видимо по наитию у нее получается, Божьим соизволением и промыслом.

— Мне не удалось ни разу добиться от нее признания — мягко сказала Галяэль и, одарив сидящих заклинанием снятия усталости, пошла обратно, откуда недавно пришла. Там у нее были раненые под опекой.

— Слушай, серокожий, я готов заплатить три, нет два желтяка за то, чтобы твоя зеленокожая мелочь рассказала, как она это все-таки сделала — заявил гном, старательно

выговаривая слова на квенья и даже не добавляя столь привычные для гномов–южанцев раскатистые 'ррр' к месту и не к месту.

— И я добавлю три золотяка — заинтересованно сказал дружинник.

— Я в доле — поторопился и трактирщик.

— Краснорожий друг мой — печально и учтиво ответил Вила'Рай — даже если бы ты заплатил три золотых монеты, даже три с половиной, она бы все равно ничего не сказала. Увы! Она и сама не знает.

— Жаль. А то ты уже почти перестал вызывать к себе отвращениер, красноглазый — буркнул гном. Потом посмотрел на гоблиншу, сидевшую, как ни в чем не бывало и глупо хлопавшую глазами, добавил сквозь зубы:

— А ты, зеленое недоразумениер, ловко справилась. Признаюр.

Люди переглянулись, потом дружинник засмеялся, и смешок прокатился по группе. Даже Экка захихикала.

— Мастер Мифрильной кузни, как работает это оружие — неожиданно чопорно заявил трактирщик. Гном тяжело поглядел на него и неохотно ответил:

— Как арбалетр. Только стреляет составными металлическими болтамир.

— Они в этих коробках, Мастер Мифрильной кузни? — показал дружинник странноватые пеналы.

— Ну да — сквозь зубы пробурчал гном, явно недовольный чем-то.

— Благодарю Вас, Мастер Мифрильной кузни! — вежливейшим образом поклонился трактирщик.

Гном зло поглядел на пузана, словно тот у него кошелек отобрал, потом плюнул в сторону, и проворчав:

— Поставь вуальр, серокожий — отправился обратно к поверженным врагам. Гоблинша поскакала следом, а Вила'Рай не стал ее окликать, просто добавил еще вуаль, заклинание было не из сложных.

— Что это с ним? — не удержался от вопроса дроу. Дружинник промолчал, а толстячок охотно ответил:

— При именовании полным и верным титулом гном должен ответить правдиво на поставленный вопрос. Старая традиция, а гномы известные консерваторы. Он, вероятно, рассчитывал прибрать обе эти штуковины…

— Уж коробки с болтами — точно — кивнул дружинник.

— А мы его обернули бесплатно — весело засмеялся трактирщик.

— Редкая редкость, обернуть гнома — кивнул эльф. Ему было

приятно, что грубияна так наказали, но показывать это людям было не правильно. Любой дроу знал, что люди несравненно ниже любого эльфа, даже и светлого, которые эльфами назывались только по недоразумению.

— Искренне сожалею, сударь, что не могу пригласить вас с вашей почтенной супругой в мою ресторацию отпраздновать ущемление жадности гнома — сказал трактирщик, изысканно поклонившись.

Вила'Рай наконец-то вспомнил, где и когда его видел. Это было романтическое приключение, всего-то 12 лет назад, когда он и Галяэль только поженились. Среди дроу считалось, что надо побывать под страшным и таинственным солнцем в жутковатый полдень это особенно скрепляет узы. Глупые людишки тоже имели подобный обычай, но у них он был вывернут наизнанку и потому их влюбленные дуралеи гордились романтическими прогулками в полночь, а особенно в пещеры. Это щекотало почему-то им нервы. Чего страшного в темноте, тем более в уютной пещере, тем более, вдвоем в самую полночь? Те из людишек, кто был победнее, таскались на кладбища, те, кто побогаче отправлялись в ближайшее селение дроу — или гномов, хотя гномы своей скупостью и, извините за такое слово, гномской кухней (брррр, редкостная мерзость для любого разумного существа) не слишком-то потакали человеческим слабостям. У людей гномы не считались очень уж загадочными и таинственными, а вот посетить с невестой или молодой женой город дроу — это было в моде. Потом эти глупцы гордились своей храбростью, хотя, что им могло угрожать в городе темных эльфов? Темных эльфов, чья культура уже расцвела, когда людишки сморкались еще в свои нелепые бороды. Да скорее на их кладбище попадется упырь или зомби. В общем, как и все у людишек — глупости сплошные.

Вот прогуляться под хищным солнцем — это было серьезным испытанием. К нему надо было всерьез подготовиться, потому что безжалостное солнце могло просто уничтожить многие ценные вещи, рассыпалось все, что было сделано из паучьего шелка, сумеречного адамантина и материала невиил. Сам Вила'Рай перед путешествием под небо проверил тщательно и одежду и снаряжение, оставив дома несколько очень важных амулетов и перстней. Чувствовал он себя после этого как голый, но в том и была таинственная прелесть поездки. Супруга тоже отнеслась серьезно, не хотелось бы оказаться посреди глупых людишек босой или с беспорядком в одежде. Ах, славное было путешествие! И сердца бились восторженно, и жутковато было и приятно. И потом гордость была, что вот — смогли. Многие дроу

вообще на поверхность не выходят за всю свою жизнь, боятся. А теперь уже и не выйдут. Остались в пещерных городках и поселках, разве что кто успел скрыться в темных глубинах. Но без припасов там не долго проживешь, а припасы сгорели вместе с домами.

— Доложите обстановку! — требовательно приказавший голос вырвал эльфа из теплых воспоминаний. Вила'Рай поднял голову, увидел стоящего перед ним боевого мага огня. Один из спасшихся дроу. Свирепый и толковый начальник.

— Завалили Двуногого и пару его слуг. Изучаем. Захвачено оружие слуг, постараемся его использовать. Потери в нашей звезде отсутствуют — ответил эльф.

— Неплохо — признал маг. И добавил:

— Но не вы одни старались

Огляделся вокруг и напустился внезапно:

— Почему не прикрыты иллюзиями? Почему вы тут расселись? Вас могут спокойно взять на прицел и перестрелять как роффов! — выговаривал маг.

— Не кричите. У меня маны совсем мало осталось. И пара стекляшек на все про все — огрызнулся дроу.

Маг прекратил разнос. Протянул три синие склянки с сильным ароматом корицы.

— Поставьте немедленно. И иллюзии второго слоя. Первый они как-то просекают и зря не обстреливают. А второй — бьют как по живым.

Холодно кивнул и зашагал дальше.

Эльф посмотрел ему вслед, поморщился и выставил три совсем как настоящие фигуры. Трактирщик улыбнулся, глядя на своего двойника, который старательно прятался за крупным обломком башенки.

— Это и есть второй уровень? — спросил он. И охнул, потому как его двойник кинул на него сердитый взгляд и приложил палец к губам.

— Третий слой — снизошел до ответа Вила'Рай.

— Ого — уважительно заметил толстяк:

— Это если начнется обстрел, то тень еще и бегать начнет?

Эльф кивнул. Говорить ему не хотелось. Наверху продолжало грохотать, дракон ухитрялся драться практически на равных. Пришлые жалили его огненными длинными стрелами, сверкавшими красным и зеленым, натравливали на него каких-то огненных жуков, которые летали самостоятельно, сверкая пламенем. Но Хранитель Долины держался. Когда толстяк ахнул, задрав голову, эльф невольно поднял глаза и увидел, как один из мелких и юрких аппаратов пришлых вращаясь юлой,

стремительно несется вниз, волоча за собой черный дымный хвост.

— Сюда грохнется — неприлично засуетился трактирщик.

— Нет, за розовыми руинами — возразил дружинник.

— В сквер, где был фонтан — холодно подвел черту эльф.

Тут на фоне привычного грохота раздался хлопок, слабенький и незаметный, из падающего механизма высверкнуло что-то странное, вроде как знакомое, виденное раньше. И больше всего это походило…

— Великий Трамай! Кресло с человеком! — удивленно вскрикнул дружинник.

— Откуда там люди? — удивился толстячок, немного успокоенный тем, что горящий механизм падал не на его голову.

А эльф понял, что это и впрямь напоминает трон Дома Ирс'Иннат, где старейшина мал ростом, щупл и теряется в просторах своего величественного кресла. Только у этого трона полыхало несколько жгучих огоньков, удерживающих его в воздухе. Что-что, а огоньки эти дроу видел отлично. Дроу умели видеть тепло.

3.

Кресло хаотично, словно летучая мышь, прокувыркалось в воздухе, потом видимо его владелец сумел выправить падение, усиливая одни огни и ослабляя другие, полностью стабилизировать полет вниз ему все же не удалось, но он не рухнул, а просто косо шмякнулся совсем неподалеку.

— Бежим! Возьмем эту тварь! Пока не очухался после удара оземь! — воскликнул трактирщик, азартно вскакивая на ноги.

— И чем ты его будешь хватать? Голыми руками? — ехидно спросил дружинник, азартно стискивая в руках оружие пришлых.

— Да хоть и моей дубинкой — ответил беззлобно толстяк.

Вила'Рай сделал знак рукой, чтобы помолчали. Он и сам хотел, наконец, увидеть — с кем они тут дерутся. Но оставить просто так без спроса свой участок обороны он не мог. Эльф был толковым воином, как и положено взрослому дроу. Потому он сейчас обратился мысленно к своему начальнику, магу огня. Тот откликнулся сразу же и без долгих разговоров согласился, посоветовав не брать с собой тролля, тот молод, неуклюж, глуповат. И обязательно оставить вместо себя иллюзии.

Морщась от отвращения Вила'Рай выпил тягучий напиток маны. От вкуса уже тошнило. Возникло даже минутное желание хлебнуть из фляжки настоя цветов Яцинны, который снимал отвратительные ощущения после частого употребления напитка маны, отбивая заодно и назойливый вкус корицы. Во рту стало бы не так сухо, и пропала бы желчная горечь, но настоя было совсем мало, и эльф решил, что потерпит, жене настой нужнее.

— Иду первым. За мной ты — а ты замыкаешь — сказал дроу. Люди кивнули не споря, даже днем ночной эльф крался куда бесшумнее людей и лучше слышал и чуял противника. На позиции остались несколько реальных иллюзий, которых и с десяти сажен было бы не отличить от живых, трое пригнувшись, метнулись под прикрытием вуали к пролому в стене. Тролль увлеченно возился со смертоносной трубой Двуногого, но было очевидно, что ему не хватит силы ее просто отломать и ума — открутить. Не обращая на него внимания Вила'Рай присел рядом с озадаченным гномом.

— Кудар это вы собрались? — нервно спросил безбородый, вздрогнув от того, что внезапно увидел рядом своих товарищей по звезде.

— Хозяин долины свалил летающую штуковину пришлых. Похоже, что из нее спасся наездник. Хотим на него полюбоваться — холодно усмехнулся Вила'Рай.

— Я с вами! — решительно заявил гном и, пихнув что-то в свою здоровенную сумку, подхватил трофейное оружие. Секунду эльф размышлял, стоит ли окликать увлеченную ковырянием в валяющемся металлическом истукане гоблиншу, потом решил, что не стоит. Показал жестом, что продолжает движение, заодно ткнув гному три пальца. Безбородый кивнул и пошел сразу за баронским дружинником. По шуму, который обычно производят гномы ему было бы самое лучшее быть в конце команды, но учитывая, что у него было оружие пришлых и он легко его тащил — порядок следования дроу изменил.

У стенки остановился, прислушался. Потом создал простеньким заклинанием летучую мышь, и та рванула кувыркающимся полетом в пролом, работая как третий глаз. Эх, если бы это еще ночью было бы, так все-таки слишком светло, трудно смотреть, не видно ничего толком.

Где-то рядом должен был быть оставшийся целым 'слуга', возможно не один, потому продвигались очень осторожно, тщательно просматривая и прослушивая каждое помещение в разрушенных домах, что попадались по дороге. 'Слуга' как сквозь землю провалился, никого живого не попалось. Только трупы местных жителей несколько раз в разгромленных комнатах с перемешанной и поломанной обстановкой. Мышь носилась как очумелая. Вила'Рай старался не упустить ни одного окошка. Ни одной комнаты. Нельзя было позволить, чтобы по неосторожности чертов 'слуга' перестрелял бы всю звезду. По уму надо было бы вести впереди пару–тройку иллюзий четвертого слоя, но маны было до слез жалко.

В зеленом колобке, стремительно выкатившемся из богатого особняка с провалившейся черепичной крышей, эльф с трудом узнал Экку–недотепу. Глупышка, сипя от страха, неслась как раз на него. Он успел ее перехватить и закрыть ладонью её пухлогубый рот.

— Свои, Экка — шепнул он ей в острое ухо.

Гоблинша пришла немного в себя, кивнула, показывая, что не завизжит, как последняя дура и дроу убрал руку.

— Там шкелетина! Ходячая! — выдохнула малютка.

— И чего ты так перепугалась? — удивился Вила'Рай. Нет, разумеется, встреча с восставшим скелетом ничего особо приятного для любого живого не представляет, но и ужаса особого нет. Просто там, где скелеты ходят — всегда есть некромант, а вот к некромантам отношение было хуже, чем к скелетам. Прямо сказать — некроманты обычно редкие сволочи и от них можно ожидать любой выходки.

— Паршивор — тихо пробурчал гном — скелета нам тут не

хваталор. А у меня и молотар с собой нет!

— Посмотрим. Может, он не враждебен. Надо его хозяина найти — тихо сказал дроу и замер, управляя летучей мышью.

Хозяина так с лету найти не удалось, но зато из перекошенных резных дверей особняка появился скелет — жутко древний, в остатках какого-то архаичного доспеха, даже не понять чьего — человеческого, эльфийского или еще кого-то. И это старое чучело изысканно, словно вышколенный дворецкий, отвесило вежливый поклон и сделало изящный жест желтыми костяными руками, явно приглашая войти в дом. Значит, почуяло, что летучая мышь не простая.

— В гости приглашает, скелет, словно мажордом себя ведет — отключившись от мыши, сказал спутникам дроу.

— Засадар? — деловито лязгнул гном.

— Вряд ли. Наверное, хозяина балкой придавило, или в подвале присыпало, вот и просит помочь таким образом — со знанием дела поделился своим мнением дружинник.

Трактирщик пожал плечами. Впрочем, его мнением никто и не интересовался.

Вила'Рай оставил в прикрытии дружинника и гнома, внушительные, хоть и странноватые недоарбалеты пришлых внушали уважение. Спорить стрелки не стали, удобно устроились в глубине комнат, взяли под прицел местность. Экка и трактирщик решились составить компанию, хотя прока от них явно было немного.

Когда они добрались до костяного чучела, эти останки ходячие еще более вежливыми жестами приветствовали их и пошли, как положено по обычаю гостеприимства, впереди гостей, показывая путь.

Оказалось, что дружинник хотя и ошибся, но не намного. Человек с характерным для старых некромантов внешним видом — обтянутый сухой кожей безволосый череп, черная одежда со светящимися фиолетовыми и зелеными макабрическими иероглифами, бессильно лежал в разгромленной библиотеке, придавленный до пояса рухнувшими книжными шкафами. Скелет смог только разгрести лежавшие горой старые растрепанный фолианты, и маг выглядел странно — словно мертвец в раскопанной мародерами могиле, только вместо земли тут были тома старых книг, сваленные в беспорядке.

— Вила'Рай — представился дроу.

— Хергенцериос из Уруаны — пробулькал окровавленным ртом маг. Видно было, что ему не долго жить осталось, тяжеленные шкафы чудом не убили его сразу, когда рухнули на его тщедушное тощее тело.

— Я не смогу вас вылечить. Никто не сможет — быстро оценил его состояние эльф.

— Мне нужна помощь не в этом — скрипуче ответил лежащий среди книг.

— А в чем?

— Для начала неплохо было бы вытащить меня из этого завала. Роль книжного червя утомительна, как я успел убедиться за прошедшие сутки — вроде бы пошутил некромант.

Рядом что-то шумно и протяжно загрохотало, словно небольшая горная лавина. Эльф резко повернулся и увидел выскочившую из соседней комнаты Экку. Она попыталась выглядеть совершенно непричастной к шуму.

— Быстро приведи сюда гнома — велел ей дроу.

Безбородый явился моментально. Словно за дверями стоял.

— Сможешь вытащить его из завала? — спросил его Вила'Рай.

— А то. Но зачем? Он умираетр — спокойно констатировал безбородый.

— Я умру не сразу. И я не буду говорить, что у меня свои счеты с этими железяками. Но я могу быть вам полезным. Если вам будет не очень страшно биться вместе с некромантом — стараясь выглядеть таким же невозмутимым, как гном, сказал лежащий маг. Ему это почти удалось.

— Сейчас нам пригодится любая помощь — горько улыбнулся эльф.

— И какая от негор помошь? — удивился гном.

— Он может из нас сделать зомби — ляпнула гоблинша, прячась за своего хозяина.

— Ерунда. Мог бы — поднял бы тех троих, что валяются во дворе.

— Тогда он выпьет из нас жизнь, я знаю, мне бабушка рассказывала! — уперлась Экка.

— Я, Хергенцериос из Уруаны, маг Третьего Круга, клянусь словами Высокой клятвы не применять к спасшим меня ни одного из известных мне заклинаний без их согласия на таковое действие с моей стороны! — проскрипел маг из книжной ямы.

— Письменного согласияр — тоном опытного сутяги и крючкотвора заявил гном.

— Согласен. И нам не стоит терять время — ответил маг.

— К спасшим, полагаю, почтенный маг относит и остальных из нашей компании? — почтительно, но твердо осведомился трактирщик.

— Разумеется — уже с раздражением ответил лежащий.

Эльф кивнул гному. С одной стороны некроманты — публика крайне скользкая и легко путающая жизнь со смертью, что не

радует любого находящегося рядом с ними живого. С другой стороны высокая клятва не нарушалась магами никогда.

— Как говорил мой дедушкар, перед тем как устроить очередную дракур в кабакер — дайте мне точку опорыр и я вам тут всем наваляюр! — заявил гном, сноровисто собирая что-то из инструментов.

— Могу помочь тебе левитацией. Хотя маны у меня очень немного. И склянок осталось — меньше пальцев на руке у орка.

— Возьмите из моих запасов — сказал некромант. И обернувшийся эльф увидел, что в руках у древнего скелета поднос с тремя крупными фиалами. Заранее морщась, Вила'Рай одним махом выпил содержимое фиала и удивился — напиток не был приятным и рот вязал как недозрелые плоды афилинума, но не был таким горьким, как обычно и не отдавал осточертевшей корицей.

— Мое изобретение — скромно заявил умирающий некромант.

— Впечатляет. Есть ли у вас еще? У нас много раненых.

— Для спасителей найду.

— Добротный напиток? Стоящий? Не люблю делать работур бесплатно — завил гном, собравший уже какую-то хитрую механизму.

— Вы не останетесь внакладе — заверил безбородого маг.

— Тогда начали! — скомандовал эльф и максимально облегчил груду шкафов. Гном начал вертеть рукояти своего творения, подсунутого рядом с телом мага и, совершенно неподъемные шкафы дрогнули и стали подниматься этой маленькой вроде штуковинкой. Трактирщик с Эккой по возможности аккуратно потянули раздавленное тело, и вскоре маг уже лежал на пыльном ковре, засыпанном кусками штукатурки.

— Мда — печально сказал трактирщик, оглядев это жалкое зрелище.

4.

Ноги у некроманта были переломаны, тело измято. Вила'Рай видел даже по разнице в температуре, что ноги мага уже не принадлежали тому, они были гораздо холоднее, а температуру зрением ночи дроу видел без напряжения. Ноги некроманта уже умерли.

— Ногир отдавлены. Проживет до завтрар. Если крепкий — скользнув взглядом, заявил гном. Ну да, опытный гном отлично знает, что такое полежать под завалом даже несколько часов. А безбородый был матерым гномом и завалов за свою жизнь повидал.

— Мне хватит. Я уже достаточно близок к величайшему открытию — скромно прохрипел распластанный на пыльном ковре маг.

— Нам не пора двигаться дальше? А то удерет наездник-то — озабоченно напомнил практичный трактирщик. Вила'Рай глянул на него, потом оглянулся на звонкий шлепок и оханье неугомонной Экки.

— Не трогай, дочь гремлина, мой стремительный домкрат! Я уже видел, как ты ухитряешься сломать любое, попавшее тебе в лапки! — старательно избегая гномских рыков, чтобы до гоблинши дошло сказанное, внушительно заявил безбородый.

— Эй, полегче! Она моя слуга! — прикрикнул эльф.

Гном сквозанул злым взглядом, но примирительно забурчал:

— А я только ее рукур от домкратар отвел. Ценная вещь очень. Сам изобрел для разборки завалов. Не обижайся! Так что с наездником? Двигаем?

Эльф на секунду задумался. Спешить было необходимо, но бросать некроманта не хотелось. Эти маги свирепы в бою, и даже увечный и даже на несколько часов мог очень пригодиться.

— Вы не подлечите меня немного? — спросил эльфа некромант.

— Я не лекарь. Толку будет мало. И вы не можете ходить — ответил короткими рублеными фразами Вила'Рай.

— Посадите меня на моего слугу, пойду на костяных ногах — криво усмехнулся маг.

Дроу принял решение и как мог, пролечил несколькими пассами лежащего перед ним. Как он и полагал — это мало что дало, но маг немного живее попросил у гнома:

— Почтенный д'варф! У вас в сумке есть некие вещи, которые были у пришлых. Будьте любезны, дайте мне их осмотреть.

— Это ещер зачем? — подскочил безбородый.

— Я полагаю, что близок к решению вопроса об умерщвлении этих металлоидов и к разгадке вопроса о том, зачем они сюда явились.

— Не дам — отрезал гном.

— Мы теряем время — почтительно напомнил толстяк–трактирщик.

— Привяжите почтенного мага на спину его костяному слуге. Найдите веревки, ткань, поворачивайтесь — велел дроу. Трактирщик кивнул, ринулся на сбор нужного.

Потом Вила'Рай посмотрел в глаза умирающему. Глянул на рассерженного гнома.

— Я просто осмотрю эти артефакты и верну их совершенно целыми — внятно и со значением сказал маг.

— Дай ему просимое — велел эльф. Он видел, что пару деталек гном просто забрал у Экки, но там спорить не стал. Все равно Экка потеряла бы детали очень быстро.

Померялись взглядами. Потом гном сдался и, бурча что-то, нехотя выложил рядом с магом несколько отливавших фиолетовым блеском странных кусков металла. Маг тронул одну деталь, другую, третью, наконец, его дрожащие пальцы коснулись невзрачного сероватого диска, очень похожего на крупную морскую гальку. Диск он потянул к себе на грудь, там накрыл его другой ладонью, почему-то это напомнило эльфу, как накрывает неосторожное насекомое мухоловка святой Макарии. Красивое и нежное с виду хищное растение. Так же мягко, нежно и беспощадно.

Гном встревожено вытаращился, начал было возмущенно бухтеть, но эльф строго глянул, властно приложил палец к губам и безбородый заткнулся. Хотя и продолжал пыхтеть возмущенно. Губы мага коротко пошевелились и Вила'Рай отчетливо почувствовал, что только что некромант поглотил душу. Доводилось несколько раз присутствовать при подобном, и перепутать было невозможно. Уже более уверенным движением лежащий схватил второй такой же диск, снова его тощие пальцы сомкнулись. Пошевелились губы. Опять всплеск энергии.

Лежащий открыл глаза. Теперь это был не жалкий проситель, а вполне уверенный в себе некромант Хергенцериос из Уруаны, маг Третьего Круга. Он явно ожил, даже серая восковая кожа как-то порозовела.

— Где ваш наездник? Я надеюсь, что к нему на помощь прилетят его друзья? Я жажду общения! — и даже видевший виды гном передернулся от сверкнувшей в глазах мага не ненависти, не ярости, а какого-то куда более свирепого чувства. Все-таки

маги — не совсем люди и уж тем более — не гномы. Поспешно прибрал валявшиеся на ковре мифриловые детальки. Придирчиво осмотрел диски. Вроде целые и весом такие же. Или чуть меньше стали? С чего тогда так маг ожил? Ничего не понятно!

Пока трактирщик и безбородый собирали всякие портьеры, услужливый скелет явился еще раз и опять принес поднос с фиалами. Маг сделал приглашающий жест 'будьте моим гостем' и дроу забрал себе половину пузатых фиалов. Некромант залпом осушил две немалых размеров посудины, остальные развесил на поясе.

Минута ушла на то, чтобы усадить мага на спину скелету и надежно привязать, причем и гном и трактирщик понимающе ухмыльнулись друг другу, обнаружив, что оба имеют опыт в седлании различных вьючных животных и тут, не сговариваясь, использовали методу запрягания горных ящеров. Захватили суковатый посох мага с вколоченными в него разноцветными камешками, прихватили сумку со школярскими забавами, как небрежно сказал некромант, и поспешно двинулись дальше, забрав с собой дружинника. С некоторой задержкой догнала Экка, которая опять где-то околачивалась.

Покопавшись в сумке, маг достал несколько мелких мутноватых камешков. Окинул взглядом развалины, потом коротко шепнул, камешки рассыпались в пыль, а и из руин выбрались пять дохлых крыс и пара мертвых котов. Не обращая внимания друг на друга выстроились перед удивленной компанией в ряд и, получив какой-то приказ от поднявшего их мага, порскнули веером вперед.

— Дополнением к вашей мышке — вежливо пояснил маг.

Эльф кивнул. Осторожно, не вылезая на просматриваемые участки, прокрались дальше. Ничего, кроме трупов и развалин. Ни одного целого дома в поселке не было, только поврежденные. А красивый был раньше поселок.

— Кот видит наездника.

— Мышь нашла 'слугу' - эхом отозвался эльф.

- 'Слуга' охраняет наездника, конечно. Сейчас прилетит за ними хреновина с шестью ходячими железяками. Видел уже раз — зло сказал дружинник.

— Двуногир? — испугался весьма откровенно гном.

— Нет. Другие. Меньше и слабее 'слуг'. Наши ребята двоих поломали достаточно легко. Даже булавой и мечом брались, по прочности как рыцарь. Хуже, что их леталка тоже стреляет и довольно точно. Она их с воздуха прикрывает, пока они ищут наездника.

— Ну что ж, теперь знаем, кого ждать — сказал дроу.

— У меня есть время? — осведомился маг у командира звезды. Эльф вопросительно посмотрел на опытного дружинника.

— Полагаю, что еще есть. Пару баллад успеем спеть — усмехнулся тот.

— Дайте мне один из дисков — попросил маг гнома. Эльф кивнул. Гном, злясь и шипя, вытянул из сумки просимое. Некромант сосредоточенно потер кончики пальцев, напрягся, сунул диск в свою сумку, закрыл глаза и стал шептать. Смотреть на это было неприятно, но Вила'Рай смотрел во все глаза. Что-то брезжило в его сознании, вот — вот должна была придти разгадка. Словно вертящиеся кусочки мозаики, которые должны собраться в единую картину.

— Получилось — как-то очень просто сказал маг. На его руке лежал тот же диск, только сейчас перед тайным зрением дроу он сиял и переливался, словно большой камень Души. А в сумке совершенно точно — разнокалиберные камни душ. Включая и совершенно мизерные душонки типа крысиных. Разведка-то из дохлятины это показала. Значит, пришлые металлоиды тоже имеют души? И их можно выпить? И обменять? Поднять зомби из пришлого?

— И что теперь делаем? — спросил эльф.

— Я не могу убить пришлого, как живое существо. Металл их доспехов защищает от моей магии. Мифрил — поморщился маг.

— Это големы? — напрямик спросил дроу.

— Я не разобрался до конца. Принцип похож. Но только принцип. Все сложнее.

— Понятнор — усмехнулся гном:

— Надо заменить дискир. Тот на этот. Так? — и безбородый уставился на мага.

— Да. Именно заменить — не стал спорить некромант.

Все посмотрели на эльфа. Вила'Рай единственный из группы мог подкрасться незаметно и обездвижить пришлого 'слугу'. А его служанка, несуразная Экка вполне могла выдрать диск. Судя по некоторым признакам, гном не смог сделать то, что шутя устроила неугомонная малышка.

Готовились недолго. Уже привычная вуаль тени на своих, только на этот раз по полной схеме - 'вуаль с подбивом из лунного шелка', мощное заклинание, которое давненько не приходилось пользовать, добавка из 'шага тишины' и эльф со своей служанкой, которую он нес на руках, скользнул из дома.

— Только не потеряй диск — попросил он Экку. Та непривычно серьезно кивнула.

Тихо–тихо, стараясь не потревожить ни одного камешка, ни кусочка штукатурки, ни щепочки на полуразвалившейся лестнице

буквально вспорхнул на третий этаж. Мышь показывала, что 'слуга' стоит у окна и медленно и равномерно поворачивает башку, оглядывая двор и кусок улицы. Так его и увидел дроу. Не торопясь и очень аккуратно, чтобы даже одеждой не шуршать, сложил пальцы и послал 'мешок немоты', не медля сломав положенную щепочку, засадил металлическую фигуру в 'объятия деревянного болвана' и тут же Экка легко спрыгнула на пол и шустро метнулась к остолбеневшему гиганту. Что она сделала Вила'Рай не успел заметить, но истукан остался стоять как и стоял, а довольно улыбающаяся Экка уже была рядом и показывала на ладошке тусклый серый диск.

Эльф улыбнулся в ответ, показал ей знак 'благодарность перед строем', чего не многие и опытные воины удостаивались в бою и так же тихо они тронулся обратно. 'Слуга' обернувшись, совершенно неожиданно отдал воинское приветствие, как это было принято у офицеров равнинных людей. Немного растерявшись, Вила'Рай ответил тем же и тут только подумал, что под управлением у некроса теперь очень свирепая сила и в общем это ему не очень понравилось.

Они успели добраться к своим, когда к уже привычному грохоту и шуму с неба добавился стонущий близкий вой. Подуло горячим ветром и во дворик сверху, подняв пыльные вихри, стремительно упал тускло блестящий аппарат пришлых. Из него бегом высыпалось три металлические фигурки, действительно, куда меньшие размерами и аккуратные, чем грубые 'слуги'.

Топорщась своими гремящими арбалетами, и грамотно прикрывая друг друга, перебегая по очереди, они рванули туда, где пара мертвых крыс сторожила каждое движение сильно помятого при ударе о землю наездника.

— Добежали. Подхватили. Внимание, теперь они пойдут обратно — предупредил маг и его взгляд стал отсутствующим, словно слепым. Так всегда происходит с тем, кто стал смотреть на мир глазами своей креатуры. Мышь тут же передала, что 'слуга' у окна поднял свое оружие и прицелился. На секунду Вила'Рай задумался — зачем мага сняли со спины его носильщика, но это было не вовремя. Сейчас надо было успеть быстро перекалечить пришлых. Все подготовились — и сидевший наверху гном и устроившийся на противоположной стороне дружинник.

5.

Первым начал стрелять 'слуга', От его стрельбы, как показалось эльфу, было толку немного, во всяком случае со двора бодро огрызнулись все пришлые, но как только в дело включились гном с дружинником, пальба снизу сразу погасла, теперь в ответ бил только один из пришлых. Вила'Рай снова пустил летучую мышь в полет и сразу увидел, что двое металлоидов валяются на каменных плитах двора не шевелясь, а по их телам словно пробегают острые белые искры, наездник — непривычно короткий, ползет на руках к аппарату, волоча переломанные ноги без ступней, а последний из этой шайки укрылся за углом дома в мертвой зоне. Эльф тут же запустил иллюзию гнома и еле успел отскочить от окна. Летательный аппарат, до того тихо жужжавший, вдруг взвыл раненой гиеной и рывком поднялся на уровень третьего этажа, забив уши эльфу обвальным громом стрельбы. Высунувшаяся из его ровной спины круглая башенка усеяла рваными оспинами попаданий полированный камень стен особняка, в момент накрыв нерасторопного 'слугу', потом резко довернувшись прочесала струями огня комнаты, где был гном и так же стремительно осыпала раскаленным металлом противоположную сторону, откуда стрелял только что баронский дружинник. Все произошло настолько быстро, что впору было только глазами хлопать. Стрельба тут же затихла, только выл зависший над двором аппарат.

Внизу, под зависшим в воздухе аппаратом послышался странный металлический лязг. Уцелевшая чудом во время этого огненного шквала летучая мышь показала странную картинку — тот самый древний скелет бодро тянул поврежденного наездника за ноги. Металлоид цеплялся руками за плиты двора, но те были обтесаны на совесть и потому кроме странного скрежета, словно гвоздем по стеклу цепляние ничего другого не давало. Эльф только подивился бойкости скелета–мажордома. Наконец наездник прекратил бесполезные попытки остановить процесс волочения себя по двору и выдернув нечто странное, немного похожее на карманные арбалетики дроу, забабахал в скелета. Совершенно бессмысленное занятие, все равно, что стрелы пускать — костяки восставшие можно было развалить только дробящим оружием или огнем, мечи и сабли тоже не очень-то годились. Скелету оставалось совсем немного, чтобы втянуть свою добычу под прикрытие стен, но тут одновременно

произошло сразу несколько событий: аппарат опять загрохотал ливнем огня, прожаривая все подозрительные помещения, а уцелевший пришлый выпрыгнул из своего укрытия, несколькими здоровенными стелющимися прыжками пересек двор и залихватским ударом металлического кулака сшиб скелету голову. Череп улетел далеко в сторону, а костяк послушно осыпался. Пришлый подхватил наездника и словно живой эльф задрал вверх свое металлическое слепое лицо. Аппарат взвыл на другой ноте и стал плавно опускаться, чтобы принять металлоидов в свое чрево. Оставалось только ругаться от злости, потому как сделать с этим блестящим и даже на вид прочным летающим механизмом ничего не получалось. Не было подходящих заклинаний ни у эльфа, ни у некроманта, а дружинник и гном не подавали признаков жизни, хотя Вила'Рай надеялся, что они все еще живы. После такого смертоносного полива выжить было непросто, но страшно не хотелось терять кого-либо из своей звезды, привык за последние дни даже к людям и гному.

Кувыркающаяся над домами летучая мышь не успела толком показать, что произошло, слишком это было все быстро. Из оконного проема второго этажа, откуда вился серый дымок начинающегося пожара, вылетело что-то очень похожее на одну из сумок безбородого гнома. Вила'Рай не стал бы клясться, что это именно так, все таки был светлый день и видел эльф не очень четко, но очень было на то похоже. Сумка мелькнула в воздухе и угодила в ближайшую к окну воющую бочку с пламенем, как окрестил для себя дроу эти здоровенные части летательного аппарата. По бокам аппарата было две такие бочки и из них било яркое голубое пламя, которое и толкало, очевидно, аппарат в воздухе. Сейчас аппарат висел в воздухе недвижимо, и эти бочки стояли вертикально, опирая тяжесть металла на огненные столбы. Сумка канула в жерло бочки, и тут по глазам эльфа резануло белой вспышкой, а по ушам ударило, словно парой гномских боевых рукавиц. Ровное голубое пламя моментально сменилось жгучим белым и тут же грязно–рыжим, дымным, темная туша аппарата, еле различимая сквозь поток выбитых вспышкой слез удивительно легко подпрыгнула вверх, кувыркнулась не хуже летучей мыши и загрохотав остатками крыши — на пригнувшегося эльфа посыпался с потолка мусор потоком и струями — перелетела в соседний квартал, не переставая греметь и кувыркаться. И тут же по уже и так отбитым, словно оленья вырезка у старательного повара, остроконечным ушам эльфа прилетело еще раз. Этот удар отшиб слух напрочь, и потому воспринялся скорее как громкое 'Фффуууххх'.

Дрожащими пальцами Вила'Рай с трудом поставил во двор иллюзию гнома. Безбородый грозно прицелился в ошалевшего металлоида, который так и стоял с поднятой к небу головой, или как там называть верхний выступ на его туловище. Но растерянность была секундной. Пришлый во дворе ловко расстрелял иллюзию гнома, потом рванул с наездником в дом напротив, в удивлении остановился, расстрелял еще одну возникшую перед ним иллюзию, разнес еще одну, потом промедлил пару мгновений и выскочивший во двор настоящий живой гном навскидку изрешетил его грохочущим огнем. Эльф успел подумать, что сильно же его оглушило, одурел совершенно, до чего надо дойти, чтобы удивиться самому — откуда взялась иллюзия, если он ее не ставил, а про гнома живого совершенно забыть. Гном между тем старательно переломал вяло сопротивлявшемуся наезднику конечности и что-то орал, судя по распахнутой пасти на красной роже. Хуже того — он еще и приплясывал, что для изысканного вкуса дроу было даже не смешно.

Словно постарев на пятьсот лет, Вила'Рай устало спустился во двор. Под ноги попался желтый череп без нижней челюсти. Бездумно подкатил его ногой к валявшимся грудой костям. Потом опять же не очень понимая, что делает, отыскал нижнюю челюсть и ее тоже добавил в кучу. В голове было пусто, шумело водопадом в ушах и слезились, словно обожженные глаза. Гном радостно плясал среди валяющихся металлических тел, сейчас почему-то похожих на убитых эльфийских рыцарей, готовая иллюстрация к балладе о разгроме в пещерах Энниле. Дроу замутило. Вяло, через силу он наложил на себя заклинание 'вечерняя свежесть', но это мало помогло. Тогда попробовал 'полночную бодрость' и стало немножко лучше. Медленно приходило понимание того, что его боевая звезда совершила почти невозможное — уничтожила пятерых пришлых и их летательную машину — там, куда она укувыркалась, столбом поднимался черный смоляной дым. Судьба машины сомнений не вызывала.

Надо было разобраться с остальными — война еще не кончилась, а кроме гнома и его самого больше никого было не видно. Прервал гномский танец и отправил безбородого посмотреть, что со 'слугой' и дружинником. Гном с явной неохотой покинул двор, где валялось столько роскошных трофеев, но все — таки приказ выполнил. Вила'Рай несколько бодрее принялся осматривать здание, где оставались перед боем Экка и трактирщик с некромантом. Нашел только гоблиншу, которая сидела словно испуганная мышка в дальнем углу

разгромленной вдрызг роскошной спальни. На полу хрустели под ногой штукатурка и странные металлические цилиндрики, которыми плевалось при стрельбе оружие пришлых. Прическа у Экки была совершенно растрепана, на лбу красовались свеженькие ссадины и царапины, носом гоблинша старательно хлюпала, но к удивлению и радости эльфа больше повреждений никаких не было. Еще она была вся в пуху и перьях от разорванных подушек и перин, но это и вовсе пустяк. Толстяк с магом пропали, словно сквозь землю провалились. Все еще хныча, зеленокожая мелкота послушно пошла за хозяином во двор. Где буквально нос к носу и столкнулись с гномом. Тот вытащил под дымное небо дружинника и кинулся к командиру. Вила'Рай угрюмо вздохнул — помочь тут не смогла бы и его супруга, не то, что он сам. Человек получил такие раны, что странно было видеть еще его дышащим. И совсем удивляло, что сознание дружинник не терял.

— Мы их урыли! — с мрачным удовлетворением прохрипел умирающий.

— Да. Мы их урыли — согласился Вила'Рай. Он постарался, как умел перевязать рваные раны, наложил несколько заклятий, но ситуация была ясна во всем своем неприглядном безобразии.

— А толстый жив? Не вижу его — завертел головой человек. Ему вроде как стало лучше, но такое часто бывает перед смертью и это знали они оба — и эльф и раненый.

— Не знаю, не нашел. Только вот — Экка.

— Это хорошо, что ты жива, малышка, ты этим железякам еще напортачишь — усмехнулся через силу дружинник. И сочувственно подмигнул командиру. Видимо дал понять, что в мирное время такая слуга в доме почище землетрясения, потопа и пары пожаров. Слух потихоньку стал возвращаться, потому громкий крик гнома со второго этажа заставил поморщиться.

— Эй ты, остроухая зелень, куда ты дела мою сумку с домкратом 'Стремительный'? — орал гном.

— Я не брала, честно–честно — захлопала глазенками и захлюпала снова носом гоблинша. Раненый осторожно хохотнул — смеяться ему было больно, но зрелище было очень уж комичным, а ситуация очевидной. Вила'Рай знал, что у человеческих воинов тоже был какой-то свой кодекс чести (хотя какая честь, когда речь заходит о людях!) и потому умирающие старались держаться мужественно, видимо подражая в этом дроу. Впрочем, и гномы–воины тоже пытались подражать дроу. И потому Вила'Рай напомнил гному, что так ругаться не достойно воина и Мастера Мифрильной кузни. Даже если и пропала сумка, то все эти трофеи окупят потерю во много раз. По гримасе гнома

было ясно, что он так не считает, и потерю свою будет оплакивать вечно, но когда он вылез из развалины во двор — на плече у него уже болталось три арбалетра пришлых. И все колчаны–коробки для чудных болтов к этим арбалетрам он тоже собрал, пользуясь тем, что теперь дружинник на них не претендовал.

— Я пойдур глянур, что там с их аппаратом делается — хмуро сказал гном и повернулся в направлении столба дыма. Но далеко он не ушел, замер как вкопанный и только и смог выкрикнуть странное:

— Ваур!

Было, отчего удивиться. Эльф и сам удивился. Некромант Хергенцериос из Уруаны, маг Третьего Круга за прошедшее время сильно изменился. Во–первых, он передвигался сам, во–вторых, глаза у него сверкали странным светом, словно два болотных огонька, в–третьих, он еще больше осунулся, но при этом выглядел куда бодрее, чем до боя. Следом шел мелово–бледный потный трактирщик и тащил тяжелый мешок, туго набитый чем-то.

— Их аппарат теперь — груда горелого металла, более ничем не интересен. Разве что только для плавильни. Все ценное мы забрали — учтиво, но весьма холодно сказал гному маг.

— Конечно, обскакали, пока мы тут корячились — буркнул сердито гном.

— Стоит ли тратить время на пустяки — нетерпеливо оборвал его маг и простер свою десницу в сторону груды желтых костей, в которую превратился развоплощенный скелет–мажордом. К громадному удивлению всех присутствующих, останки бодро и как-то даже весело сложились снова в совершенно безукоризненного по манерам дворецкого. Костяк поправил на себе доспехи (эльф совершенно механически отметил про себя, что в старинном шлеме появилось две новые дыры, а вот в черепе эти дыры не остались) и поклонился хозяину. Это было совершенно не по правилам, все отлично знали, что нежить некромант может поднять только один раз. Осыпавшийся после поднятия скелет больше никем поднят быть не мог. Это было постулатом. Но вот перед глазами стоял совершенно непонятный случай.

— Теперь, друг мой, тебе вообще ничто не грозит. Ты поднимешься на ноги и станешь самим собой, даже если тебя сотрут в порошок — молвил маг своему мажордому и тот благодарно поклонился.

— Этого не может быть — услышал Вила'Рай свой собственный голос.

— И, тем не менее, это есть — спокойно возразил некромант.

— Я вижу, что ты стал личем, хотя и не пойму как, при таком кратком времени и без ассистентов. Но и личи не умеют такого — возразил эльф.

— Я — теперь — умею — с расстановкой ответил некромант, ставший личем.

6.

Эльф промолчал. Ему доводилось слышать, что процедура перехода живого мага в лича весьма непроста, для этого требуется время, место, не меньше трех десятков живых душ, силу которых маг угробит для своего перерождения, и помощь кого-то, кого маг возьмет в ассистенты. Потому как живая суть умертвия после этого заключается в филактерию, которая может быть самой разной — у изуверов древних времен еще живого мага положено было люто потрошить и складывать его требуху в сосуд, потом маги многому научились и такими кровавыми церемониями уже себя не мучили. Но, тем не менее, ритуал становления личем был очень непрост. Как ухитрился этот некромант провернуть так быстро хлопотную церемонию Вила'Рай понять не мог. Но, то, что перед ним сейчас стоял самый настоящий лич, и его тело уже остывало, дроу видел явственно.

Трактирщик, не разбирая особо, мешком плюхнулся на пыльный обломок каменной стены, его коленки и нижняя челюсть мелко тряслись. Гном с гоблиншей выглядели не лучше, разве что не дрожали так явно.

— И что ты теперь умеешь, маг? — раздался тихий голос лежащего дружинника.

— Многое. Мне удалось проникнуть в магию пришлых — а у них есть магия, хоть и очень отличающаяся от нашей, привычной. И те, кого я смогу поднять после смерти, будут теперь не тупой марионеткой. Теперь я знаю, как оставить креатуре память и личность. Даже жаль, что это возможно стало только сейчас. Вот, например, мой мажордом раньше был великим воином и тонким философом, судя по тем записям, что я смог перевести с древних иероглифов в его гробнице. Увы, он нем и мне не всегда понятны его поступки, хотя я знаю, что он лишен того, что делало великим воином и философом. Ах, если бы это произошло сейчас… Впрочем, бессмысленно жалеть об уже происшедшем. Единственно, что позволяют мои ставшие громадными возможности — это обеспечить ему безболезненное восстановление после каждого повреждения. Вы это как раз видели. И, да, как совершенно верно сказал командир вашей звезды — такое невозможно. Для других некромантов. Для меня — возможно и я могу обеспечить тебе, человек, если и не жизнь в принятом смысле, то уж послежизнь точно. И ты сможешь иметь то, что было для тебя радостью в этой жизни, так что потеряешь не так и много.

— Командир, как считаешь, у меня есть шанс выжить? Если за меня возьмется твоя супруга? — тускло спросил дружинник.

— Нет, сожалею. Такие раны она не сможет вылечить. Тебя почти пополам перебило — печально ответил эльф. Он уже понимал, куда гнет лич. Для свежеобращенного есть несколько очень неприятных часов, в ходе которых его надо охранять всерьез. Он еще слаб и его умершее тело остывает и костенеет, что не дает в полную меру пользовать заклинания, маг привыкает к своей новой, еще непослушной форме. Через день лич уже полностью в силе, но этот день он очень уязвим. Да и филактерия в это время не где-то надежно спрятана за семь замков и пять завалов, а находится рядом и ее тоже надо охранять как зеницу ока. Потому как основная мощь лича — именно в этой самой филактерии.

Неожиданно лич сам открыл карты:

— Признаю, что мне сейчас нужна охрана. Именно сейчас. Потом это будет не так важно, но сейчас я — словно коронованный только что король. Мне нужна и свита. Вы можете быть в этом первыми, и я обещаю, что достойно отблагодарю каждого.

— Слыхал я, что обратившиеся теряют многие человеческие чувства и потому не слишком бывают благодарны — осторожно заметил эльф.

— Если понимать благодарность как обоюдную выгоду — почему нет? — пожал плечами маг, словно был еще живым.

— И какая выгодар тебе? — хмуро спросил гном. Ему положено было находить выгоду во всем. Потому как он был настоящий гном.

— Даже грифон сначала просто крупный цыпленок — ответил маг и посмотрел на небо. Только сейчас все заметили, что стало вроде не то, чтобы тише — грохотать перестало над головой, а вот вдали, там, где стояла Цитадель и первохрам рев боя не стихал.

— Война продолжается. Хозяин долины пал — мы видели, как он, корчась, рухнул с небес. Нам придется очень солоно. Мне нужна ваша помощь сейчас. Потом вам понадобится моя помощь.

Некромант поглядел на хмурившего обгоревшие брови гнома и напомнил:

— Моя сила растет. И даже сейчас я могу поднять сразу несколько павших креатур. А завтра — я даже и не знаю, сколько восстанет под моей рукой. Но не меньше сотни. Вот и представьте, как это усилит вашу звезду.

— Пока это все слова. И вербальный договор был заключен только на неприменение по нам твоих заклинаний — въедливо

заметил гном. Его юридически грамотную речь перебил стон раненого.

— Что ты мне можешь предложить? — прохрипел дружинник. Язык уже совсем не слушался его.

Маг опять пожал плечами:

— Мы не на рынке, а я не торгаш, чтобы я предлагал тебе. Я могу сделать так, что после смерти ты не останешься валяться кучей дохлятины, как многие, кого ты видел за последнее время. Могу сделать так, что ты будешь осознавать себя, помнить, что с тобой было, сможешь понимать речь и говорить. Могу сделать так, чтобы ты мог биться так же браво, как и до ранения, но при этом не чувствуя боль и усталость. И наконец, могу сделать так, что даже если тебя разорвут в клочья — ты будешь снова восстановлен. Это называется бессмертие.

— Красиво… Как-то слишком красиво — простонал дружинник. Но глаза у него заблестели.

— Да, кое–чем придется поступиться. Ты не сможешь любить женщин, веселье будет тебе неведомо, как и жалость и милосердие.

— Ты не говоришь еще и о том, что он не сможет пить и есть. И что все-таки будет дохлятиной, только ходячей — брезгливо напомнил эльф. Вила'Рай не любил нечисть, раз даже пришлось драться с таким порождением Тьмы и от этого боя остались очень неприятные воспоминания и грубый шрам поперек груди. Воняло от того, кто загородил тогда дорогу эльфу смрадно до сблева.

— За все надо платить — парировал маг.

— Точно — кивнул и гном.

— А воевать надо сейчас. К слову этот воин очень неплохо работал с оружием пришлых. Если он просто умрет — твоя звезда сильно потеряет в боеспособности — вскользь заметил лич эльфу.

— Хватит вам препираться. Маг, я хочу проверить твои слова — тихо, но строптиво сказал дружинник.

— Каким образом? — удивился маг.

— Пусть кто-нибудь из моих товарищей долбанет по этому, твоему услужливому скелету! Он ведь не чувствует боли и снова восстанет, как ты говоришь — выговорил с трудом раненый.

— Я не люблю грубости к кому — либо из своих креатур — проворчал лич. Но кивнул головой гному.

Тот не споря, даже с удовольствием отвесил роскошный тумак скелету в висок. Скелет опять ссыпался горкой костей. Но тут же и сложился обратно и стоял как ни в чем не бывало.

— Ладно. Жаль, что ни баб, ни пива. Но хоть будет добрая драка — прошептал раненый.

— Это согласие?

— Да. Я согласен. Я не хочу просто так сдохнуть! Но сначала пусть меня глянет эльфийка!

— Полагаю, что мы ограничимся консенсуальным договором, и не будем тратить время на литеральные договоры? — словно опытный крючкотвор спросил лич. Эльф не понял о чем идет речь, но гном, который был сведущ в этих хитросплетениях, кивнул головой утвердительно.

— Что-то говорит мне, что к тебе трудно будет предъявлять какой-либо виндикационный иск или прогибиторный иск. Скорее ты будешь предъявлять к окружающим негаторные иски. Особенно когда под твоей рукой будет сотни три оружной неистребляемой нежити — с грустью заметил гном.

— Разумеется. Именно поэтому вам стоит принять мое предложение.

— Ладно. Мы будем тебя охранять сутки. Ты соответственно поможешь нам против пришлых всей своей мощью — нерадостно сказал Вила'Рай.

— И заплатишь нам за охрану! — внезапно подал голос гном.

— Это как? — вроде даже удивился лич.

— Мне нужно два или нет, четыре слуги–носильщика! У меня все имущество сгорело, а тут есть, что собрать из трофеев — махнул руками безбородый.

— Да будет так. А ты, дроу?

— Мне ничего от тебя не нужно. Разве что не оплата, а простая услуга. Тебе уже не понадобятся фиалы с маной. А нам они нужны для раненых.

— Как скажешь — кивнул головой маг, не обращая никакого внимания на толстяка, который уже немного пришел в себя. Зато скелет получил внятный приказ и очень бодро, словно его дважды и не перевоплощали сегодня, отправился в особняк мага.

Стонущего дружинника на подобранном где-то поблизости в руинах ковре потащили четыре мертвяка–горожанина, действительно легко поднятые некромантом, эльф получил мешок с фиалами, гном собрал все, что мог ценного, хотя маленькое оружие пришлых, так похожее на арбалетик дроу, Вила'Рай подобрал и взял себе.

Опять куда-то делась Экка, но потом она все же догнала медленно тащившуюся процессию. Перемазана она была в пыли и штукатурке до самых кончиков длинных ушей и была скорее белой, чем зеленой, словно мельник в горячую пору, но вид имела довольный и даже приплясывала. Эльф предпочел не думать о том, что эта непоседа еще успела вытворить. Обратно идти было быстрее, вскоре вышли к троллю, который все так же бесполезно гремел неотрываемой огненной трубой.

— Нет, то что там все на винтовой резьбе он не догадаетсяр — хохотнул гном, с усилием тащивший под мышкой останки металлического наездника.

— Зачем ты его волокешь? — вместо ответа спросил эльф.

— А вытрясти изнутри весь этот хлам — получится отличный полудоспех из мифрилар — охотно ответил гном.

— Для себя тащишь? — понял дроу.

— Нет. Я в него не влезур. Для задохликов — эльф… Кхы–кхы — оборвал не совсем удачную фразу гном.

Вила'Рай кивнул. То, что квадратные кряжистые гномы презирают эльфов за изящество и тонкокостность, было широко известно. Эльфы платили тем же. А так да, красивый будет доспех. И узоры на нем совершенно необычные, но от того еще красивее кажутся.

— И как ты его оттуда выскребать будешь? — поинтересовался дроу.

— Как мясо из омара — пожал плечами гном. Явно для него это не было проблемой.

Командовавший на этом куске обороны маг огненной стихии был приятно удивлен тому, как успешно прошла вылазка. Появление лича со скелетом и командой дохлых носильщиков его, однако, вовсе не обрадовало. Слова некроманта о том, что все тут присутствующие еще не раз будут иметь возможность порадоваться, что лич оказался рядом не произвели на его коллег — магов заметного воздействия. Маг огня весьма сухо усомнился в том, что это действительно будет так. Держась корректно, но очень отстраненно, он заметил, что врагам удалось прорваться к храму, но их оттуда вышибли. Хозяин долины тяжело ранен, но когда титаны домолотят пришлых, вылечить раненного дракона будет возможно. Войне конец — пришлые уже уносят ноги, хотя и не все. Кто может — улепетывает в ту самую дыру, откуда они пришли. А остальные как раз представляют интерес в плане трофеев. Тут маг благосклонно кивнул увешанному чужим оружием гному. Безбородый приосанился, вроде как собрался ответить выспренней речью, что очень нравится делать старым гномам, но тут же осекся и отправился вместе с теми, кто тащил раненого дружинника. Остальные из потрепанной, но успешной звезды отправились следом туда, где чуть поодаль от линии обороны находились раненые и лечащая их эльфийка.

7.

Раненых было много, победа над пришлыми стоила очень дорого. Бледная Галяэль устало сгорбившись, сидела в зале для танцев мэрии этого поселка. На полу почти вплотную, тесно лежало десятка три тел. Подручные эльфийки — четыре человеческие женщины из беженок возились, по мере сил помогая раненым, которые однообразно просили пить, пить, пить. Жара стояла удушающая, да еще этот дым от пожаров. Эльф покрутил носом, от тяжелого духа, стоявшего в зале, воняло тут сильно — и кровью и уже — гноем и старым потом и нечистотами, раненые были только лежачие, потому все делали под себя.

Супруга бледно улыбнулась, видя, что муж живой и поспешно, хоть и аккуратно пробирается к ней, заранее доставая из кармашка на поясе фляжечку с настоем. Они ничего не сказали друг другу, но и эльф увидел блестевшие искорки в глазах супруги и она заметила как муж улыбнулся ей уголками губ — почти незаметно, проявление чувств на людях у дроу были категорически не приняты, но тут оба не могли удержаться.

— Говорят, мы победили — тихо сказал Вила'Рай.

Супруга внимательно посмотрела на него. Не так говорят о победе, не так. Что-то ее супруг чувствовал неправильное, он хоть и был молод, но уже успел показать себя как воин и охотник. Спросить его не получилось, потому как раненые у входа завозились, закорчились, стали из последних сил отползать, увидев четверых мертвяков, тащивших ковер с дружинником. Ковер промок насквозь и с него все время капали тяжелые тягучие капли алого цвета.

— Это что еще такое?! — резко поднялась эльфийка.

— Мой человек из звезды. Тяжело ранен. Несли сюда. Чтобы ты сказала — можешь вылечить, или нет — кратко объяснил дроу.

— Но там мертвецы! И — Эйлистири да пребудет с нами — лич!

— Ну, это так сказать знакомый некромант.

Наклонившись к ушку любимой, эльф прошептал так тихо, что никто другой не смог бы услышать:

— Он обратился недавно, набирает себе свиту и охрану. Я обещал его сутки защищать — помог он нам в бою.

Жена кивнула, показав, что поняла. Но холод в ее облике не исчез. То, что в мешанине бегства, отступления, и на скору руку организованной обороны, многое из приличного и привычного

поменялось совершенно, вовсе не вытравило из эльфийки неприязни к некромантам, личам, нежити и прочим помощникам смерти. Она сама поклонялась веселой и жизнерадостной богине Эйлистири, и потому мнение Галяэль было непоколебимо.

Лич, впрочем, не обратил никакого внимания на откровенную неприязнь лекарки.

Он терпеливо ждал, пока она осмотрит умирающего. Когда дроу грустно развела руками и, молча, отошла в сторону, лич приблизился к дружиннику и спросил:

— Ты готов?

— А что, уже? — почти неслышно ответил дружинник.

— Если ты хочешь быть с разумом и памятью — надо поспешить. Те, кого я подниму посмертно — будут тупыми исполнителями, не более. Ты ведь был десятником? Значит, и полсотником можешь быть и сотником, а то и головой. Стоит ли того несколько минут жизни?

— Стоит — уверенно сказал лежащий рядом безногий раненый.

— Это дело вкуса — равнодушно пожал плечами лич.

— А, была, не была! Давай! Я согласен! — азартно прохрипел дружинник.

Те раненые, что были в сознании, со страхом смотрели на ритуал призыва. А ничего особенного и не произошло. Не было громовых воплей и жутких плясок. Черных молний во все стороны и фиолетовых шаров не метал лич. Даже страшные призраки не появились. Некромант просто прошептал несколько фраз, которые никто не то, что не запомнил, а даже и не понял, сложил пару знаков пальцами и дружинник распластался на пропитанном кровью ковре так, как это может сделать только полностью обмякшее тело.

Эльфы — оба — почувствовали, что этот человек отмучался. И опять же — кристалл в руках у лича не вспыхнул ярко. Только внутреннее зрение показало эльфам, что внутри кристалла появилось ровное сияние. Беспокойный некромант повелительным знаком позвал трактирщика, вынул у того из мешка пять уже хорошо знакомых дроу серых дисков, разложил их у головы и конечностей мертвеца и рядом с макушкой поставил кристалл. Опять несколько фраз, жестов — и тело на ковре вздрогнуло, подобралось. Труп пошевелился, сел. Лежавшие рядом раненые смотрели во все глаза.

Дружинник, поворочал глазами. Подвигал челюстью. Повернул голову туда–сюда. Немного скованно поднял обе руки, так, словно они затекли от долгого лежания.

— Аам… эыэх… оув… Гм… Надо же… — выговорил труп,

выглядевший как похмельный мужик, не понимающий что с ним и где он.

— Встань! — велел лич.

Дружинник неловко поднялся и теперь стоял, покачиваясь.

— Какие у тебя ощущения? — спросил его тот, кто был недавно Хергенцериосом из Уруаны.

— Странные — промямлил дружинник. Сходство с протрезвевшим пропойцей было таким явным, что, несмотря на свой страх, некоторые раненые понимающе захихикали.

— Что ржете, балбесы, ну да, словно с похмелья. Только голова не болит. И тело не болит. Нет боли — как-то очень по — простецки обратился к лежащим дружинник. Задушевно это у него вышло. По–товарищески. И говорить стал лучше, словно язык теперь полностью повиновался ему.

Ранение перестали хихикать.

— Ты странный какой-то зомбир получился. Почти как живой — с удивлением отозвался гном.

— Такими будут все первые, кого я подниму. Условие только одно — служить мне. А я не обижу тех, кто мне служит — начал лич свою вербовочную речь.

— И зачем тебе служить? Война кончилась — хмуро сказал безногий раненый. По его виду он был из дворян, но небогатых.

— Это мне говоришь ты? После такого разгрома, когда мы потеряли большую часть населения и войск, Хозяин Долины валяется при смерти, а Титаны рванулись в портал за пришлыми — скажи, долго ли надо ждать прихода сюда орд Светлых, чтобы пограбить и добить нас, ослабевших? — уверенно спросил маг.

— Да уж припрутся и к бабке не ходи — отозвался кто-то из угла.

— Вот — соображает человек. Разумеется, я подниму павших, но это тупая сила. А мне нужны командиры, опытные вояки. Сила любого воинства в организации. Потому — пока у меня есть мешок артефактов — я буду сохранять разум и волю восставших. Кто будет первыми — не прогадает. Итак, кто хочет попробовать себя?

Зал молчал. Только стонали те, кто был в беспамятстве.

— Ну, думайте, я приду через несколько часов — величественно склонил голову лич.

Потом посмотрел на эльфа и трактирщика.

— Время отрабатывать договор.

Вила'Рай кивнул. Скоро тело лича начнет сковывать трупное окоченение и несколько часов он проваляется безгласный и неподвижный. Вот это время его и надо защищать, пока он будет беззащитен как любой другой труп. Супруга эльфа тоже все

поняла и только удивилась, когда муж передал ей мешок с фиалами. Ее красивое личико одновременно выразило и радость и отвращение — первое, потому как теперь у нее снова будет мана, чтобы лечить, второе — из-за осточертевшего привкуса этого напитка.

— Откуда такая роскошь? — удивилась она.

— Это вдвойне роскошь, поверь мне, тебе даже фляжка не понадобится. А так — это плата за услуги от нашего нового знакомого — кивнул Вила'Рай на лича.

— Не плата. Подарок. Плата будет позже — загадочно произнес в ответ Хергенцериос из Уруаны.

— Тем лучше — спокойно отозвался эльф и спросил трактирщика:

— Где тут можно найти спокойное место? И чтобы в случае чего защищать его было б возможно?

— Над моим заведением есть номера. Надеюсь, что их не все разнесло. А лестница к ним узкая и крутая — сказал толстяк.

Странноватая процессия из эльфа, толстяка, лича с его первым командиром будущей армии, скелетом, четырьмя мертвецами с ковром и замыкающим гномом, обвешанным оружием пришлых и все еще шевелившимся недобитым наездником под мышкой двинулась по заваленным всяким хламом и обломками улицам.

Добрались и разместились без осложнений, действительно лестницу можно было защищать в одиночку от двух баронских дружин, подкрепленных тяжелым гномским гыррдом с хиррасиром во главе. Умертвия упокоились в одной комнате, где перед отходом к окоченению онемевший лич развесил сторожевые ловушки, а Вила'Рай опять вызвал летучую мышь, неприметно разместив ее наверху громадного резного шкафа из мореного дуба. Трактирщик очень быстро, несмотря на то, что заведение было опустошено и разгромлено, достал здоровенный вяленый по–юнтийски окорок, мешочек белых сухарей, выдержанный сыр с плесенью, пару запыленных бутылок, тарелки, чарки. Потом посмотрел внимательно на гнома, ушел куда-то и вернулся с гномской наливкой, отчего безбородый радостно крякнул.

— Жалею, что не могу угостить как следует, увы. К тому же и не прибрано в зале. Но я надеюсь, что когда все образумится, вы посетите меня в более спокойное время и уж тогда-то я покажу вам, на что способна моя кухня и мой погреб.

— Непременно — кивнул Вила'Рай, который вспомнил, как они сидели на террасе почти под солнцем в памятный загадочный полдник. Гном тоже что-то одобрительно пробурчал, буравя

взглядом дутую по–гномски из цветного стекла флягу с перламутровым тягучим содержимым.

— Ты бы пока отправил своих носильщиков, чтобы собрали что ценное, а то они уже…

— Воняют? — вопросительно — утвердительно сказал безбородый.

— Ага. Плохая реклама трактиру, знаешь ли. Покажи им кусок металла из того, что оставили пришлые, и пусть собирают. Им же лучше будет, все заняты чем-то.

Гном изобразил лицом понимание с удивлением, и через пару минут его непрезентабельных грузчиков уже не было в трактире. Все-таки запашок остался, и потому решили пойти наверх, а в покинутом и пустом зале эльф рассадил иллюзии всех пятерых, включая и лича. Трактирщик умел создавать уют и вскоре на маленьком столике красиво разлеглись на протертых от пыли тарелках прозрачные красно–розовые ломтики мяса, бело–синие кубики сыра, аккуратные одинаковые сухарики, а в чарки полилось светло белое вино для эльфа, бордовое, густое — для хозяина и перламутровое, тягучее с резким характерным запахом — для гнома. Безбородый так хищно облизнулся, что его сотрапезники, не сговариваясь, захохотали и стукнули чарки одну об другую.

— Если б художник смог нарисовать такое аппетитное облизывание, лучше б вывески не придумать — просмаковав вкус вина, сказал Вила'Рай.

— Хорошая мысль — согласился хозяин, аккуратно срезая новые ломтики с окорока, потому как первый же тык вилки гнома снес с тарелки — немалых размеров тарелки, надо заметить, почти половину мяса.

— А ты не мельчи, крупнее кромсай — прокомментировал занятие толстяка гном.

— Не надо меня учить как надо, я же не лезу в твою кузню — отозвался трактирщик, нарезая ловко и умело все такие же тоненькие ломтики, буквально таявшие во рту.

— Так бы я тебя и пустил. Хотя сейчас может быть и пустил — призадумался безбородый.

— Ну, мы победили. Выпьем за победу — сказал эльф, наполнив снова свою чарку.

— Чтоб она не добавила горестей — отозвался трактирщик.

— Это — точно — стукнул своей чаркой гном.

Вкус у напитков оказался замечательный, что не преминули тут же сказать расцветшему от похвалы хозяину трактира. Даже неожиданно было такое видеть, как обрадовался добрым словам этот тертый калач.

8.

Утро было тихим, и сначала даже эльф подумал, что все ему приснилось, был такой блаженный момент в первую секунду. Но только одну секунду. Потом он понял, что воздух по–прежнему пахнет гарью и сладковатой вонью разлагающихся на жаре трупов, что грохота боя не слышно, но и тишина неприятная, нет птичьего пения, например, зато потрескивает где-то неподалеку огонь и вряд ли это весенний костер. Зато рядом посапывает гном. Трактирщик бдительно следил за лестницей и залом внизу, услышал видно, что командир проснулся, обернулся, кивнул.

— Вы пока умойтесь, потом меня подмените, я завтрак соберу — очень уютным голосом заявил толстяк. Эльф кивнул. Ночь прошла спокойно, а вот сейчас, днем его тянуло в сон. И очень хотелось повидаться с супругой, которая конечно за всю ночь не присела. Зато ее раненым теперь гораздо стало лучше, в этом можно быть уверенным. Галяэль гордилась своим умением лечить. Совершенно заслуженно гордилась.

— В мое дежурство приперлись эти… Помогалы нашего гномейшего гнома. Еле–еле выгнал их на улицу — сказал трактирщик.

— Здорово! А что онир притащили? — тут же откликнулся безбородый, словно и не спал.

— Я не смотрел. Полный ковер мусора точно, но что там ценное, а что нет — не могу сказать — ответил толстяк.

Раздавшийся в углу тихий скрежет заставил всех резко обернуться. Но это вяло возил башкой по немытому полу вчерашний трофей - 'наездник', огрызок механического существа в элегантной и узорчатой броне.

— Когда его будешь обрабатывать — спросил гнома эльф.

— Не знаю, не решил еще.

— Брось, не прикидывайся девой наивной. Хочешь ведь разобраться — как оно работает? И попытаться сделать так же?

— Сначала хотел. Теперь уже понимаюр, что не смогу. Не тот уровень.

— На деревенской кузне мифрил не выкуешь?

Гном кисло усмехнувшись, кивнул.

— Я бы посоветовал предложить танцовщицам — эльфийкам из 'Панцер–Танцер'. Думаю, там дали бы хорошую цену. Другой вариант — столичная гильдия антикваров. Могу даже дать рекомендации.

— И что, дадут скидку? — заинтересовавшись, спросил

безбородый.

— Скидку нет, не дадут. Но торговаться придется не целый день, а всего часов пять.

— А что за танцовщицыр?

— О, это надо видеть. Четырнадцать красавиц, выступают в самом роскошном кабаке в оркочьей столице.

— Эльфийки??? У орков??? — очень сильно удивился Вила'Рай.

— А что? Официальной войны сейчас нет. А над ними благость и защита верховного вождя, у него от заведения этого и доход хороший.. Ну и у орков считается, что каждый должен хоть раз в жизни посмотреть представление 'Панцер–Танцер', если не совсем дикий. А ведь еще и люди есть и гномы и много кто разный. Думаешь, на столичных рынках у орков эльфов нету? Деньги — всегда деньги, даже если они и орочьи.

— Ну, если что совершенно точно можно сказать, так именно это.

— Вот! А девушки там не простые — они и танцуют великолепно и воины из них отличные, половина кинжальщицы, половина — мечницы.

— А, видал я такое у людей — не помню, как называлось, там тоже эльфийки были в труппе. И выступали в таких нарядах, что… Ну, в общем у них были сапожки и украшения.

— И все? — восторженно удивился гном.

— Нет. Еще такие бронелифчики и бронетрусики. Очень аппетитно выглядели.

— Тогда представление есть, как выступают в оркской столице. Только вот там танцуют в полном доспехе.

— Орки есть орки. С ними иначе нельзя. Всегда ухо востро — понимающе кивнул головой гном, усмехнулся, с намеком глянув на дернувшееся острое ухо эльфа. Потянулся с хрустом и пошел на улицу, откуда вскоре донесся его злой рев и ругань.

— Видно носильщики насобирали не совсем то. Или совсем не то — хохотнул трактирщик.

— Ты я смотрю, не так прост, как стараешься казаться — хмыкнул эльф.

— Найдите простого трактирщика, да на спорных территориях, я с удовольствием гляну — не стал спорить толстяк.

— А как довелось танцовщиц посмотреть?

— Я же не всегда был толстым трактирщиком. Много разного приключалось, пока фигура стройнее и возраст моложе.

— Да, я заметил. Доводилось караванщиком ходить?

— И это тоже. Стоит ли ворошить старое — начал, было, шутливым голосом толстяк и вдруг побледнел. Эльф тоже

вздрогнул, увидев рядом с собой стоящего лича. Совершенно бесшумно подошел, а уж в скрытности эльф многим бы дал сто очков вперед.

Выбиравшийся из комнаты дружинник как раз шумел даже больше чем обычно. Видок у этого ходячего трупа был страшненький, в отличие от иссушенного еще при жизни лича, мордатый воин за ночь сильно изменился и теперь его лицо словно стекало с костей черепа, вися жутковатыми складками.

— Что-то мне не очень хочется завтракать прямо сейчас — проворчал эльф.

— У тебя в заведении есть прочный железный ящик? — не здороваясь, спросил лич у толстяка.

— Разумеется, как положено, постояльцы же у меня были, заведение приличное… — очень почтительно и, пожалуй, что и испуганно, затараторил хозяин.

— Помести туда мешок с моим добром — сухим голосом велел мертвый маг.

— Да, разумеется, разумеется — засуетился толстяк, поспешно вскакивая.

Вила'Рай подумал, что нагнал морозу некромант на тертого караванщика. Боится лича трактирщик, словно и впрямь сама смерть рядом ходит.

— Илитиири, твоя служба может быть на некоторое время отложена. Сходи к своей супруге, я вижу, ты давно этого хочешь — все тем же тоном обратился некромант к эльфу.

Дроу очень не понравился приказной тон, но спорить он не стал, а поднялся и молча пошел к выходу. Следом размеренно затопотал по крутой лестнице дружинник.

— Конвоировать что ли меня начал? — удивился Вила'Рай. Такой топот с шарканьем он расслышал бы и за пару ландов. Он раздраженно повернулся к следовавшему за ним мертвяку, но тот смотрел мимо него и обошел стоящего командира, словно столб или придорожный камень.

Теперь уже эльф шел за дружинником. Тот так же тупо и целеустремленно вышел на улицу, где ругавшийся в голос гном рылся в куче собранных за ночь его помощниками обломков и вещей.

— Идиотыр! Даже куски от чугуниевой оградыр собрали! — сказал он, увидев эльфа. На дружинника гном старался не смотреть, отводил глаза.

Вила'Рай сочувственно улыбнулся, хотя и увидел немаленькую кучку осколков и кусков металла пришлых, где был мифрил, да и другие металлы неизвестных сплавов тоже денег стоили немалых. Впрочем, куча из черных узорчатых обломков от

садовых оград была куда больше.

— Автомат и рожки — где? — монотонным глухим голосом спросил гнома мертвяк.

Гном рот открыл от изумления.

— Мой автомат и рожки. Три рожка с патронами к автомату — опять тем же тоном сказал дружинник.

— Какой автомат? — с трудом добившись хотя бы немного обычного тона, спросил гном.

— Оружие пришлого 'слуги'. Мой трофей. Ты взял — уточнил, словно живой человек дружинник.

Безбородый взялся было спорить, хотя видно было, что ему трудно спорить с покойником, но эльф не стал затягивать сцену, тем более, что к честной компании присоединился и лич.

— Это его оружие. Его трофей — лучше верни — посоветовал дроу.

— По правилам войны изложенным в Парсуниальском трактате — начал было гном, но опять неслышно подошедший лич оборвал его юридически грамотную речь простым упоминанием, что товарищ гнома боеспособен и может держать оружие, потому рекомое событие подходит под 23 пункт раздела 8 именно этого трактата и безусловно получается ни чем иным, как кражей на поле боя. Поступком гнусным, позорящим репутацию любого воина, а уж тем более — авторитет Мастера Мифрильной кузни.

— Хочешь стать шелудивой крысой? — спросил мертвяк — дружинник.

— Так ведь бой закончился! И война закончилась! Пункт 38 раздела 15 — возопил гном.

— Война никогда не кончается — сказал давнюю мудрость мертвяк.

— И официального окончания войны не объявлено. Пункт 2 раздела 57 — отрезал лич.

Гном в предельном замешательстве и раздражении привычным жестом хотел было взяться за свою бороду, но так как вся растительность на его лице сгорела, то рука промахнулась, хапнув в широком замахе пустой воздух у подбородка.

— Ладно, пошли — буркнул гном и, сгорбившись, пошагал в трактир.

Лич и эльф двинулись к залу с ранеными и хотя подвижный Вила'Рай спешил изо всех сил, некромант не отстал.

— Поспеши побыть со своей любимой — прошелестел вдруг голос некроманта.

Эльф опешил.

— Я и так спешу — отозвался он, пытаясь не грубить.

— У вас, живых, осталось совсем немного времени — огорошил его маг.

— Конечно, по сравнению с твоей вечностью…

— Нет. Не месяцы и годы. Даже не дни. Часы.

— Как?!

— Вы скоро увидите — спокойно ответил маг и Вила'Рай понял, что губы у лича не шевелятся. И почему-то поверил в то, что сказанное магом — правда.

— Мы можем спастись? Убежать?

— Нет. Сожалею, если тебя это утешит.

— Так ты хочешь всех убить? Для своей армии? — догадался эльф.

— Опять нет. Ты сделал неверный вывод. Я держу слово — молвил лич и более ни на один вопрос, которыми осыпал его эльф, не ответил.

Совершенно растерявшийся Вила'Рай почти вбежал в зал, где лежали раненые.

На секунду остановился, пораженный зрелищем — его супруга грациозно танцевала посреди зала в честь своей богини Эйлистири ритуальный завораживающе–величавый кайтерн. Раненые и впрямь выглядели куда бодрее, чем вчера и даже хлопали в ритм ладошами. Лич только заглянул, словно пересчитав находившихся в зале и тут же исчез. Эльф, изрядно озадаченный услышанным по дороге, встал у стенки, любуясь своей супругой. Прерывать этот танец было святотатством, надо было подождать. Если бы не черное пророчество, любоваться чудесными движениями своей гибкой и изящной жены, дроу мог целую вечность. Он очень любил ее, и она — что достаточно редко у темных эльфов — так же любила его. Вообще-то мужчины в матриархальном племени были самую малость лучше собак, а уважения имели меньше, чем домашние пауки. Любая жрица богини Ллосс могла по своей минутной прихоти, повелеть принести в жертву любого мужчину и ее приказ выполнялся, невзирая на то, что приговоренный мог быть известным героем–воином или знатным магом. Любить своих мужчин для эльфиек темного племени было странно, только те из них, кто поклонялись не смертоносной Ллосс, богине пауков и смерти, а веселой богине танца и везенья Эйлистири относились к мужчинам немного получше. А вот жена Вила'Рая — действительно любила его, словно была не высокого рода дроу, а обычной человеческой самкой. И это очень льстило самолюбию супруга, и он был готов на все, только бы не нарушить это сладкое чувство.

Увидел движение в углу — чуть не рассмеялся, лопоухая Экка

старательно подражала хозяйке, но где косолапой гоблинше сравниться с эльфийкой! Получалось очень смешно, особенно из-за напыщенного и серьезного выражения на зеленой мордахе.

Впору было бы порадоваться и наконец-то облегченно вздохнуть всей грудью, война кончилась и можно радоваться всяким приятным для живых мелочам, которых лишены мертвые, но на сердце было тревожно. Очень уж уверенно говорил маг. А еще, как и положено охотнику, распутывающему любые путаные следы и потому внимательно относящемуся к любой детали, Вила'Рай обратил внимание, что поднятый при помощи камня души и дисков пришлых дружинник назвал странное оружие 'слуг' автоматом, то есть так, как его, вероятно, называли сами пришлые. А это значило, что ему досталось какое-то знание от павших 'слуг'. Не это ли произошло и с личем?

9.

Эльфийка закончила танцевать, радостно улыбнулась, увидев мужа. Потом на ее личике появилось озабоченное выражение, тут же впрочем, исчезнувшее — она все — таки помнила, что при посторонних нельзя выражать свои эмоции. Но эльфийка явно заметила, что муж не такой счастливый, как должен был быть — все-таки она танцевала, а это всегда вызывало у него неподдельную радость.

Набившийся в зал народ захлопал в ладоши, кто-то даже крикнул:

— Еще!

Но дроу отрицательно помотала головой и вместе с мужем скрылась в маленькой комнатенке, которую ей предоставили, как старшей лечительнице с помощницами. Вопросительно глянула ему в глаза.

— Нам надо убираться отсюда и поживее — тихо и напористо сказал ей муж.

— Но почему? — удивилась она, зазывно щурясь, еще находясь в плену у эмоций ритуального танца.

— Не знаю. Пока не знаю — серьезно ответил эльф.

— Ты не преувеличиваешь?

А он и ответить не успел. Пронеслось странное Дуновение, пронизавшее их тела до костей, странное ощущение жгучего озноба и на секунду — нерассуждающего панического ужаса. Лицо Галяэль исказилось, словно зеркалом отразив гримасу боли и страха, непроизвольно появившегося на лице Вила'Рая. В зале многоголосо взвыли — ясно, что не одним им плохо, всех накрыло.

Злясь на самого себя, что не сумел сдержать мимику, эльф жестом остановил рванувшуюся, было в зал супругу и тут же вторым жестом объяснил, что сам все узнает.

Сделать это оказалось куда проще, чем он думал.

Панику в зале пресек гулкий командный окрик мага огня. Шум немного стих.

И тут же раздался спокойный голос лича. Чересчур спокойный для таких обстоятельств. И такой негромкий что все замолкли, кроме нескольких потоптанных в сутолоке лежачих раненых.

— Пришлые выполнили то, за чем сюда приходили — объяснил некромант.

Зал напряженно слушал.

— Им мешала энергия первохрама. Сейчас они его сожгли. Дотла.

— Ложь! Ты сам знаешь, кормитель червей, что пришлые уже удрали отсюда! И следом за ними в их мир рванули Титаны, чтобы довершить разгром металлических армий — смело возразил маг огня.

— Придержи язык, знаток уличных фокусов — холодно парировал лич.

— Ты, верно, хочешь превратиться в пыль и пепел? Ты знаешь, с кем разговариваешь? — зло воскликнул маг огня.

— Конечно, знаю. Я разговариваю с тем, кто не знает ничего, кто скоро убедится в том, что он не прав. Но я полагаю, что ты не будешь кидаться своими огнешарами прямо тут? Пойдем пока на улицу, лучше всего убеждает острый эксперимент — невозмутимо сказал лич и первым покинул зал.

— Первый раз вижу дуэль между магами, только россказни всякие слыхал — возбужденно зашептал своему приятелю пышноусый вояка в нелепом человеческом боевом наряде.

— Как бы нас не зашибли. А то войдут в раж, хрена и эльфийка поможет — опасливо возразил его приятель.

— Ты не трусь. Будет, что потом вспомнить.

Публика повалила из зала на улицу, потом туда же горделиво вышел маг огня, буквально через минуту знакомо взревело и фухнуло — маг ударил по посягнувшему на его авторитет некроманту огненной струей. И тут же публика повалила назад, разочарованно бурча на разные голоса, опасливо косясь на зашедшего в зал походкой триумфатора повелителя огненной стихии.

— Разнес в пыль. Тот и вякнуть не успел — коротко проинформировал эльфа разочарованный пышноусый.

— Я немедленно отправлюсь в Первохрам и узнаю, что произошло — величественно произнес маг огня. Хлопнуло тихо, метнулись голубые искры портального броска и маг исчез. Публика опасливо отодвинулась от этого места.

Чета дроу вернулась в тесную комнатенку и Вила'Рай испугался тому, как опечалилось и осунулось личико его супруги.

— Я проверила трижды — горестно сказала она — у всех, в том числе и у меня и у тебя убывает жизнь. Мы слабеем с каждой минутой. Я не знаю, что это такое. Разве что в легендах.

— Проклятие серебряного пламени? — встревоженно спросил муж.

— Скорее уж Дух разложения! — грустно улыбнулась жена. Вила'Рай тоже усмехнулся, вспомнив случайно виденную ими лет десять назад картинку, где двум смешным светлым эльфятам

угрожал жуткий черный демон. Картинка была вроде бы какой-то политической листовкой, вроде бы секты Раллифейна, но подоплеки дроу не знали, поэтому тогда просто посмеялись над глуповатым видом изображенных светлых. Сейчас впору было так же пугаться.

— Смотрите, этот мажордом костяной, скелет этот желтый куда-то одежку роскошную потащил — окликнула их сидевшая у окошка гоблинша.

— Какой скелет? — не поняла эльфийка.

— Некромантов лакей — ответила Экка, но и сейчас Галяэль только вопросительно поглядела на мужа.

— Быстро собираемся. Уходить надо немедля.

— У меня не осталось ни капли маны. И ни единой склянки с напитком — сказала зльфийка. В отличие от других дроу, она не считала зазорным слушать мужа, потому и сейчас кивнула Экке, чтобы и та подготовилась к выходу. Собраться было недолго, бегство из родного горящего поселка шло налегке.

В зале раздался единогласное 'Ах!'. Вила'Рай осторожно выглянул из дверей. На свободном для возвращения из портала мага кусочке пола корчилось обугленное тело, голое, черно — красное, пятнающее пол сукровицей и кровью, сочащихся из трещин в черной корке угля, что было раньшей кожей. Эльф с отвращением увидел, что только пятки у этого существа были нормального цвета — как раз с ног отваливались, вместе с кожей ошметья сгоревших башмаков и единственное защищенное место было прикрыто толстыми каблуками.

— Как я уже говорил, бедняга не знал ничего и сейчас убедился в том, кто прав — раздался от входа невозмутимый голос и зал опять ахнул, словно один человек, увидев там невредимого лича, которого заботливо закутывал в пурпурную мантию верный скелет.

— Иллюзию выставил? — вырвалось у эльфа.

— Разумеется — нет. Ты же сам видел, дроу, что теперь те, кто со мной не могут быть уничтожены. И я тоже. Жалкие струйки огня могут только на время вывести меня из строя. Ненадолго, как вы все убедились.

Глаза всех стоявших и лежавших в просторном, но набитом битком зале уставились на эльфа. Воцарилась жуткая тишина, слышно было только, как шуршит обгоревшими конечностями по полу умирающий маг огня.

— Но война… Война же кончилась! — неуверенно вякнул кто-то из дальнего угла зала.

— Это не было войной. Когда садовник лопатой сравнивает мешающий ему муравейник и разводит на его месте костер —

разве это война? Может быть разве для муравьев. Садовник просто делает работу — словно школьный учитель пояснил мертвец.

— Зачем приходили армии пришлых? — спросил Вила'Рай, благо лич не спеша зашагал к поверженному своему коллеге–сопернику. Некромант остановился, посмотрел тяжелым взглядом бельмастых глаз, потом все-таки ответил:

— Это были вовсе не армии. Если тебя обидело сравнение с муравьями, считай их охраной караванных путей или гильдейскими служителями маяков. Наш Первохрам своей энергией нарушал работу их маяка, служащего ориентиром для прыжков со звезды на звезду. Да, такие у них караванные тропы. Вот они и послали — не армию, нет. Все-таки садовника с лопатой. Или — если уж так не нравится — сбродный конвой для каравана. Здесь не было живых в нашем понимании слова. Не было мертвых. Мне трудно объяснить состояние тех живых существ, которые дрались тут с нами в виде металлических механоидов.

— Гномские големы? — спросил пышноусый воин.

— Оркские боевые гробницы? — раздалось из другого угла.

— Нет. У нас нет подобного. То есть не было. Теперь я многому научился. Хотя их язык очень непривычен нашему слуху. Даже моему. Ритуал этот на их языке звучит как 'вшпшешяфеешщт — вззз'.

— Наверное, такой язык был у легендарных ссешщессофф — полувопросительно предложил стоящий неподалеку от эльфа арбалетчик, судя по рваной одежде, скорее всего бывший раньше богатым горожанином–книгочеем.

— Нет. Я знаю тот язык. И оне не легендарные, просто вымерли вместе со своими вековыми соперниками кентаврами. Два сапога… Так вот пришлые находятся в особенном виде, отличном от сваренных с металлом гномов или мертвых кусков плоти орков в их примитивных ходилках. Они словно как живы — со всеми признаками души и тела, но все это заключено в диски. И если диск разломать — там не оказывается ни признаков души, ни признаков крови и плоти. Так понятно?

— Нет — единогласно выдохнул зал.

— Это неважно. В массивных слугах находились те, кто были раньше четырехглазыми существами и у себя на своей планете все время воевали. Их земли пришли от этого в негодность, потому те, кто еще был жив, с радостью согласился стать разумным диском.

— А наездники?

— У тех два глаза, но общий вид так непривычен для нас, что

вы бы от ужаса заорали, встреться лицом к лицу. Хотя они были мирными до глупости. Таких и спрашивать никто не стал, смешно их не покорить.

— Двуногие, наверное, восьмиглазые были? — не удержался пышноусый.

— Нет, там как раз были люди. Не отсюда и говорящие иначе, но люди. А люди — самый опасный враг, а эльф? Что скажешь? Можешь не говорить, это все несущественно.

— А что существенно? — глядя прямо в лицо личу, твердо спросил дроу.

— Существенно пройти мой обряд посвящения до того, как ты умрешь. И чтобы дисков хватило и тебе и твоей супруге, чтобы вы оставили себе волю и память. Вот как мой сотник — выговорил погромче некромант и указал на стоящего в дверях дружинника.

— Привет вам! — громко сказал тот и поднял руку в воинском приветствии. Теперь на нем был очень богатый доспех, и разглядеть в нем мертвеца было не просто.

— Другой вариант — полезная нежить, но без памяти — вот как знакомый вам юнец–друид — голосом владельца картинной галереи объявил лич и дружинник посторонился, пропуская в зал другого одоспешенного мертвяка. Тот с трудом переставлял ноги. А доспех на друиде, скорее всего, был нужен как внешний скелет, словно панцирь раку — огненная струя взрывающегося металла слишком сильно поломала его при смерти.

— Я потом его подлатаю — походя, пояснил лич и продолжил:

— Сейчас для вас важно только то, что Огонь пришлых выжег храм и полкрепости, в чем наглядно убедился мой неразумный коллега по гильдии магов, хотя он и был защищен от огня лучше всех нас. Но видимый огонь не самое страшное. По всей долине усыхает от невидимой смерти трава, опадают листья с деревьев, и гибнет все живое. Сразу скажу — я не знаю, что это такое, но вам всем не выжить. И тебе эльф и твоей красавице — жене — никому не спастись. Выход у вас только один — умереть. И я потом подниму ваши мертвые тела и поставлю в строй, потому что не хочу, чтобы вашими черепами играли в ножной мяч светлые и прочая шантрапа, которая будет являться сюда, в нашу долину, чтобы разграбить наши дома и костяки. Этого я не допущу. Но те, кто мне понравится сейчас — те станут неистребимыми, но разумными. Вечными. Подумайте. У вас еще есть несколько часов.

— Быть обернувшимися мертвецами? Лютой нежитью? — раздались удивленные и возмущенные голоса.

— Это не так плохо, как вы думаете — неожиданно гулко

отозвался дружинник, качнув роскошными перьями на богатом шлеме.

— То есть? Ты же сам говорил — ни пива, ни баб — растерянно молвил эльф.

— К демонам пиво. Это ерунда. То, что сейчас витает в воздухе, то, что убивает незримо вас — для меня как свежее утро и стакан кларета перед боем. Оно — бодрит. Да, удовольствия некоторые недоступны. Но есть и другие.

И дружинник кивнул по–приятельски, словно был все еще жив.

10.

— Я согласен! — крепко выругавшись, сказал безногий дворянин.

— Я тоже готов — тише, но все-таки разборчиво отозвался другой раненый, у которого под пропитанными кровью повязками и лица было не видно.

— И я! — уже с другого конца зала.

— Тогда я хочу узнать — что вы умеете, чтобы быть достойными командирами в моем войске? — спросил деловито лич.

— Все, пошли отсюда — брезгливо шепнула Галяэль супругу. Вила'Рай кивнул и они с радостью покинули пропахший болью и кровью зал. Увы, на улице веселее не стало. Тем более не стало веселее еще и потому, что следом за ними выкатилась даже на вид неприятная компашка из пяти весьма гнусных субъектов, которые, не скрываясь, пялились на аппетитную фигурку жены эльфа. Все пятеро таращились. Орк в грубых доспехах с боевым молотом, два человека — арбалетчики, не пойми откуда тут взявшийся светлый эльф с удобно висящими на нем кинжалами, явно отравленными, судя по хитроумным ножнам, возобновлявшим яд на лезвиях, темный эльф — щитоносец — та еще компания. И рожи продувные у всех. Даже, пожалуй, мерзкие хари. Но видно — что боевая звезда, сработанная, держатся грамотно, оружие для них привычно и умеют им пользоваться. Что-то не попадались они на глаза раньше, пока шли бои, а тут вдруг возникли, как джинн из бутылки. И для мародеров слишком уж вид боевой. Не просто гробокопатели. Вояки. И это совсем плохо, потому как сейчас еще можно позвать на помощь. Кто-нибудь да выскочит из зала, все-таки дроу себя показали, и боевое братство не совсем угасло в тех, кто дрался за этот городишко. Но стоящие неподалеку прощелыги не нападают. Да, улыбаются хищными ухмылками, скалят зубы откровенно — но и только. Будет стыдно своей трусости. А если идти дальше, то втроем против пятерых справиться будет очень трудно. Даже если начать драку первыми. Светлый эльф — ну до чего же противная у него морда — не зря в руках лук держит. Значит, первые три стрелы выпустит быстрее, чем иной человек чихнуть успеет. И две стрелы добавят арбалетчики. А одолеть щитоносца и тяжелого орка, в общем-то, и нечем. Придется выгадывать, куда загнать стрелу, искать уязвимое место. Это опять же секунды. За секунды получишь пять стрел. Галяэль сейчас не боеспособна, слишком

измотана, да и лука у нее нет, когда бежали из дома, схватила только сумки с настоями и травами. Экка? Слабы гоблины, а уж тем более гоблинши против тяжелодоспешных. Вила'Рай покрутил головой, оценивая обстановку и помрачнел. Светлый эльф издевательски подмигнул, потом, на миг, сунув лук под мышку, сделал изысканнейший жест, какой обычно делают вышколенные мажордомы, приглашая дорогого гостя идти дальше, после чего лук снова мигом оказался у него в руке.

— Того скелета бы сюда. Или дохлого дружинника — не к месту подумал дроу и вслух сказал супруге, что у нее не в порядке одежда. Галяэль непонимающе глянула на мужа. Потом смущенно кивнула и юркнула в дверной проем ближайшего полуразрушенного дома. Следом шмыгнула Экка, после нее, стараясь не поворачиваться спиной к мутным негодяям, скользнул в дом и Вила'Рай.

Преследователи недвусмысленно переглянулись, орк, не очень спеша направился к дверям в зал, подбирая по дороге палку, которую можно было б просунуть в массивные ручки дверей, чтобы заблокировать выход из зала. Щитоносец аккуратно сыпанул дорожной пылью на сложенные пальцы, что означало только одно — цепное заклинание молчания готово к применению, эльф ловко вытянул из сумки короткие вязки веревок — такие заготовки любили войсковые разведчики и работорговцы, двое арбалетчиков вынули болты с лотков и забросили свои арбалеты на ремень за спину. Видно было, что им не впервой вламываться в чужие дома, выставив вперед неуязвимого щитника, расписаны и разыграны роли лучше, чем в театре. Отлично сыгравшаяся труппа насильников, грабителей и убийц.

Эти красноречивые действия, очевидно, были замечены и поняты правильно, потому как не пытаясь занять оборону в доме Вила'Рай выскочил навстречу радостно осклабившемуся щитоносцу, но хоть и держал лук в руке, не начал бой, а трусливо рванул за угол, а за ним нервно оглядываясь припустили и жена с гоблиншей. Светлый эльф издевательски свистнул вслед, щитоносец дождался, когда троица беглецов завернет в узкий проулок, и пустил им вслед свое заклинание. Экка запнулась и шмякнулась во весь рост, немо открыла рот и испуганно кинулась догонять бегущих хозяев.

Орк, обернувшийся на свист эльфа, кивнул, отбросил в сторону ненужную уже палку и так же — не спеша, но и не медля, отработанным мерным шагом тяжелого тарана двинул в проулок. Плечом к плечу, перекрывая полностью проулок, шел щитник, прячась за ними, двинули арбалетчики, снова взявшие свое

оружие в руки и последним, спокойно и уверенно глянув по сторонам, пошел светлый эльф.

Наглая уверенность преследователей объяснялась просто — переулочек заканчивался маленьким и когда-то уютным садиком со скамеечками и осыпавшимися розовыми кустами. Садиком, который для беглецов был тупичком — стены домов окружали садик с трех сторон и были неприступными. Даже и не стоило карабкаться по ним. Тем более на виду у врага.

Враги — а теперь уже никаких сомнений не оставалось — не спешили расправиться с попавшими в безвыходное положение жертвами. Единственный уставший до предела лучник и две женщины с жалкими стилетами — скорее были смешны. Вероятно, и поэтому развязка не наступила моментально, негодяям хотелось развлечься по полной программе, поиграв и поглумившись от души над обреченными, словно сытый кот с десятой мышью.

— Господа воители, соблаговолите молвить кто-нибудь шпилил гоблинш? — велеречиво осведомился орк у своих приятелей.

— Конечно — отозвался стоящий за его спиной арбалетчик.

— И как оно — ничего? — спросил орк.

— Ну, если ты помнишь, как шпилил детишек, то — похоже. Сиськи у гоблинш только с зеленым соском. И верещат забавно, когда шпилишь. Больно им, коротышкам.

— Ишь, глазенки пучит, короткое днище! — хмыкнул щитник.

— После меня будешь — сказал орк поспешно.

— Да ладно. Мне лекарка приглянулась, с нее начну. Эй, соплеменница, можешь кидаться мне на шею, я ласковый — хохотнул щитоносец, а остальные заржали, словно тот отмочил невесть какую комичную шутку. По роже-то не похоже было, что этому эльфу известно, что такое ласка.

— Да, можете посопротивляться, нам будет веселее — подал голос светлый эльф.

— Когда шпилишь бабу, у которой стрела в брюхе — вдвойне заводнее — согласился один из арбалетчиков.

— Может сдохнуть слишком быстро — возразил ему другой.

— А нам это все равно — отозвался орк, и все опять захохотали. Кроме бледной супружеской четы во дворике и жмущейся к их ногам маленькой зеленой гоблинши.

Негодяи тем временем текуче, плавно перемещаясь и держа на прицеле своих жертв, взяли их в полукольцо.

— Будете сопротивляться — сделаем очень больно. Попытаетесь зарезаться или прикончить друг друга — не успеете.

Будет еще больнее. Лучше вам позаниматься с нами любовью в последний раз. Станете услужать нам и выполнять наши хотелки — врать не буду что останетесь живы, но умрете быстро и без боли — сказал, целясь из лука, светлый.

— Почти совсем без боли — серьезно, но глумливо подтвердил щитник.

— Только придется расстараться — не сбиваясь с прицела, подтвердил уверенно держащий на прицеле плечо Вила'Рая арбалетчик.

— Мы привередливы. А наш командир очень любит деликатное обхождение. Такой он изысканный. Тебе, темнячок, понравится — заметил и орк.

Светлый манерно захихикал. Остальные опять как по команде захохотали. Смешливые оказались бандиты.

Бледный Вила'Рай с отчаянным выражением лица вскинул лук, натянуть тетиву уже не успел, тренькнул тяжелый арбалет, тут же вылетел болт из второго, того, что целился дроу в коленку. Результат попадания обеих болтов оказался несколько неожиданным для стрелявших. Цель исчезла, словно ее ветром сдуло, а на землю, странно хрипя и жутко корчась, свалился стоявший сзади арбалетчиков светлый эльф. То, что сторожевой голубь светляка хлопнул в воздухе и его перья быстро истаяли, показало, что хозяин мертвее мертвого.

— Фальшак! — рявкнул щитник и стал складывать пальцы для Истинного зрения. Заклинание не получилось, потому что три нужных для этого пальца вдруг отделились и посыпались на землю вместе с брызгами крови. Узкий след женского сапожка, вдруг появившийся на пыльных камнях мостовой, заставил его перекрестить саблей пространство перед собой, но мелодичный голосок эльфийки раздался из-за спины:

— Догони меня, любовничек!

Щитника пробило холодным потом, когда он увидел, что оба арбалетчика валяются, словно тряпичные куклы со стрелами в затылках. И глаза у них открыты.

— Эй, здоровяк, отшпиль меня! — отозвался с другой стороны ехидный возглас Экки.

— Раскрой их! — рявкнул орк, делая вокруг себя своей кувалдой стакан недоступности. Трудно было предположить в таком увальне столько проворства.

— Мне отсекли пальцы — взвыл щитник. Стрела звонко ударила его в край забрала и отлетела в сторону.

— Держи слева, отходим! — скомандовал орк.

Воздух загудел от свирепых круговых махов его молота, щитник, стараясь не высовываться и прикрывать при этом и орка,

то и дело взблескивал широкими махами голубой стали перед собой, до слез напрягая глаза, чтобы не пропустить следы, отпечатывающиеся в пыли на улице. Орк заревел тремя ранеными медведями — к его шлему прилип ком густой черной грязи. Такой же прилетел и щитоносцу, но он успел спрятаться за щитом.

Не сбрасывай шлем! — гаркнул щитоносец.

Орк не был дураком и сам знал, что без шлема его свалят моментально — не стрелой, так брошенным издали в лицо стилетом. Воздух снова загудел от летающего молота. Но теперь щитоносцу следить приходилось и за стороной орка. Отступали медленно, но уверенно. Несколько стрел бессильно звякнули по доспехам, но это не пугало, у перехитрившего их темняка остались только широкие наконечники, такими при всем желании не пробьешь даже кольчугу, не то, что пластинчатый доспех. Ничего, пока надо отходить, потом чертов хитрец станет видимым — ему еще за вуалью минуту–другую прятаться осталось, не больше. И тогда неизвестно, кто в кого влепит метательный стилет.

— Укуси ежа за сраку! — орал орк.

И тут же взвизгнул, повиснув в воздухе и нелепо вращаясь вокруг своей оси. Звякнул о камни выпущенный из рук от неожиданности тяжеленный боевой молот.

Детское заклинание 'Виси, виси, пощады проси!', надо же так нелепо попасться, жуткое позорище для опытного воина! Если б не искалеченная только что рука щитоносца — сбить это заклинание было бы легко, а так орк глупо растопырившись, выбыл из игры.

— Стой! — крикнул Вила'Рай, когда увидел, что закусившая нижнюю губу Экка, стремительно бежит прямо к зависшему врагу. Та упрямо неслась вперед, в последний момент шлепнулась спиной на камни, плашмя проскользнула под свистнувшей в считанных сантиметрах над ней саблей щитоносца и, вскочив на ноги у того за спиной, пырнула кинжалом в подколенный сгиб, увернулась от пинка ногой орка, вертко заскочила за дрыгающего ножищами вояку и сунула кинжалом ему под металлическую юбку, прикрывавшую таз и верхнюю часть бедер, потом кувырком отлетела в сторону — все-таки орк сумел ее пнуть вслепую.

Орк верещал нечеловеческим голосом. Из-под его железной юбки густо, струей полилась кровища, несерьезный, в общем, кинжальчик в слабых лапках гоблинши, но, сунутый куда надо повредил здоровяка насмерть. Щитоносец понял, что остался один.

— Шпиль меня, шпиль, красавчик! Я засуну твою игрушку тебе в пасть, чтобы ты предстал перед своим Мелкоратом! Я думаю, твои предки порадуются твоему жалкому виду! — торжествующе верещала с безопасного расстояния Экка, не забывая все время двигаться. Оставшийся еще живым щитоносец был матерой тварью и вполне мог на голос метнуть нож, это даже Галяэль хорошо умела, а уж старому воину и тем более было несложно подловить на слух беззаботного врага.

Вила'Рай выпустил оставшиеся у него стрелы, заходя сбоку и пытаясь достать через тяжелый доспех своего последнего недруга. Не получилось. Но щитоносец вел себя странно. Он стоял на одном месте, тяжело опершись на поставленный перед собой осадный щит, и покачивался. Задумал какую-то хитрость? Тяжело грохнулся на камни орк. Странно было, что в нем столько крови, лужа разлилась как на бойне, где режут быков. Орк хрипел, корчился, из — под шлема потекли струйки зеленоватой пены. И такие же струйки стали течь из — под забрала щитника. Его качало все сильнее, потом он грузно рухнул на колени, попытался встать и растянулся во весь рост. Его сводило судорогами так же как и орка и под вопросительным взглядом Вила'Рая гоблинша недоуменно пожала плечиками и скорчила недоумевающую мордашку.

Эльф знаком подозвал ее к себе. Настороженно посматривая на валяющихся врагов, приблизилась и эльфиня. Муж знаком спросил жену — и та двумя быстрыми жестами показала, что эти двое явно умирают. Но она не может понять, что значат пена и корчи.

— Яд? — шепнул Вила'Рай.

— Вероятно. Но мне такой не знаком — ответила Галяэль, внимательно смотря на умирающих. Завеса вуали медленно спадала, теперь все становились видимыми, от этого было чуточку неуютно.

Эльф знаком приказал гоблинше показать свое оружие. И удивился, раньше подобное ему никогда не попадалось, даже похожего не встречалось. Кинжал был хищного вида, странный во всем — и извилистым, словно ползущая змея лезвием, и почти черным металлом клинка, похожим на адамантит, но странного узорчатого рисунка. Да и нельзя было выносить адамантит на солнечный свет. Он моментально исходил серой ржавчиной, превращаясь из дорогущего металла в никчемную пыль. Рукоятка тоже была странной, согнутой крючком, словно оружие пришлых, которое эльф забрал у 'наездника'. И тут лезвие, словно живое, вдруг повернулось вокруг своей оси, когда Экка чуть изменила положение кинжала.

Определенно, такого оружия Вила'Рай сроду не видал.

11.

— Откуда это у тебя — поинтересовался эльф.

Отряхивающаяся от пыли и грязи Экка как-то слишком уж быстро пожала плечиками и поспешно сказала, невинно хлопая ресницами:

— В брошенном доме нашла!

Вид у нее при том был такой подозрительный, что в другое время дроу обязательно бы выспросил, где это валялось такое диковинное оружие, но сейчас некогда было. Времени не было вовсе, он и сам чувствовал, как утекает жизнь и находиться здесь, под неизвестным, но мощным проклятием было нельзя. Супруга понятливо кивнула, взглянув на его скупую команду — язык жестов дроу знали с детства. Да она и сама, скорее всего взялась бы посмотреть, что тащили с собой дохлые нынче мерзавцы и начала бы тоже — именно со светлого и темного эльфов. Если у кого в этой банде и были в запасе склянки с маной, то в первую очередь у этих двоих. А склянки сейчас означали жизнь, только эльфийское лекарское искусство могло протянуть время, не дав смерти забрать с собой и ее саму и супруга и слугу. И действительно — в наплечной сумке светлого негодяя нашлось две склянки, одну из которых Галяэль выпила сразу и даже не поморщилась. Быстро привела в порядок себя, подлечила осунувшуюся гоблиншу и помогла мужу. Эльф благодарно усмехнулся, словно бы и не улыбкой, а отзвуком таковой, кивнул, спешно потроша пояса и сумки убитых арбалетчиков. Там склянок не было, а всякий хлам, который таскает с собой любой путник, его сейчас не интересовал, разве что деньги только. На секунду заколебался, потом все же забрал тяжелые полные фляжки, по холодности их боков, судя наполненные чем-то совсем недавно, мешочек вяленого мяса и пару лепешек в чистой тряпице. Грозно глянул на занимающуюся глупостями Экку:

— А ну перестань! Потом этими же руками есть будешь! Я кому сказал! Чем этого гада потрошить лучше карманы его проверь! И сумку посмотри!

Гоблинша упрямо запыхтела, всем своим видом выражая непреклонную воинскую волю все-таки выполнить обещанное орку в последние минуты его жизни, но достаточно было Галяэль просто посмотреть на Экку, чтобы строптивая зеленая мелочь тут же смиренно стала делать нужное для семьи. Супруги переглянулись, Эльф возвел очи горе и глубоко вздохнул, эльфийка весело подмигнула. После лечения стало немножко

полегче, хотя усталость давила могильной плитой.

Доспехи светлого были очень неплохи и стоили дорого, но для женщин были велики, а для Вила'Рая малы, продавать же их здесь не было никакой возможности, забрать и тащить с собой не хватало сил. То же можно было сказать про кожаные, с подшитыми стальными пластинками куртки и сапоги обоих арбалетчиков, да и тяжелый доспех темного щитника с длинной на гномский манер кольчугой тоже мог пойти сугубо на продажу. Только грубые латы орка не были нужны никому. Как и его тяжеленное оружие. Эльфийка внимательно рассмотрела кинжалы светлого, но переглянувшись с Эккой, кинула их на труп обратно. Точно так же эльф поступил с арбалетами и саблями. Из всего оружия взяли только эльфийский лук, да колчан со стрелами атамана угробленной шайки. Он был тяжеловат для женщины, но без лука она чувствовала себя плохо. Бросили все трофейные ножи. Метательные стилеты тоже не стали брать. Вот что собрано было тщательно — так это все стрелы, которые Вила'Рай выпустил в ходе боя. Жаль, но четыре из них были сломаны непоправимо, одну так и не удалось выдернуть из тупой башки дохлого арбалетчика, застряла намертво. Но попавшиеся на телах амулеты и перстеньки собрали — они были с какой-то магией и вроде бы не представляли из себя личных, рассчитанных только на владельца, а на чужом моментально начинавших вредить. Разбираться было некогда, для понимания, что это за вещичка — надо вдумчиво послушать свои ощущения от амулета. Не торопясь, со вкусом, чутко и нежно.

— Куда идем? — задала, наконец, Галяэль исконный женский вопрос, одинаковый для всех рас и народов.

— Туда, где кутили после свадьбы, помнишь? Полдничали… — на ходу бросил эльф.

— Вино там было хорошее — рассеянно ответила жена. Все-таки ей было не очень понятно, зачем они двигаются именно туда и, как и положено настоящей женщине (а в том одинаковы что человечихи, что гоблинши, что эльфийки и даже гномихи таковы. Вот орчихи — те не такие) нагромоздила целую гору всяких догадок, сомнений, предположений и рассуждений, большая часть которых целеустремленно поспешавшему мужу и в голову бы не пришла.

— Сейчас не до вина. Нужна вода, еда на несколько дней пути, плащи и проводник через Дикую пустошь. А толстый трактирщик, хитрая шельма, явно был контрабандистом и тут все тропки знает. Возможно, у него найдется и пара–тройка скляниц, очень бы они были в жилу. Проклятье пришлых ведь имеет где-то и границу, если мы до нее доберемся раньше, чем помрем —

посмеемся над этими железяками, будь они прокляты, ушлые твари — вдруг пояснил свои действия эльф.

Галяэль, как раз размышлявшая о том, что на прощание внезапно ставший сентиментальным супруг решил устроить романтический ужин, чтобы умереть красиво и вместе, словно в старинных балладах и легендах про не разлученных даже смертью влюбленных, аж запнулась от такого перехода к грубой прозе жизни. Увлажнившиеся было глаза, тут же высохли. Эльфийка глубоко вздохнула, внутренним взором с грустью окинула разбитую вдрызг картину такой утонченной и стильной гибели двух влюбленных, достойной любого эпоса дроу, а потом прибавила шагу. Вообще-то, хоть она и была натурой поэтической и деликатной, но помирать вот так, даже не родив ни единого дитя ей не хотелось ужасно. А про красивые и возвышенные смерти лучше читать, чем гибнуть самой. Да и нет тут, честно признаться, ни одного барда, который бы восхитился горестным лирическим сюжетом, сумел бы его записать и — самое главное — выжить, чтобы потом петь свою балладу. Разве что лич новодельный решит внезапно, что ему нужен еще и придворный летописец. Но это вряд ли. Судя по отрывочным сведениям личи и сами все отлично запоминают, а если о ком и заботятся — так, скорее, о вояках для своего войска, чем о всяких шутах, фиглярах и бардах. Нет у мертвецов чувства прекрасного, да и с юмором у них кисло. В трактире оказалось неожиданно людно. Две компашки заливали горе вином и пивом, которые не пойми как у хитрой трактирной лисы все же остались, несмотря на то, что в ходе боев заведение было ограблено и не один раз.

Толстяк тоже был пьян и находился в такой степени, когда человек становится подчеркнуто вежлив, велеречив и церемонен.

— О, неустрашимый командир со своей прекрасной супругой почтил мое скромное заведение! Я невыразимо рад! Прошу вас, располагайтесь, хотя вскоре я и закрою свой трактир навсегда, увы, но для дорогих гостей сегодня — все что угодно! Собираетесь отобедать на террасе или в зале?

— Нам нужно поговорить и как можно скорее — напористо отжал собеседника дроу в темный угол.

— Лекарка! Выпей с нами, красавица! И мужа своего тащи, пусть тоже выпьет! В последний раз! — загомонили в пестрой компании, где черпали вино прямо из бочонка.

— Мелкоратовы дети — зло, но очень тихо пробурчал трактирщик, а громко воскликнул:

— Всего одну минуту, почтенные, дайте же дорогим гостям умыться с дороги!

— Мытая эльфа лучше немытой!

— А немытая тоже годна в дело!

— А я бы глянул, как остроухая купается! Они хоть и серые, но с сиськами!

— Я бы тоже! Задок и ляжки у нее неплохи.

Вила'Рай ощетинился. По возможности незаметно тронул лук, готовясь к драке. Жена тоже подобралась, но пузан, ловко напирая животом, вытолкнул эльфов и вертевшуюся под ногами гоблиншу, за солидную дубовую дверь, что вела на кухню. Неслышно закрыл хорошо смазанный засов и внимательно, остро глянул в глаза, словно и не был пьян.

— Я слушаю. И поторопитесь, а то публика в зале и раньше-то была не слишком благонравной, а перед лицом смерти они и вовсе стыд потеряли. О чем вы хотели говорить?

— Нам нужна еда, вода и все, что нужно для небольшой прогулки. До краешка загаженной пришельцами земли.

— И проводник, конечно, который знает караванные тропы — мигнул понимающе трактирщик. Эльф кивнул, скупо улыбнувшись догадливости собеседника. Толстяк, однако, не загорелся идеей спасения, а кисло ответил:

— Нет. Не интересно. Глупо потеть перед смертью, когда можно встретить ее в комфорте. Мы не успеем. Даже имея в караване вашу прекрасную супругу, наглядно показавшую храбрым воинам свое удивительное искусство лекарское.

— Почему вы так считаете? — нервно спросил эльф.

— Потому что умею считать. Так уж получилось, что я знаю точно — рыжей травы на два дня пути. А кармашки в поясах у вас пусты. Взять фиалы после боев негде. Я покупал много склянок с жидкостью, но не той, что сейчас нужна для лечения, увы. Значит, мы просто не дойдем до края невидимой смерти, раньше сдохнем на этой сохлой жесткой траве. Сальдо–бульдо увы не в нашу пользу. А торговать себе в убыток — смешно, старое правило любого из нашего цеха трактирщиков.

Галяэль все это время практически не слушала разговор. Странное поведение Экки привлекло все ее внимание. Экка вертелась как нашкодившая кошка, словно хотела в чем-то признаться, но опасалась. Точно так она себя вела, когда грохнула об пол единственную по–настоящему ценную вещь в доме Вила'Рая — старинную узорчатую вазу. Хотя немного и не так. Тут был не только страх перед нагоняем, что-то еще.

Не мешкая, эльфийка цапнула острое зеленое ухо и оттащила упирающуюся гоблиншу за здоровенную холодную плиту.

— Признавайся! Что натворила?

Экка смущенно затопталась на месте. Шумно засопела.

— Я даже не успею тебя взгреть как следует. Потому говори

быстро! — поторопила слугу дроу.

Гоблинша — вот удивительно с робостью огляделась по сторонам, совсем было собралась говорить — но опять не выдала ни звука. Это уже всерьез разозлило Галяэль.

— Мы все равно все умрем скоро. Говори, а то я и впрямь пожалею, что ты не досталась орку для забавы. Ну?

— Смерть-то ладно — пропыхтела затравленно Экка.

— Чего же можно бояться больше смерти? — искренне удивилась лекарка.

— Этот. Который мертвым лежать спокойно не дает! — осторожно оглядываясь, прошептала обычно нахальная гоблинша.

— Нет ничего страшного, чтобы быть безмозглым скелетом в его армии — уверенно заявила эльфийка и не справилась с собой, передернуло ее от отвращения при одной только мысли о такой судьбе.

— Вот я о том же — понимающе зашептала зеленокожая.

— Я все же, наконец, надеру тебе уши!

— Оба уха? — как-то глупо испугалась Экка.

— Оба! Давно собиралась! Ей–ей надеру, вот тебе мое слово! — не на шутку разошлась эльфийка.

Гоблинша отчаянно махнула лапкой, дескать 'пропадай моя телега, все четыре колеса!', потом все же шепотом призналась:

— Я знаю, где есть фиалы. И много. Но мне очень страшно, чесслово!

— А мне уже — нет — тоже шепотом сказала Галяэль и, разогнувшись, вернулась к мужчинам.

— Фиалы будут — негромко сказала она.

— Даже так? На два дня пути? С женщинами? У одной из которых очень короткие ножки? То есть на три дня? — внезапно оживился толстяк.

— Коротышку можно нести на руках — заметил эльф.

— Меня тоже на руках? — иронично потряс свое пузо ручищами трактирщик.

— Это сложнее — признал очевидное Вила'Рай.

— Гм! А ведь есть одна мыслишка! Если фиалов будет достаточно, то очень даже недурная мыслишка — загорелся пузан. Потом посмотрел на потирающую уши Экку и сказал:

— А покажи — ка мне свой кинжал, уважаемая. Только за лезвие не берись.

— Еще чего! — насупилась гоблинша.

— Покажи и побыстрее — велел эльф.

Экка посмотрела на хозяйку, та властно кивнула головой, и тяжело вздохнув, маленькая гоблинша до половины вытянула диковинное лезвие из ножен.

— Если вы по итогу нашего похода при успешном его окончании подарите мне безвозмездно этот кинжальчик — я готов принять участие в вашей эскападе, на правах проводника каравана, а также берусь обеспечить караван в вашем лице провизией, мальвазией и прочей амуницией с оборудованием и упряжью — привычно оттарабанил трактирщик.

— Есть и вьючные животные? — удивился эльф.

— Увы. Но я кое-что придумал, раз появился свет в окошке — усмехнулся толстяк.

— Мы согласны — в один голос ответили муж с женой, коротко переглянувшись при этом и игнорируя протестующее сопение слуги. Эльфийка, немного помедлив, щедро пролечила нового компаньона, словно вдохнув в него жизнь.

— Тогда не будем терять времени — жестко бросил трактирщик и неожиданно шустро заметался по кухне и примыкающим чуланам. На нетопленной плите и разделочном столе рядом с ней быстро появилась гора из всякого нужного, которое понадобится в походе. Супруги и их слуга поспешно размещали все в трех здоровенных наплечных коробах, которыми любят пользоваться как бродячие торговцы, так и контрабандисты.

— Еды и питья беру в обрез, нам еще фиалы тащить — а их понадобится много! — негромко пояснил толстяк. Потом с гордостью выложил три свернутых в тугие скатки невзрачных плаща. Увидев, что спутники не понимают, пояснил:

— Это эльфийские, сумеречные. Но в них и днем путник не заметен уже с тридцати шагов. Не то, что ваши из лунного шелка, что на свету рассыпаются старой паутиной. Эти еще и теплые и от солнца защищают. Ну, все, готовы? Тогда давайте пошустрее, пока публика в зале рисует в воображении картины купающихся эльфиек.

Схватив напоследок аккуратно увязанный моток каких-то ремней с застежками, трактирщик открыл малозаметную дверь черного хода, откуда на кухню в мирное время таскали продовольствие, дрова и все, что нужно для работы трактира, глубоко вздохнул, прощаясь с заведением и пошел, не оборачиваясь за семенившей впереди всех Эккой.

Тяжелые тюки мешали идти, но страх умереть подгонял куда лучше, чем даже опытный всадник на скачках. Оставалось надеяться только на зеленую мелкую гоблиншу и на то, что там не три, пять или даже десять склянок, а куда как больше. Правда, как тащить потом еще и склянки — было не совсем понятно. Но Экка бежала уверенно, вприпрыжку, часто оглядываясь на своих более медлительных спутников.

— Хорошая вещь — солидный живот. Но не всегда — смахивая со лба обильный пот пошутил толстяк.

— Ага — коротко ответил эльф. Ему тоже было тяжело. А супруга вообще не сказала ни слова. Сил не было говорить.

12.

— Это — последний — печально отшвырнула в сторону опустевшую склянку Галяэль.

— Надо поспешить, а ноги не идут. Далеко еще? — глухо спросил гоблиншу толстяк.

— Уже скоро, скоро — буркнула та.

Разговаривать никому не хотелось. Самочувствие у всех было отвратительное, сердца бились, словно хотели проломить ребра и выскочить наружу, легкие с трудом хватали кусками воздух, словно бы ставший густым и колючим, ноги налились свинцом и плохо гнулись в коленках, а еще и тяжелые короба, без которых не перейти через Злые степи. Эльф отметил про себя, что идут они уже знакомым путем, хорошо знакомым, только в начале, видно Экка плутанула, заставив всех дать здоровенный крюк. Но сейчас ему стало ясно, что идут они к месту последнего боя с пришлыми. И насчет фиалов мысль в уставшем мозге тоже оформилась — больше негде им было взяться кроме как в доме некроманта. Откуда-то таскал же скляницы с маной скелет–мажордом.

— Мы к личу в гости идем? — догадался и трактирщик.

Гоблинша смущенно завертелась.

— Точно. Именно туда — кивнул уверенно головой пузан.

— Это что-то меняет? — подняла бровь эльфийка.

— Да. Раз уж идем туда, то надо еще одно дело сделать. А то у нашего командира неполная боевая звезда выходит — улыбнулся человек тенью нормальной улыбки. И тяжело, гулко закашлялся.

— Я уж думал, что свое отвоевал — без эмоций прохрипел Вила'Рай.

— Э, вы же решили. Что помирать рано? А для того. Чтобы выжить. Придется еще повозиться — рублеными кусками фраз одышливо выдал толстяк. Говорить было трудно, даже дышать тяжело, не то, что еще языком ворочать. Знать, что умираешь и так вот терять силы, словно у тебя взрезаны вены на руках и ногах и чувствуешь, как жизнь стремительно уходит было очень страшно. И даже такие бывалые вояки, как мятый жизнью эльф и верченый всякими хитрыми обстоятельствами трактирщик были бледны и вид имели не самый лучший. Что касается эльфийки и гоблинши — то они выглядели еще более жалко, хотя изо всех оставшихся силенок старались держать фасон.

— Я эту упряжь захватил из расчета на помощь нашего

глупого, но сильного тролля. Последний раз я его видел около поверженного Двуногого. Надеюсь, что он и сейчас там — наконец перевел дух толстяк.

— Я не смогу его лечить. Он громадный. Меня и на вас-то уже не хватает — печально сказала Галяэль, глазами дав понять мужу, что она вот–вот свалится.

— А если будут фиалы? — остановился обеспокоенный пузан.

— С фиалами — смогу. Но сама боюсь того, какой потом у меня будет откат — призналась лекарка.

Толстяк кивнул. Он сам знал, что у лекарей и шаманов после интенсивной работы на износ проходит так называемый откат — бурный эмоциональный взрыв, обычно агрессивный. Тут ведь работа предстояла совершенно колоссальная. Даже если забыть, что до этого Галяэль удерживала на краю смерти и лечила несколько десятков тяжелораненых воинов.

— Мы перетерпим — заверил он пепельно–бледную эльфийку.

— Сначала за фиалами — вернул разговор в деловое русло Вила'Рай.

— Как бы нас не прихватил беспокойный хозяин — забеспокоился трактирщик.

— Долго тролля запрягать?

— Не быстро. Да и уговорить еще надо. Может ведь и заупрямиться.

— Да, самодурство троллей известно — согласился эльф, устало опершись о стенку дома.

— Ну, тогда пойдем сами — решительно сказала эльфийка, но мужчины поневоле улыбнулись такому наглядному диссонансу волевой речи и изнеможенности тела сказавшей.

— Пошли, терять время нам нельзя — отлепился от такой уютной опоры эльф.

Дом некроманта так и стоял, как в момент отхода после боя. Разве что пыль осела, и дыма стало поменьше. Эльф посадил всевидящую летучую мышь на витой завиток лепнины второго этажа, чтобы видеть улицу в оба конца и шагнул следом за остальными. Экка уверенно прошла вестибюль, перебралась через книжные завалы библиотеки, но тут Галяэль обессилела и извиняющимся голосом сказала:

— Я здесь посижу пока, хорошо?

Муж хотел помочь ей сесть на стоявший рядом тяжелый стул с прямой резной спинкой, но она шепнула ему тихо:

— Не надо, а то если сознание потеряю — свалюсь и стукнусь. Лучше на полу, вот на этих томах пристроюсь.

И все — таки нашла в себе силы улыбнуться. Что-то

царапнуло по сердцу Вила'Рая — и нежность к жене и жалость и страх ее потерять, сразу вроде и не разберешь, но чуть не заплакал. Торопливо кивнул и приказал толстяку присмотреть за лекаркой. Тот со смешанными чувствами на мокром от пота лице плюхнулся рядом на толстые, переплетенные в старую кожу тома. Дроу усмехнулся про себя — видно было, что толстяк устал до предела, но ему страшно хочется хоть одним глазом глянуть на погреба и закрома некроманта. Дроу поспешил за гоблиншей, одна комната, другая. Коридор, поворот и…

Высунувшаяся внезапно у самых ног физиономия Экки вызвала легкую оторопь, даже схватился за рукоять кинжала. В пустом, темноватом коридоре, завешенном старыми гобеленами (грубой, топорной работы, скорее всего оркской) одна из деревянных панелей неплотно прилегала к стене, и дешевый гобелен прикрыл почти весь открывшийся проем.

Маленькая зеленая ручонка с трудом держала на весу фиал с маной.

— Там еще есть? — стараясь, чтобы голос звучал бесстрастно, спросил пересохшим ртом Вила'Рай.

— Есть. Но тут темно очень — пожаловалась Экка, сунула ему в руку фиал и опять скрылась под гобеленом. Эльф отогнул край ковра и увидел, что полностью закрыться потайной двери помешал канделябр, добротный, эльфийской работы, на 12 свечей. Дверь была хороша — потому как сильно смяла бронзовую вещь, но все равно закрыться полностью не смогла. Из узкого проема что-то матово отсверкивало, то металлическим, то стеклянным блеском, но толком в эту широкую щель эльфу было не протиснуться, а после беготни на солнце и под открытым небом глаза не могли нормально видеть в темноте. Опять вынырнула из тьмы Экка, на этот раз волокла два фиала.

— Складывай их тут, я сейчас отнесу скляницы, чтобы Галяэль в себя пришла, и мы все вместе сюда придем.

— Хозяин, ты за этим жирным посматривай — не нравится он мне. Жулик он и мошенник и глаза у него такие… — маленькая слуга задумалась, шевеля губами и подбирая слово — убивал он, говоря проще.

— Хорошо, присмотрю — кивнул эльф и про себя подумал, что и слабенькая хрупкая Экка тоже умеет убивать и присматривать придется за обоими — и за толстяком и за гоблиншей. А то, не ровен час, пожалеет она отдавать свой кинжал — и пырнет проводника. И что потом делать? Открытые пространства для жителя пещер были пострашнее, чем для жителя степи — темные пещеры. Во всяком случае, сам эльф в этом был совершенно уверен.

В разгромленную библиотеку он вошел, нарочито неся фиал впереди себя, потому, что хотел сразу же успокоить жену. И действительно, она с недоверчивой радостью спросила:

— И еще есть?

Дроу заверил супругу, как мог, что да, есть и много, хватит на дорогу и этот фиал можно сразу принять. Несколько минут ушло у нее на то, чтобы выглотать содержимое фиала, быстро привести в порядок себя, мужа, потом вдохнуть жизнь в распластавшегося плоской камбалой трактирщика.

— Это похоже на то, как решетом воду носить — откомментировал ее действия оживший толстяк. Действительно, то, как лекарка выпивала жидкость и потом раздавала спутникам ручейки жизненной силы, было похоже на наливание воды в дырявые бочки.

Эльфийка кивнула, перебираясь через сваленные кучами книги. Трактирщик поспешил со всей возможной поспешностью. Видно было, что ему страшно хочется залезть в потайную комнату. Но это ему сделать было никак не возможно — в узкую щель не до конца закрывшейся металлической двери могла с трудом протискиваться только щуплая Экка, даже тонкокостной изящной эльфийке было невозможно влезть в сокровищницу. Что уж говорить про массивного человека. Он стал поспешно высекать кресалом искры, чтоб зажечь вытащенную из взятого с собойимущества свечку, но эльф придержал его за руку, озираясь в поисках гоблинши. Коридор был пуст, только валялось полтора десятка фиалов.

— Огня не надо. Сейчас наши глаза привыкнут к темноте, будет лучше. Экка ты где?

В ответ донесся пискливый стон — оттуда, из-за полузакрытой двери. Галяэль тревожно взглянула на мужа, гибко опустилась на коленки и стала вглядываться в темноту. Эльф помог ей не требующим слишком больших усилий Темным видением и супруга испуганно ахнула.

— Экка, что с тобой? Экка!

Ответом был только повторный стон. Не теряя времени даром, эльфийка сообщила, что слуга валяется ничком в недосягаемой зоне, рукой до нее не дотянуться, можно попробовать ее подвесить в воздухе, как недавно — орка и, захватив ремешком с петлей за руку или за ногу подтянуть поближе. Но можно попробовать пролечить, возможно, малышка просто потеряла сознание от усталости и потери сил, начав бурно таскать драгоценные скляницы.

Решили попробовать второе. Лечение и настырные громкие окрики помогли — гоблинша зашевелилась, открыла глаза.

— Я его и брать не хотела, а оно как стукнет! — смогла она только выговорить, не очень уверенно вставая на ноги. На лбу у нее стремительно опухала здоровенная шишка.

— Экка, нам нужны только фиалы. Не отвлекайся. Того, что ты уже достала — мало. Нужно больше. Гораздо больше.

— Что вы там видите? — нетерпеливо спросил толстяк, которому не видно было вообще ничего.

— Много непонятного. Это не вполне сокровищница, скорее лаборатория некроманта. Вижу кости. Части доспехов. Но в первую очередь — фиалы. И они меня интересуют сейчас больше всего.

— А такие кинжалы еще там есть — нетерпеливо пропыхтел толстяк.

— Кинжалы? Есть. Но не такие. Но я и не вижу все помещение — буркнула эльфийка, бережно принимая от очнувшейся слуги очередные склянки.

— Вы не понимаете, найти такую сокровищницу можно только раз в жизни! Тем более, что сейчас этому некроманту не до нее, я уверен, что он будет делать Большой Призыв, а мы можем тут найти такое, что позволит нам жить в роскоши и благополучии!

— А вы не понимаете, что у любого уважающего себя мага обязательно поставлены в сокровищнице и лаборатории ловушки для таких наглых. И я не хочу, чтобы мою слугу превратило в дурно приготовленное ракальское рагу — огрызнулась довольно зло Галяэль.

— Но у вас же есть Темное зрение! Вы же видите эманации магии! Я точно знаю, мы работали долго с темняками, у нас были дроу. Просто увидеть и не соваться туда, где 'к л у б и т с я'! Но ведь действительно — такое раз в жизни выпадает. Тем более — мы все равно — воруем из сокровищницы!

13.

Эльф усмехнулся.

— Формально — нет, не воруем. В виде оплаты за охрану я потребовал фиалы. Количество не оговаривалось. Потому — пока мы еще ничего не нарушили. Немного жаль, что с нами нет нашего гнома, он бы возможно придумал бы, как открыть эту дверь. Но…

— Это хорошо, что гнома тут нет. Он бы вас за один этот кинжал зарезал — перебил трактирщик.

— Возможно — немного подумав, согласился Вила'Рай, старательно и аккуратно укладывая фиалы в свой наплечный короб.

Трактирщик от избытка чувств аж затопал ногами возмущенно.

— Между прочим — поднял глаза эльф — что мешает тебе нас зарезать из-за кинжала, который видно и впрямь очень ценен.

— Хотя бы то, что вы мне и так обещали этот кинжал, а ничего другого ценного у вас нет. И мне без вас не пройти через Злые степи. Даже если я заберу эльфиню. Которая в виде мести наложит на меня паралич, вместо лечения, если только я и впрямь ее украду. Мне просто невыгодно такое действие. И к тому же я не гном, мне жадность ум не застит.

— Хорошо. Укладывай фиалы, не стоит тут задерживаться — не отрываясь от работы сказал Вила'Рай.

— Встречный вопрос — а что помешает вам меня прирезать, когда пройдем степи? И я имею в виду даже не командира с супругой, а гоблиншу, коея вполне может меня пырнуть. А? — бухтел толстяк, тем не менее, сноровисто и умело укладывая фиалы в свой наплечник.

Эльф промолчал. Его супруга быстро глянула через плечо.

— Не, я вижу, что в отличие от других темняков у вас, командир, супруга хорошая, не то, что их высокомерные твари, ненавидящие мужчин и имеющие змеиную душу. Или там паучью. Но все-таки — я вам никто считай — продолжил взволнованно пузан.

— Я гарантирую, что ни мы, ни наша слуга не причинит вам вреда, пока вы не начнете каких-либо враждебных действий — отчеканила Галяэль. Взгляд у нее стал ледяным, и глаза недобро сверкнули.

— Легко сказать — уперся толстяк — ведь можно что угодно посчитать враждебными действиями! А к тому же у вас откат

будет скоро! Оп. А почему скоро? Вы же уже три дня точно лечите! Все, глубокоуважаемая лекариня. Я заткнулся. Можете меня ругать сколь угодно, гарантии я принял, я спокоен, я совершенно спокоен — замолол языком трактирщик, которого опять обильно прошиб пот.

Гаялэль криво улыбнулась. Видно было, что ей действительно трудно сдерживаться. Мутная злоба и впрямь распирала ей грудь, сдержаться удалось с трудом, напомнив себе, что такое пристало бы поклоняющейся паучьей богине стерве, а никак не ей. Поклоняющейся веселой и снисходительной к мужчинам Эйлистиири не к лицу злиться на мужчин.

— Милая, ты поругайся — тихо сказал ей муж и мягко усмехнулся. Эльфийка глубоко вздохнула, потом и впрямь начала бурчать под нос всякое разное, что трактирщик с эльфом, переглянувшись, решили не замечать.

— Не лезь туда! — встревоженно воскликнула вдруг Галяэль, и в кладовой опять что-то загрохотало так, что трактирщик аж зажмурился.

— Что? — подался к жене эльф.

— Я не понимаю! — удивленно ответила та.

В проеме появилась напуганная гоблинша, которая приволокла три странных колчана со стрелами. Стрелы были хоть и непривычного вида, но первая же взятая в руки эльфом оказалась отлично сделанной, прекрасно сбалансированной и просто замечательно подходящей для стрельбы. Ну, странноватая, зато в руке лежит, как влитая.

— Отлично, нам это понадобится — одобрительно сказал Вила'Рай и вздрогнув от неожиданности отшвырнул стоявшую у прохода жену, вертко нагнулся, выхватил словно тряпичную куклу гоблиншу и предусмотрительно отскочил сам. В проем тупо вперся такой же желтый от времени скелет, как и уже знакомый ранее мажордом. Правда, на этом были вполне обычные человеческие доспехи, глубоко севшая на голые кости черепа мисюрка с бармицей, пластинчатый доспех, тяжелые конные сапоги с отворотами. И даже одежда еще не вся истлела. Эльф выхватил саблю, прикидывая, что можно сделать с таким противником. Вся его магия не очень годилась против нежити. Дубовата нежить к эльфийской магии. Секунда проскакивала за секундой, но скелет стоял столбом.

— Тьфу, почти напугал, зараза — с чувством сказал эльф, не глядя, привычно, вкидывая саблю в ножны.

— Что не так? — возбужденно спросил сопящий за спиной трактирщик, державший наотлет свою дубинку.

— Маг дал обещание не применять к нам ни одного из

известных ему заклинаний. Помнишь?

— Помню. Но соль в чем?

— Экка видать зацепила сторожевое заклятие и разбудила стража. Но страж поднят заклинанием, известным некроманту. Потому по клятве не может нам причинить вреда. Ходить следом будет и мешать, но и только. Он даже меч из ножен не выдернул. Экка, там еще есть скелеты?

— Четверо. И много костей так, вроссыпь — опасливым шепотом выговорила гоблинша.

Эльф рассмеялся, негромко, но заразительно. Заулыбался трактирщик, хмуро усмехнулась эльфийка.

— Почему ты смеешься? — с подозрением спросила Экка.

— Потому что ты зацепила волшебную ловушку, разбудила стража, устроила там грохот, а тут вдруг шепчешь. Ладно, я проверю этого скелета.

Подготовив щепочку для заклятия 'объятия деревянного болвана' эльф мягко ступая, шагнул к проему. Он был готов к любым действиям скелета, но тот так и стоял, вроде бы с недоумевающим, глуповатым видом, насколько так можно сказать о голом костяке. Вила'Рай медленным и плавным движением подвинул скелет, тот словно во сне переступил своими сапожищами и опять замер.

— Давай, Экка, нужны еще фиалы, этих мало — велел эльф. Гоблинша поежилась, опасливо таращась на стража.

— Ты, в конце концов, доиграешься — зло сказала эльфийка.

— Но я же… — начала было зеленокожая.

— Вила'Рай — мой муж. Если он что-то тебе сказал — делай! А ну марш за фиалами! И не вздумай трогать шкатулку с самоцветами на крышке. И вот те книги, что лежат стопкой на столе справа.

— Ловушки? — спросил трактирщик.

— Почему бы тебе не заткнуться, жирный человек? — взвилась было Галяэль, потом с трудом взяла себя в руки и спокойнее ответила:

— На шкатулке вижу какое-то свечение, так что да, заклятие. А книги тяжелые, потому если рухнут — то просто зашибут. Ты меня слышишь? Я человеку говорю, но слушать должна ты! — и лекарка дернула слугу за ухо.

— Уважаемая, там могут быть и обычные, не волшебные капканы. Знавал я одного хромого мага воды, так он охромел по рассеянности, забыл, что в углу сам же наладил медвежий на грабителей. И — если позволите — лучше внимание обращать на малоприметные сундучки. Там должны быть более ценные вещи. Любой вор скажет, если ворует у умного хозяина — по

возможности добавляя в речь почтительности, сказал толстяк.

— Таскай фиалы! — грубо приказала Галяэль и гоблинша, как ошпаренная кошка, кинулась исполнять.

— Много еще? — спросил стоящий наготове с заклинанием эльф. Он сторожил каждое движение скелета и был готов отреагировать в защиту малышки моментально.

— Да нам уже бы хватило. Но еще и тролль — проворчала лекарка.

— Без тролля не вытянем — тихо заметил трактирщик, попробовав свой короб.

— Не пойдет — выкинем лишние — отрезала эльфийка.

Наконец она сказала запыхавшейся гоблинше, что фиалов хватит. За все время дважды пришлось лечить всех присутствующих, но когда пришла пора идти дальше и все приняли на плечи тяжеленный груз коробов, чертова Экка уже бесстрашно нырнула в проем и почти тут же выскочила обратно, таща в одной руке изящную статуэтку танцующей обнаженной эльфийки, а в другой — несколько пыльных свитков. Получила стоически подзатыльник от хозяйки и навьюченная, словно дальний караван процессия тяжело побрела прочь из особняка.

Пока добрались до тролля — умаялись и вымотались. Галяэль со стоном села на пыльные камни, не имея сил даже скинуть заплечный груз, хотя мужчины и положили ей самую малость.

— Опоздали — печально сказал трактирщик.

Молодой тролль лежал во весь свой рост рядом с металлической тушей. Если и не умер, то при смерти, как определил быстро Вила'Рай. Скинул с плеч кузов, бегло осмотрел тело.

— Он живой. Мягкий еще. После смерти тролли быстро превращаются в камень. Но вероятно недолго протянет. Ведь с ним не было рядом маленькой хрупкой красавицы, умеющей лечить. Погоди, не трать сил, я помогу — и эльф потратил всю свою ману на то, чтобы немного подбодрить и освежить свою уставшую супругу. Та, как только перевела дух, принялась за работу. Привести в чувство эту живую громаду было очень сложно, когда тролль открыл глаза и попытался сесть два пустых фиала уже валялись неподалеку.

— Я сейчас сама так улягусь — прошептала лекарка, пока муж хлопотал рядом с нею, жалея, что его собственные способности в лечении очень сильно уступают.

Но тролль все-таки смог встать — сначала на четвереньки. Потом на ноги. Распрямился. С него сыпался всякий мусор — ветер по этой улочке сквозил сильный и тащил с собой пыль,

песок и всякое разное. На зубах у всех уже скрипело. Тролль видно лежал давно — припудрило его знатно.

— Ты меня помнишь? — крикнул Вила'Рай.

Несколько секунд казалось, что ответа не будет никогда, но потом все же гигант проморгался и открыл рот:

— Командир.

— Слушай приказ! Выдвигаемся в направлении Злых степей. Ты выполняешь задачи передвижного наблюдательного пункта и основной ударной силы. Вопросы есть?

— Да.

Эльф глубоко вздохнул, глядя, как жена заматывает лицо платком, защищаясь от поднявшегося пыльного ветра. Трактирщик уже стоял, поблескивая глазами между шапкой и закрывающим низ лица полотнищем. Экка тоже возилась, закутывая отроносую мордаху — ей внизу пыли доставалась больше всех.

— Какие вопросы? — спросил дроу, глядя снизу вверх в глаза тролля.

— Не могу идти — ответил тролль.

— Это не вопрос!

— Не могу идти — повторил гигант.

14.

— Не было печали — тролли накачали! — словно выругался из-под повязки трактирщик.

Изо всех сил стараясь не показать своей растерянности, чтобы не уронить свой авторитет в глазах группы, Вила'Рай строго и громко спросил:

— Причина отказа?

— Что? — эхом с некоторой задержкой отозвался тролль.

— Почему не можешь идти?

— Оружие забрать! — опять с задержкой отозвался гигант и снова взялся за давно остывшую дырчатую трубу Двуногого. Раздался до изжоги знакомый лязг и грохот.

— Придется идти без него, командир! — перекрикивая вой усилившегося ветра, прокричал прямо в остроконечное ухо эльфа толстяк.

— Почему?

— Это молодой тролль. У него в голове может быть только одна мысль. Если б повзрослел — тогда мог бы думать сразу две, а то и три мысли. Но ему не светит. Надо идти. Не нравится мне этот ветер, не было такого раньше. Надо уносить ноги!

— Ладно! Нужна металлическая палка!

— Зачем?

— Нужна! Милая! Подождите тут, мы сейчас!

— Какую палку искать? — не тратя времени на расспросы спросил пузан.

— Чтобы конец влез в дырку!

— В одну из тех, что на трубе этой?

— Точно!

Поиск вскоре дал плоды. Трактирщик приволок меч–бастард, эльф нашел обломанный железный прут от балконной решетки.

— Дальше что?

— Вставляем в дырки! Эй, оставь трубу в покое. Оставь, говорю! Ее так не выдернешь.

К удивлению Вила'Рая, тролль удивленно отступил.

— Теперь что? — спросил трактирщик.

— Теперь как рычагом — и поворачиваем! Эй, тролль, помогай, давай! Тяни!

Попыхтев и убедившись в бесполезности попыток, эльф на секунду задумался и практически одновременно с трактирщиком сказал:

— В другую сторону вертеть надо!

И тут, наконец проклятая труба подалась, сначала — с трудом и скрипом, потом все легче и легче, открывая все больше и больше синеватой спирали резьбы. На последних витках она шла уже влет, и эльф вовремя отскочил, когда тяжеленная металлическая дудка грохнулась на землю. Тролль в обалделом восхищении посмотрел сначала на трубу, потом на эльфа.

— Забирай оружие, и идем! — резким приказным тоном рявкнул эльф.

Тролль послушно поднял тяжеленную металлическую штуковину и постарался принять строевую воинскую стойку. Получилось, в общем приемлемо.

— Ты, обеспечь тролля снаряжением для несения наблюдательной и ударной службы — тем же бравым голосом пропел Вила'Рай.

— Есть, командир! — браво ответил толстяк и даже подтянул живот. После этого с удивительной сноровкой, то и дело поглядывая тревожно на пасмурное небо, оплел тролля ремнями, ухитрился даже с помощью тугодумного здоровяка просунуть в петли на спине его трофей, так что дырчатая труба разместилась на плечах тролля, умело приспособил все наплечные короба и даже ухитрился сделать что-то среднее между седлом и подвесным креслом для эльфийки. Лекарке пришлось помогать забраться в это гнездо на шее гиганта, а гоблинша вскарабкалась сама, разместившись на макушке тролля.

Тот было попытался что-то возразить, даже попробовал смахнуть этот причудливый зеленый головной убор, но окрик командира пресек движение здоровенной ручищи.

С затянутого темно–серыми тучами неба посыпались какие-то светло–серые хлопья, очень похожие на пепел. Их несло оттуда, где далеко, в нескольких десятках лендов стояли крепость Нова и первохрам, уничтоженные пришлыми.

— Вила! Это очень паскудный пепел! Он жжется холодной смертью! — встревоженно и глухо воскликнула Галяеэль, с отвращением отряхнула пальцы.

— Накрываемся плащами — и ходу отсюда! — приказал эльф, принимая от трактирщика те самые знаменитые плащи.

— Троллю тоже на башку что-нибудь накиньте. И пусть дышит через ткань. А то потом у нас от его кашля уши отваляться! — велел дроу.

На этот раз Экка не стала спорить и ждать приказа от хозяйки. Видимо ее сильно встревожила перспектива сидеть на кашляющей башке тролля и потому гоблинша довольно ловко укутала тканью голову гиганту, так что только глаза были видны.

— Куда идти? — спросил эльф трактирщика.

— Поперек ветра! Так меньше на нас этого злокозненного пепла насыплется. Я, правда, не вижу в нем опасности…

— Да заткнись ты, идиот, и веди! — зло крикнула сверху эльфийка.

- … но целиком доверяю чутью уважаемой лекарки — почтительно закончил трактирщик и уверенно пошел по заваленной всяким хламом улочке умершего поселка.

Тролля пришлось трижды пихать со всей силы кулаком в бок, пока он понял, что идти уже пора. Зато темп ходьбы сразу он взял такой, что эльф с трудом поспевал за ним.

Очень быстро навьюченный гигант догнал и обогнал трактирщика, тот попытался что-то кричать, но тролль видно не слышал. Толстяк с трудом докричался до женщин, сидевших на плечах и башке новоявленного тяглового средства, и Экке пришлось буквально сплясать на голове тролля, пока до него дошло, что надо свернуть. И толстяк, и эльф не могли придумать ничего лучшего, чем вцепиться в ремни упряжи и вспомнить детство, когда по праздникам в поселках ставили столбы с веревками, закрепленными наверху, и детишки — что человеческие, что эльфийские бегали вокруг, схватившись за натянутые веревки и делая гигантские шаги, зависая над землей и отчаянно визжа от восторга. Тут было не до визгу, ноги тролля, словно каменные столбы грузно топали по земле, надо было стараться не попасть под ближнюю ножищу и уворачиваться, сверху сыпался ядовитый пепел, и по–прежнему здоровье убывало, как вода из треснувшего горшка. Было от чего придти в отчаяние, но эльф крепился изо всех сил. И добавляло сил еще и то, что пока все получалось, несмотря на ухудшавшуюся обстановку. И он и супруга были живы, у них был проводник, с которым можно выбраться отсюда, был сильный тролль, была пронырливая Экка. Дроу снова чувствовал себя командиром боевой звезды, это заставляло держаться бодро и весело — потому, что на него смотрели — ну не то, чтобы смотрели, конечно, но посматривали — все остальные. А еще запали в память слова трактирщика, что лич скорее всего будет делать Большой Призыв и это всерьез пугало. Сам Вила'Рай слышал только похожие на бабкины сказки слухи о том, что может сделать умелый лич, при наличии большого количества энергии, да в детстве было дело пугали друг друга малолетние эльфята Голубым студнем и Мутным туманом, не очень себе представляя, что это такое. Но все равно было очень страшно. Теперь сказанное толстяком всколыхнуло старые воспоминания, словно и без них не тошно. Эльф перепрыгнул через распахнутый платяной шкаф, валявшийся посреди улицы, мельком отметил, что сидевший,

прислонясь к стене, мертвец пока не подает признаков применения личем одного из самых безобразных некромантических заклинаний, потом опять целиком ушел в то, чтобы не поломать себе ноги и не угодить под горячую руку, то есть ножищу троллю. Радовало то, что эльфийка не покладая рук восстанавливала здоровье всем, бывшим рядом. Выскочили за пределы поселка, тролль, не сбавляя темпа, словно был железным, топотал и топотал. От усталости в глазах темнело и казалось, конца–края не будет этому сыплющемуся пеплу. И бежать придется бесконечно. Внезапно что-то изменилось. Эльф услышал голос своей супруги. Напрягшись, скинул отупение и разобрался, что им удалось все же выбраться из полосы дыма, тянущейся от разгромленной далекой крепости. Пара минут крика и тычков в бока троллю с обеих сторон привели к тому, что разогнавшийся гигант, наконец, остановился.

— Я только разогрелся — упрекнул он эльфа.

— Сейчас дальше погоним — успокоил его эльф и спросил у жены:

— Что хотела сказать, милая?

— Стряхнуть с себя пепел этот проклятый надо! — глухо отозвалась со своего сидения эльфийка.

— Ясно — согласился дроу и, сбросив с себя изрядно припорошенный плащ, стал энергично его встряхивать.

— Против ветра! На тебя все садится опять! Теперь с одежды стряхивать надо! — как неразумному дитяте укоризненно сказала Галяэль.

Вила'Рай и сам понял свою оплошность и несколько минут по его примеру все, включая тролля старательно стряхивали с себя пепел.

— Ветер стих! — громко сказал трактирщик.

— Это хорошо или плохо? — поинтересовался незнакомый со странностями погоды на открытом месте эльф.

— Я сам не знаю. Знаю только, что надо уносить ноги подальше. Тут в трех — четырех лендах проход будет, долинка такая между гор. Как сквозь горы пройдем, так и степи, ничьи земли. Но настороже надо быть все время.

— Ты про Большой Призыв шутил, или и впрямь что-то знаешь? — заинтересованно спросил эльф.

— Да всякое слыхал, от разных людей, пока по свету мотался. Один даже утверждал, что своими глазами видел. Может и не врал, он простой был, как табурет. И надежный такой же. Вряд ли мог придумать. Темняк к слову. Притом старый. Вполне мог и напороться за свою долгую жизнь. Но ему повезло, ноги сумел унести.

— И как это выглядело с его слов? — не удержался Вила'Рай.

— А как не то туман, не то желе полупрозрачное, с мутниной, как у плохого повара и бесшумно расползается по земле, обволакивает. Только цвет такой, словно у морской воды после шторма. И еще мороки на поверхности видны, то словно рука высунется и махнет, то лицо вроде, то кости какие-то и завораживает, тянет поближе рассмотреть, но смотреть нельзя, надо удирать, не оглядываясь, во все лопатки.

— Вот бы одним глазком глянуть! — восхищенно пискнула с троллевой макушки Экка и тут же получила звонкий щелбан по лбу от сердитой хозяйки.

— Передохнули? Двигаем дальше! — борясь с желанием сесть — полежать громко сказал эльф.

— Та, что на спине! Ты меня за ухи тяни, куда поворачивать — громко и неожиданно заявил тролль. Эльфийка удивилась. Пожала плечиками, глянула на толстяка. Тот комично развел руками, дескать, иначе не получится. Мужчины уцепились за взмокшие от пота ременные петли, пхнули кулаками тролля в бок и тот сорвался с места, пошел отмахивать своими ножищами шаг за шагом, все больше и больше удаляясь от поселка, который становился все меньше и меньше, пока его домики и особняки среди полуоблетевших деревьев не скрыл пологий холм. Эльф вошел в ритм бега, старался уже смотреть по сторонам и ему стало казаться, что совсем рыжая трава теперь уже не такого мертвого вида, вроде как позеленее становится, но только Галяэль то и дело по–прежнему подбавляла заклинаниями всем потерю жизни и сил, смотреть на нее спокойно Вила'Рай не мог, так осунулось и побледнело ее красивое любимое личико.

15.

Тролль внезапно так резко остановился, что эльф чуть не вывихнул руку, а Экка кувырком слетела с насиженной башки, шмякнулась оземь и затараторила отборными гоблинскими ругательствами.

— Что случилось? — выдохнул дроу.

— Во! Чешуинка! — радостно и немного оторопело заявил тролль, протягивая ручищу.

Там, куда он показывал, косо торчала из земли уже знакомая пластина — зеленоватая, по очертаниям похожая на ромб, но с неровными зубчатыми краями и продольным бороздчатым рисунком. Чешуйка дракона, Хозяина Долины, Стража Спокойствия.

— Сударыня, мне кажется, или теперь мы умираем не так быстро, как в поселке и под пеплом? — одышливо выговорил трактирщик.

— Да — не очень дружелюбным тоном ответила эльфийка.

— Тогда получается, что мы близко к границе проклятия пришлых…

— И стоит взять с собой эту чешуйку. Как очень ценный материал. Так? — отдуваясь почти как толстяк, закончил его мысль Вила'Рай.

— Не нищими же идти. Деньги никогда лишними не бывают. Ну, почти никогда — неожиданно сказал толстяк.

— Тролль! Можешь нести и чешуйку?

— Могу!

— Тогда по местам и вперед — велел эльф.

— И не вставай так неожиданно! — заявила Экка, уже пришедшая в себя.

— Редкость!

— Ты просто смотришь под ноги — деловито ответила, забираясь на свое место гоблинша.

— Видимо ты заметила еще что-то? — с интересом спросил трактирщик.

— Впереди еще несколько таких же — пожала плечиками Экка.

— Где? — в один голос спросили мужчины.

— Впереди — очень точно махнула ручонкой гоблинша.

— А я ничего не вижу — пожал плечами толстяк.

— Тролли и дроу плохо видят днем. Люди видят лучше днем, но ты старый и глаза у тебя слабые. Вот мы, гоблины, одинаково

видим и днем и ночью… — свысока начала объяснять Экка, но эльфийка раздраженно перебила ее, сказав:

— Хранитель Долины лежит неподалеку. Я его чувствую.

— Он жив? — боязливо спросил тролль и словно случайно выпустил из лап чешуйку.

— Пока да. Но он при смерти и даже двадцать лекарок не смогли бы ему помочь — печально ответила Галяэль, всматриваясь вдаль.

— Возьми чешую! — приказал дроу. И тролль поднял брошенное. Поднимал он и следующие, попадавшиеся все чаще и теперь уже не вставал так резко. Гоблинша только тыкала сверху пальчиком, показывая, где лежит очередная находка. Но после того, как в лапах тролля набралось полтора десятка чешуй, места больше не осталось, да и сам гигант понял, что больше тащить не сможет.

— Вот Хранитель Долины — уважительно–испуганно сказала вдруг гоблинша. И чуть не свалилась повторно, потому что тролль встал, как вкопанный.

— Где?

— Вот — просто ответила Экка. Некоторое время все присматривались, потом трактирщик сказал:

— Точно. Вон хвост в кустах.

Стало странно, что с самого начала не заметили гигантского дракона. Правда большая его часть стала видна, как только завернули за скалистый выступ, но и вытянувший бессильно здоровенный хвост вроде как странно было не заметить. Громада лежала неподвижно и только чуткая эльфийка могла понять, что в драконе еще теплится искорка жизни. Рваные раны с уже подсохшей кровью, неожиданно розовая кожа там, где с мощного тела были сорваны чешуи, производили неожиданное впечатление, какое-то беззащитное и человеческое. Туща дракона была жестоко изодрана, в нескольких местах обожжена и закопчена. Бессильно распростертое крыло было в зияющих прорехах.

— Мы можем чем-то ему помочь? — осторожно спросил трактирщик.

— Нет — отрезала эльфийка. И заплакала.

— Тогда пошли! Хранитель Долины — спасибо тебе и прости нас — сказал Вила'Рай и ткнул тролля в бок. Он чувствовал, что сейчас тоже заплачет и очень не хотел это делать прилюдно. Остальные тоже — всяк на свой манер — простились с умирающим драконом, но тролль уже не пытался кинуть собранные чешуи на землю, из чего эльф сделал вывод — не так и глуп этот гигант.

Двинулись дальше, трактирщик еще разок окинул жадным взглядом разбросанные вокруг громадного драконьего тела чешуи, но говорить ничего не стал, потому как видно было, что и неутомимый тролль выдыхается.

Вечерело, Вила'Рай уже почувствовал себя несколько лучше, опять же зажатая между горных склонов долина, накрытая сверху низкими серыми облаками, очень напоминала привычные пещеры и это как-то успокаивало. Внезапно распахнувшаяся перед глазами степь вызвала минутную слабость и легкое головокружение. Тут было слишком п р о с т о р н о на вкус темных эльфов. И ощущение опасности от этого резко усилилось.

— Трава здесь почти зеленая — заметил трактирщик.

— Вижу, что почти — отозвался дроу.

— Нам стоило бы встать на ночлег. Пока лагерь подготовим, стемнеет — тревожно поглядывая на небо, сказал толстяк. Потом хлопнул себя по лбу ладонью и засмеялся.

— Ты чего? — нахмурился тролль.

— Да совсем из головы вон, вы же все — ночные жители, вам сейчас как раз как для меня рассвет — посмеиваясь, ответил трактирщик.

— Я б поел — вмешался тролль.

Вила'Рай вдруг почуял острый приступ голода. Ну да, последний раз этим утром перекусывали. Или лич помешал? Как только опасность отступила, в животе сразу забурчало. Но глянув на осунувшееся личико своей жены, дроу забыл про голод. Вот уж если кто был уже за гранью предельной усталости, так это Галяэль. Сил у нее уже не было, только упрямство и эльфийская гордость. И то, что вокруг — человек, тролль, гоблинша и муж, то есть люди по общепринятым у дроу понятиям — низшие, недостойные видеть слабость высшего существа.

— Здесь есть место для стоянки? — спросил эльф трактирщика.

— Несколько. И одно — мое собственное. Счастливое — весело отозвался толстяк.

— Далеко?

— Рядом!

— Веди!

Место оказалось и впрямь недалеко, и к тому же с первого же взгляда было понятно — незаметно к нему не подберешься и тех, кто там находится, сразу не заметишь. Небольшая низинка, окруженная с трех сторон переплетенными колючими низкими кустиками 'хватай–держи'. Подобраться незаметно по этим кустам было совершенно невозможно. Обороняться было просто, к тому же прямо посередине этой низинки торчал обломок скалы с

удобной площадкой наверху. Мечта караульного.

— Очень грамотно — одобрил эльф, помогая спуститься своей супруге.

— Прилечь бы мне — шепнула она ему на ухо.

Вила'Рай тут же расстелил свой плащ, заметив, что трава тут практически нормального цвета, немного пожухлая, правда, но тут же степи. Помог супруге сесть и впервые заметил, что она не может двигаться легко и изящно, а если бы он не поддерживал ее, то повалилась бы эльфийка, ноги ее уже не держали.

Трактирщик довольно шустро, но, все же периодически охая, возился, сноровисто и умело оборудуя лагерь. Вынул откуда-то из кустов лопату, что-то покопал в песчаном наносе, потом, кряхтя, стянул кусок жести, под которым оказалась яма с закопченными стенками, выложенная камнями, загремел массивным котлом, какими-то флягами, которые вынимал из другого тайника.

— Сейчас костерок сделаю, супчика похлебаем — сказал он, повернувшись к супружеской чете.

Экка облизнулась и засмеялась, когда тролль непроизвольно повторил ее движение.

Огонь будет заметен издалека — сказал эльф.

— Нет. Он у меня в ямке будет, а от входа камень загораживает. Вы пока отдыхайте, я сейчас мигом.

Вила'Рай увидел, что Экка взялась разбирать наплечные короба, отстранил ее в сторону и сам, осторожно, разобрал свою поклажу. Попробовал, что там в трофейных флягах. Оказалась чистая вода. Передал одну флягу гоблинше, и та поскакала к лежащей хозяйке. Трактирщик уже запалил бездымный и незаметный костерок в хитро устроенной в земле печке.

— Сколько у нас воды? — спросил его эльф.

— Взял на два дня. С расчетом на всех — значительно ответил толстяк.

— И на суп хватит?

— Да, и на суп. Сейчас лапшу заварю, вкусно будет. С мясом и травками. Весь день без горячего, мыслимо ли. У меня тут запасец хранился. На всякий вот такой случай — успевая все ловко делать, говорил пузан. Дроу не сказал ничего, но перспектива в первый раз за последние дни похлебать жидкого и горячего очень порадовала. Тут же он, впрочем, и задумался.

— Вот хотел тебя спросить, к слову — а зачем теперь тебе мы?

— Это, в каком смысле? Почему бы мне не сыпануть в котел 'порошка для вдов'? Или что командир имеет в виду? — ядовито, но очень вежливо заявил толстяк.

— Да хоть бы и так — кивнул эльф.

— Обидное говоришь, командир. Но обидное притом вдвойне. Потому что одновременно обозвал меня и дураком и скотиной. Это некрасиво, командир.

— И все-таки? — настойчиво продолжил Вила'Рай. Краем глаза заметил, что и Экка насторожила уши. Тролль на все это внимания не обращал, сидел статуей, да Галяэль лежала как мертвая, неподвижно.

— Не был ты в степях. В степи одиночка живет недолго. Достаточно выводка песчаных гиен — и все. Сразу нападать не будут, будут идти следом. Умные твари. День не поспишь, два. И все. Но тут не только гиены. Эти так — мелочь, для примера. Есть и хуже. Раньше тут дряни меньше было, но как светлые повадились в набеги ходить — много тут всякого теперь. Ребята толковали, что и мантикор видели и вомперы тут теперь есть — с предпоследнего похода завелись, догадался тогда кто-то умный их против светлых использовать. На нашу голову. Но даже змейка эфа или паучки 'темнокрест' или там фаланги одиночку уложат за милую душу. Есть и еще одно.

— И что это?

— Вместе больше получишь. Когда каждый на себя кусок тянет — никому не достанется. Или достанется такому хитрому, но ненадолго. Вот поужинаем — расскажу одну историю. А сейчас погоди — вода уже ключом кипит.

— Хитрые у тебя полешки — удивился Вила'Рай.

— Не только у темняков магия есть, не только — усмехнулся толстяк, сноровисто засыпая в кипящий котел кубики сушеного мяса, ярко–желтую соломку лапши и подсыпая из шуршащих пакетиков травки и специи. Запахло так призывно и вкусно, что даже тролль начал башкой крутить. Эльф подумал, что в словах трактирщика есть резон, отправился к ложу супруги, в меру своих сил пролечил, как умел и постарался добавить бодрости.

16.

Поздний ужин для одних, ранний завтрак для других прошел достаточно спокойно, жратвы хватило даже для тролля, хотя он и не нажрался, разумеется. Но вообще троллей кормить сложно, толком и неизвестно, что они едят. Даже многоопытный трактирщик чесал себе затылок, прикидывая меню для громилы. У него раньше не было таких клиентов. Он вообще считал, что тролли едят камни и женщин. Ну, так уж получилось, что не довелось ему ни путешествовать с троллями, ни привечать их у себя в трактире. Потому, когда тролль дохлебал остатки из котла, толстяк только в удивлении покрутил головой. Тролль — а нормальную еду ест.

Вила'Рай тем временем вспомнил человеческую глуповатую загадку про крестьянина, который зачем-то должен был переправлять через реку странный подбор из волка, козы и капусты, только и думающих как бы сожрать друг друга. Эльф никогда не понимал многих человеческих заморочек, так и тут зачем крестьянин вез такую живность, почему в его лодку влезала только одно из перечисленных — во всяком случае эльф никогда не видел такую капусту, чтобы она по размеру и весу соответствовала волку или козе, почему крестьянин не мог замотать морды волку и козе — все это было неясно. Ясно было другое — сейчас в его распоряжении получалась такая компашка, что диву даться. К тому же слова трактирщика о том, что выйдут они к городу, в общем-то, нищими тоже запали в память. Быть нищим эльфу совсем не хотелось. Из-за чертовых пришлых, потерян дом, все, что нажито, практически не осталось родичей, знакомых, на кого можно было бы опереться, все, что есть — супруга, два лука, немного стрел, статуэтка да несколько свитков. Даже если свитки ценны — их еще продать надо, а тут есть сложность — если они о ч е н ь ценны, то и прирезать за них могут. Еще есть шалая служанка, которая неожиданно проявила себя как убийца. Взгляд упал на заботливо сложенные в сторонке пластины драконьей чешуи. Вот это — хороший предмет для продажи, только мало их. А не так далеко осталось еще много таких же. Но оставлять обессилевшую жену нельзя.

— Экка, ты запомнила дорогу к павшему дракону? — негромко спросил эльф.

— Да, хозяин!

— Тролль! Сейчас с гоблиншей сходите к дракону, наберете еще чешуек. Когда придем в город, сделаем тебе почетный

нагрудник.

— Красивый! — мечтательно произнес тролль.

— Да, красивый. Набрать надо побольше. Нам тоже понадобятся нагрудники.

Тролль кивнул, а толстяк тяжело поднялся и стал перевязывать ремни из упряжи тролля иначе, чем они были.

— Вот сюда вкладывать стопкой — много поместится — пояснил он эльфу и Экке.

Гоблинша потопталась, неуверенно посматривая на лежащую пластом хозяйку. Потом решительно забралась на голову тролля.

Сборы прошли быстро, и тяжелая поступь тролля скоро удалилась в направлении прохода. Вила'Рай запустил сторожевую летучую мышь и та закувыркалась в темном воздухе, описывая расходящиеся круги вокруг лагеря.

— Толково придумано. Что сможем — унесем, что не унесем — закопаем тут — теперь здесь мало кто шляться будет — заметил негромко трактирщик.

— Шляться здесь будет много народу, как только светлые узнают, что долина мертва — возразил эльф.

— Да, по–первости — кивнул головой толстяк.

— А по–вторости? — поднял бровь эльф.

— Лич серьезный противник. И что особенно характерно — отличный вербовщик. Такая шельма, что ухитряется любого врага поставить в свои ряды. Никто не откажется! Как только публика убедится, что все, кто заходит на наши — то есть уже не наши, но это не важно, земли там же и остается вечной стражей — желающих тут болтаться резко убудет. Сначала пропадут партии мародеров. Потом пропадут разведчики. Потом светлые соберут войско — на это у них уйдет месяца три. Это войско в основном останется личу в помощь. И после этого желающих станет куда как мало. Назовут нашу долину как-нибудь напыщенно — Земли Мертвых или еще как и все. Вот тогда можно будет спокойно собрать караван и забрать свое.

— Ты так уверен, что у светлых ничего не выйдет? — хмыкнул эльф.

— Я был с личем в корабле пришлых. Там видел много всякого диковинного, чужого. И эти серые диски. Словно в пчелиных сотах. Сотни. Некромант со своим скелетом меня прогнали на несколько минут. Он как-то ухитрился провести ритуал и чему-то такому там научиться. И после этого все его миньоны — не уничтожаются. Такого не было никогда, это все знают. И светлые будут думать, что как и встарь достаточно треснуть скелет булавой или развалить зомби алебардой, для упокоения. А тут им будет большой сюрприз. У светлых не будет

ни малейшего шанса победить. Они все тут лягут и потом поднимутся уже креатурами лича. И если их родичи сдуру потом кинутся мстить и пришлют еще войско — ну что ж, у нашего знакомого лича, век бы его не видеть, будет еще прибавление. И я не я буду, если темные не воспользуются всем этим и не укусят ослабевших светлых за самое мягкое место.

— Ты прямо как княжий советник рассуждаешь — засмеялся эльф.

— Опыт. Да и в трех войнах участие принимал — отозвался трактирщик.

— Не подумал бы, что ты такой опытный воин — удивился Вила'Рай.

— А я не воин. Маркитант. Потому к начальству ближе и много чего слышишь.

— Хотел кстати спросить — что это за кинжал, что ты так его захотел получить? — поинтересовался эльф, не забывая поглядывать вокруг. Трактирщик помолчал.

— Доводилось слышать про вилохвостых? — спросил он.

— Этих, которых называют ссешщессоффы? Доводилось. Но многие про них говорили, что это выдумки — кивнул эльф.

— Нет. Они существовали.

— И почему ты так решил?

— Была экспедиция нескольких ученых, в которой я принял участие. Обеспечивал их тягловым скотом и харчами. Еле ноги унес.

— Откуда ученые были?

— Илитиири. Только в отличие от твоей семьи поклонники Ллос. Их одна из жриц послала.

— Понятно — усмехнулся темный эльф.

— Я тогда молодой был, глупый, а предложение было щедрым. Копали долго, находили всякое, но все спокойно было. Мне тогда много чего разного рассказали. А потом их главный нашел что-то. Ну, мне повезло — я услышал, как мой слуга захрипел. Успел нырнуть под шатер и на галопе ушел — мое счастье, что для пещерных эльфов верхом на лошадях непривычно. Они впрочем, тоже погорячились — одного из ихних я потом в реке видел — с двумя стрелами в спине мимо плыл.

— Даже не верится — выразительно глянул на пузо собеседника Вила'Рай.

— Все меняется — философски пожал плечами трактирщик.

— И как эти ссешщессоффы выглядели?

— Ну, вот изображение кентавров видеть доводилось? Конское туловище, а вместо шеи и головы — торс и голова от человека?

— Да, доводилось. Нелепое сочетание.

— А здесь представь четырехлапую ящерицу с хвостом вилкой — и вместо ящеровой башки…

- …голова и торс человека.

— В самую точку. Только судя по всяким найденным горшкам — у них не совсем человечьи головы были. Зрачок вертикальный, к примеру, уши опять же нечеловечьи (тут толстяк спохватился и как бы закашлялся, сминая конец слова). Так вот такой кинжал — грисс — это их оружие. Особое, у каждого свое имя и своя душа. И каждый принадлежал только своему хозяину. И переходил только по наследству. Мне толковали, что по записям получалось — у каждого грисса — норов хозяина, свои привычки и причуды. Чушь, разумеется. Чары на металл не ложатся, потому я не верю, что эти кинжалы предупреждали своих хозяев об опасности, сами могли решать, когда ударить, несли смерть врагу даже на расстоянии, а иные становились сущим проклятием, принося неполюбившемуся хозяину всяческие беды и быстро сводя его в могилу. Но то, что лезвие поворачивается вокруг своей оси — полезно в драке. Не упрется в кость, а проскочит между ребер. Зато фехтовать им нельзя — слабовато для рубки.

— И зачем тебе такой угрюмый кошмар? — спросил эльф.

— Слоистый адамантин — невиданная редкость. Теперь не знают, как такое делать. А у меня есть знакомые коллекционеры. Если вы, например, соберетесь такое продавать — кончится для вас быстро и плохо, а я ходы и выходы знаю, потому надеюсь, что смогу справиться. Главное, чтобы до гномов эта новость не дошла. Молчу про ваших соплеменников, которые в вере иные. И не буду напоминать, что ты дал слово, а для тех, кто не поклоняется Ллос это твердо.

— Хорошо ты нас обманул — покачал головой эльф.

— Это не обман, а сделка. Без меня вам степи не пройти, да и к проходу вышли как по нитке, верно? Да и тролля запрячь, идея неплоха была, так?

— И все же тебе светит богатство, а мы остаемся на бобах — поднажал эльф.

— Это как сказать. Мне жить осталось лет двадцать. А у эльфов жизнь куда дольше. Вот и смотри сам — я спас себе двадцать лет жизни, а вы с супругой — сильно за тысячу. Скажу, что полторы тысячи — не ошибусь. Кто богаче? И в моем новом трактире для вас всегда будет готовый обед.

— Бесплатно? — невинно спросил Вила'Рай.

Трактирщик минуту боролся сам с собой, но потом все-таки справился и ответил:

— Обед — да. На двоих.

— А если с гоблиншей? — съехидничал эльф.

— Командир, ну ты еще тролля приведи! — обиделся толстяк.

— Ладно, тогда чешую оставлю себе — усмехнулся Вила'Рай.

— Это не годится. Командир, мы все еще боевая звезда, усиленная магиней–лекаркой. Значит по правилам военных времен добыча — три части тебе, две магине и по одной всем остальным. Согласно принятых обычаев — тревожно молвил толстяк.

— Экий ты законник и буквоед. Прямо как тот лысый гном.

— Так не мной придумано же. Без доверия никак. А доверие — оно на порядке стоит.

— Никогда бы не подумал, что трактирщик, да еще и контрабандист будет про доверие толковать — удивился эльф.

— Так чем сложнее дело, тем без доверия труднее его исполнить. Пока все будут друг за другом следить, на полезное сил и времени и не хватит. Твой же соплеменник научил, он у нас вожаком в шайке был.

— Тоже поклонялся не Ллос?

— У него сложнее было. Воин был из первых, пронюхал, что его собирается жрица в жертву принести, да и удрал. В драке он троих стоил, да вишь тамошней Верхней бабе не глянулся, сказал что-то поперек. В общем, нашла коса на камень — он и утек. Видно слишком много с людьми общался, нахватался от нас мнения, что женщина для другого хороша, а не мужиками верховодить… — тут толстяк испуганно осекся и покосился на лежащую эльфийку. Вила'Рай усмехнулся:

— Моя супруга — жрица Эйлистири, и ты это знаешь.

— Знать-то знаю… так вот он нас отвел в одну пещерку. Уютная такая пещерка и в ней постояльцы, числом пятеро. Один у входа лежал. Другие у камня, что им столом служил, остались сидеть. Сквознячок в пещере был знатный, хорошие мумии получились. Тот, что лежал — у него башка была почти отсечена, да под лопаткой стрела. А за столом целенькие совсем. Но тоже дохлые. Темняк нам и поведал, что это те самые удальцы, что гномский банк обчистили в Изначальном.

— И что, добыча там же была? — заинтересовался эльф, с детства слышавший про лихой налет.

— Нет, конечно, и оружия не было, а у пары из них даже сапоги были сняты давным–давно. Но то, что один из них точно Дран Железное Кольцо — точно знаю, так у него колечко на пальчике и осталось.

— Хочешь сказать, что сказка про незадачливых кладоискателей, которые одного послали за вином, чтобы

отпраздновать удачу, а пока его не было решили порешить посыльного, чтоб больше им досталось, а он им отравленное вино притащил и после того, как они его убили — все тоже передохли выпив яда — правда? — удивился Вила'Рай.

— Я эту сказку своими глазами видел. Да и легенду трудно сочинить на пустом месте — у всех легенд есть основа.

— И что хотел сказать вам темняк?

— Показать. Показать, что и темную игру надо вести честно. И таких примеров я за свою жизнь повидал. Не скажу, что не обжучил вас на пару серебрушек, когда вы у меня были, но, то тогда. Вы ведь не заметили?

— Заметили. Потом уже, правда.

— Досадно. Но сейчас мне вас надувать нет резона. Я не святой Осколот, но в убыток себе никогда действовать не буду. Это с ручательством. И потому сейчас я полностью с вами.

17.

Дроу подумал, что степи — это конечно неприятное место, но что будет, когда они выйдут к населенным местам? Издавна заведено, что к чужакам относятся подозрительно и встречают без особой радости. 'Где родился — там и сгодился' - говорилось и у эльфов и у гномов и у орков. Люди были, правда, попронырливее и жили повсеместно, но илитиири — не люди. Тем более, что илитиири считали себя куда выше, чем все остальные расы. Совершенно заслуженно, как знал Вила'Рай. Справедливости ради надо заметить, что другие тоже задирали нос, безосновательно, конечно. Например, у гномов господствовало заблуждение, что это гномы — соль земли. А светлые эльфы не пойми с чего, были уверены, что они лучше всех. Даже орки — и те болтали чушь про свое первородство. Потому чужак другой расы встречался холодно. Хорошо еще, если он поклонялся тем же богам, что и горожане. Вот будь Вила с супругой поклонниками Ллос — их бы встретили в Изначальном хорошо. Ну, так хорошо, как это возможно у сторонников жестокой, холодной, вероломной и подлой богини Ллос. Эльфа передернуло, когда он вспомнил все, что знал про эту богиню и ее паству. Поклоняющихся Эйлистири встретят хуже. Таких дроу считают ренегатами. Вот и смотри, какой радостной будет встреча и дальнейшая жизнь. Если бы еще было богатство! Тогда за счет подарков и подношений можно умаслить сильных мира сего и жить более–менее спокойно… Хотя с тем же успехом чужака богача могут и просто ограбить — заступиться за него некому. Каждый ведь понимает, что с насиженного места так просто не бегут. Бросая все, дом, друзей, привычки. Начиная с нуля. Значит, скорее всего, неуживчивый, бесполезный или вообще преступник. А кому нужен пришлый преступник, который наворочает дел и опять сбежит? Вот и получается, что прибудут они бездомными, бедными (те деньги, что взяли с бандитов позволяли прожить пару месяцев, не больше). Хорошая работа уже занята местными. Значит, рассчитывать можно на всякое не самое теплое. Например, идти в наемники. Самое то, подставлять свою жену под стрелы и мечи, всю жизнь мечтал.

Вила'Рай внимательно поглядел на неподвижно лежащую супругу. Она дышала как спящая, но уже давно не сделала ни одного движения, что характерно для сна похожего на тяжелое оцепенение.

— Ты собираешься трактир открывать в Изначальном? —

спросил эльф толстяка.

— Так мне это и позволят! — усмехнулся тот.

— Людей много в этом городе.

— Темных эльфов тоже. Только вот не думаю, что они вам будут рады. Для того чтобы открыть в городе трактир надо иметь связи, знакомства и много денег. Надо вступить в гильдию этого города. Что для этого надо — я уже перечислил. Надо выбрать удачное место, а такие — уже и так заняты. Толку-то сидеть в глухом переулке, где за день двое прохожих будут, да и те нищие калеки. Ну и наконец, нужно помещение, оборудование, персонал — опять деньги, деньги и деньги. Нет, в Изначальном самое большее неделя–другая. Я не готов штурмовать этот город сейчас, да и в старое время не лучшее впечатление у меня от него осталось. Особенно от кварталов с твоими соплеменниками, не взыщи командир — редкие твари они. Сразу скажу — лучше вам туда не соваться вообще. Особенно тебе. Твоя супруга — все-таки женщина, а вот мужчинам там не место. Ты чем занимался, командир, до всего этого безобразия?

— Учил стрельбе из лука.

— Хорошая работа. Но в городе, где треть жителей темные эльфы…

— Знаю. Сам об этом думаю. Но мы сейчас выглядим как оборванцы. Надо хоть в себя придти, да одежку справную купить. А то и в деревне в таком виде стыдно.

— Это да. А магией боевой владеешь?

— Мои умения ты на поле боя видел.

— Да. Честно сказать — странное впечатление получилось.

— То есть?

— Не в обиду сказано — детские умения-то. А вот применялись очень грамотно. Воевал раньше?

— Да какие у нас там войны? Два набега отражали, да подземная заваруха была.

— Помню. Помню — закивал головой трактирщик.

— Вот я и интересуюсь — когда тебе будет с нами 'невыгодно' - неожиданно жестко спросил Вила'Рай.

Толстяк и глазом не моргнул.

— Пока командир тебе в голову не придет мне в спину стрельнуть — ответил он.

— С чего это вдруг ты такой добрый нынче?

— Придется хошь–не хошь придерживаться друг друга.

— У тебя же высокие знакомства, как ты говорил — усмехнулся эльф.

— Не без того. Но кто ж знает — что в городе изменилось. Расклад сил меняется все время. И никогда не знаешь, что и кто

когда пригодится. Принца Итергала спас нищий, отдавший ему свой заплатанный камзол, снятый с огородного чучела и рваную шляпу, в которой птицы гнездо свили. Преследователи и не подумали, что этот бродяга на дороге — сам принц. Знакомства — великая штука. Я посплю пока, командир? Сил нет уже.

Эльф кивнул, и трактирщик захрапел сразу, как улегся.

Вила'Рай сидел смотрел в уютную темень и своими глазами, отдыхавшими от яркого дневного света и глазами летучей мыши. В степи было неожиданно тихо, никакого зверья, кроме самого мелкого вроде смешных ушастых тушканчиков.

Ближе к утру летучая наблюдательница заметила в сереющей темноте быстро двигающийся крупный объект. Вила'Рай встрепенулся, всмотрелся — и сразу узнал несущегося нелепым галопом тролля, гоблинша так и подпрыгивала на его башке. Встревоженный эльф погнал летучую мышь расширяющимся зигзагом, но никаких преследователей не увидел, никто за бегущим троллем не гнался. Странно.

Оставалось только ждать, когда беглецы сами расскажут, что там такое стряслось. Впрочем, они живы и здоровы. Так что не так все плохо. Вот стопка драконьих чешуек за спиной у тролля оказалась вполовину меньше, чем можно было рассчитывать, то ли порастерял по дороге, то ли не успел собрать. Тут в голову эльфу пришла мысль, что влетевший в лагерь тяжелый тролль потревожит спящую Галяэль. Этого допускать не хотелось и Вила'Рай стремглав кинулся навстречу скачущим. Остановить тролля удалось не сразу, а на Экку пришлось прикрикнуть, как только она набрала полные легкие воздуха и собралась по своей привычке возопить со всей силы.

Напоминание, что хозяйка спит и ее нельзя будить, пока она не отдохнет, оказалось сродни магии — строптивая служанка послушно сдулась и говорила уже трагическим шепотом, а не звонким криком. Тролль изредка вставлял свои замечания, получилось как-то театрально, и эльф тут же вспомнил несколько раз выступавшую у них в поселении труппу бродячих комедиантов. С трудом удержался от усмешки, сохраняя спокойное выражение лица.

— Прибежали мигом. Нашли сразу, чешуек много–много, просто все вокруг засыпано…

— Много!

— Собирали быстро–быстро. Собирали, дракон уже совсем не шевелился и вроде как даже, и дышать перестал, полную стопку почти собрали…

— Полную!

— А тут вдруг катится такая — как водяная волна и

синеватая. Как лошадь скачет, так же, только валиком все время одинаковым. А мы стоим, смотрим, смотрим!

— Волна, как лошадь!

— И оттуда высовывается все время что-то! И страшно! Я говорю — уходим. А волна все ближе! И оттуда высовывается! Жуткое! Непривычное!

— Всякое!

— Точно, вот именно всякое жуткое! Я еще говорю — уходим! Со всей силы говорю, он не слышит!

— Испугался!

— Тогда я ногами ему говорю и руками тоже!

— Больно!

— Наконец услышал и побежали! Одно время — на равных. А потом волна все медленнее, медленнее и отставать стала!

— Бежал!

— Вот мы тут! А волна проход не прошла!

— Ага!

Вила'Рай оценивающим взглядом окинул запыхавшихся добытчиков, потом глянул на стопку чешуй.

— Растеряли половину! — сказал он негромко. Внимательно посмотрел на отдувающуюся парочку. С трудом удержался от смеха — больно уж контрастно и комично выглядели незадачливые добытчики.

— Но ведь другую-то половину доставили! — воскликнула шепотом Экка.

— Ну, разве что так. Тролль — иди, разгружайся, да не разбуди никого. А ты останься тут на пару слов.

Гигант кивнул и, стараясь топотать потише хотя земля все равно все-таки вздрагивала, отправился к проходу в лощинку, спрятавшую лагерь.

— Где обронили заметила? — спросил эльф.

— Нет, я вперед смотрела и назад — смущенно заковыряла сухую землю сапожком гоблинша.

— Волна точно до нас не дойдет?

— Она посередине прохода остановилась. А пойдет ли дальше — не знаю. Ой! — и она ткнула пальцем за спину Вила'Рая. Он мигом обернулся, хватая лук, и увидел две стремительные и какие-то словно склизкие тени, метнувшиеся за холмик на половине полета стрелы.

— Это еще что за твари? — спросил он спрятавшуюся за него Экку.

Та выразительно пожала плечиками.

Примчавшаяся издалека мышь показала, что тварей этих с полтора десятка. Некрупные — с пепельного пещерного паука или

человеческую собаку, какие-то вислозадые, но шустрые. И спрятались они, взяв вход в лощинку под наблюдение.

— Пока не забыл — не вздумай толстяка резать или еще как убивать. Кинжал твой — из злобных, хозяину добра не приносит, а ты его разбудила от спячки, напоила теплой живой кровью. Я теперь его злобу чувствую и в городе нас любой патруль с магом тут же возьмет в оборот. Нам это не надо. Ты помнишь, чьей богини жрица Галяэль?

— Да, хозяин, помню. Но кинжал все же жалко, он просто в руку так и просится. Как котеночек.

— Вот и я об этом. И взвидеть не успеешь, как он в тебя же и вопьется. В общем — толстяка не смей трогать.

Экка промолчала, но взгляд у нее был характерный. Словно она взвешивала слова мужа хозяйки на точных весах. Нехороший был взгляд, но эльф его принял и отразил. Гоблинша потупилась и пробурчала:

— Как скажешь. Командир.

18.

Тролль старательно умывался, плеская себе в морду щедрыми горстями мелкий песок, потом песком протер зубищи. Потянулся, от души зевнул, посмотрел уже сонными глазенками на эльфа и утвердительно спросил:

— Спать?

Вила'Рай молча кивнул. Гигант тут же свернулся в бугристый клубок под кустами и неожиданно тихо засопел. Удивленно пожав плечами, дроу подошел к спящей супруге.

— Сапогов не снял — укоризненно прошептала готовящаяся завалиться под бочок к хозяйке Экка. Упрек был справедлив и встав на коленки Вила'Рай осторожно потянул с ноги Галяэль сапожок. Потом — второй, аккуратно закутал ножки плащом, но жена даже дыхание свое не изменила, спала непробудно. Действительно, не подумал, со снятой обувью спится лучше и ноги отдыхают, но вчера как-то не до того было. Прислушался к себе. Здоровья вроде как стало все-таки меньше, во всяком случае, чувствовал он себя не бодро, с другой стороны такой утечки жизни, как была вчера — не ощущалось точно. Уже хорошо. В меру своих сил пролечил себя, потом направил такое же заклинание на всех спящих по очереди, начиная с супруги. Единственным результатом было высунувшееся из-под плаща зеленое ухо Экки, которое впрочем, тут же и спряталось.

Завозился трактирщик, сел на своем импровизированном ложе.

Покряхтел, потом встал на ноги, стараясь не хрустеть песком и шуршать травой, подошел, сел рядом. Негромко спросил:

— Вернулись, гляжу?

— Да, только притащили мало. Рассказывали, что наскочили почти на ту самую волну, что вроде бывает при Большом Призыве, хотя мне кажется, им там померещилось все с усталости и испуга.

— Если когда и мог быть Большой Призыв, то вполне как раз сейчас.

— Раз ты такой грамотный — может быть, растолкуешь, что это за субстрат такой?

— Так мне тоже только рассказывали. Такое возможно только там, где погибло много существ, причем погибло плохо и одновременно…

— То есть на кладбище этакое не устроить?

— Точно. И лич должен быть не рядовой гробокопатель. И

энергии у него темной должно быть много. Все как раз совпадает. Катится такая волна, словно огненный пал по степи или по лесу, кто не сумел уйти, все гибнут. Только после пала жареные волки и олени потом так и валяются, а тут все погибшие сразу и восстают уже нежитью. И идут на зов.

— Значит, если б не удрали — остались бы там? — спросил эльф.

— Да — просто ответил человек.

Помолчали.

— Страшно подумать, сколько сейчас под знаменами лича дохлых мышей, тушканчиков и сверчков — бледно усмехнулся дроу.

— Когда их много — и они опасны. Но меня больше интересует — что с Хозяином Долины.

— Он умер, как сказали наши добытчики — сообщил эльф.

— Это понятно, он и так на ладан дышал, когда мы проходили мимо него. Интересно — что с ним сейчас? Поднять такой труп — может и не хватить мощи даже нескольких личей. Да и вообще драконы — загадочные существа, никто не скажет, что с ними может произойти.

— Ты считаешь, можно ждать его визита сюда? — насторожился Вила'Рай, тревожно поглядывая на чистое нежно–голубое небо.

— Не знаю. Но ведь лекарине надо сил набраться. Не сможет она сейчас дальше двигать, так ведь? А еще и откат, которого я откровенно боюсь, одна надежда, что она все же не из поклонниц Ллос. У тех просто все — как плохое настроение или тем более откат — убьют, кого попало и всех дел. Просто, кто на глаза попался.

— Я знаю — поморщился дроу.

— Это не в обиду будь сказано — поторопился толстяк.

— Ладно. Там у входа полтора десятка каких-то вислозадых собак. Притащились за троллем — сказал дроу.

— Некрасивые, противные, шустрые, пятнистые?

— Точно.

— Те самые песчаные гиены. Поодиночке не очень опасны. Челюсти у них, правда здоровенные, да на зубах всякой гнуси много, если укусят — раны тяжелые и заживают из рук вон плохо. Ну, буйволиную бедренную кость дробят легко, сам понимаешь, что значит — объяснил толстяк.

— Бесполезная сволочь…

— Почему ж сразу бесполезная — они всю падаль подметают. Да и в некоторых поселках из них сторожевых собак делают, сады охранять.

— Дрессируются? — удивился дроу.

— Вполне, если щеночками взять. Но от них всегда дурно пахнет. И еще одна проблема с ними…

— Какая?

Толстяк подмигнул хитро, оскалил зубы и, кивнув в сторону, где спала Экка, с намеком сказал:

— Признают только кого-то одного. Либо хозяина. Либо хозяйку. А остальных спокойно могут тяпнуть зубами.

— А зубы у них со всякой заразой. И перегрызают мощную костяку — усмехнулся эльф.

— Вот–вот. Зато фрукты в садах целы — ответно хмыкнул трактирщик.

— Насчет фруктов — как у нас с едой и водой?

— На сегодня хватит с походом. На завтра — с натягом. На послезавтра — с натугой — серьезно ответил толстяк.

— Своеобразная у вас терминология — иронично сказал дроу.

— Так принято у караванщиков. Чтобы злые духи не догадались, как дело обстоит.

— Это понятно. Значит, больше двух дней нам тут задерживаться не получится?

— Нам лучше б перебраться на оазис Юллюлюк в дне пути отсюда. Там и воды много и деревья с хорошей тенью — сказал трактирщик.

— Но там могут быть и другие караванщики?

— Могут. Но принято не нападать друг на друга в оазисе. Мир воды. И все, кто тут ходят этого правила придерживаются. Потому как до другого оазиса Вованву — там колодец, правда, а не родник — еще день шагать и вода там хуже, солоноватая, ее даже орки с трудом пьют. Но мы если водой в Юллюлюке запасемся, обойдемся без солоноватой. По дороге неплохо бы кого мясного подстрелить.

— Гиену?

— Нет, съедобного кого. Тут газели есть, кабаны, птиц много. На худой конец сухопутные крокодилы имеются, варанами кличут. Запеченный хвост — деликатес.

— Я такое слыхал, про драконьи хвосты — тонко усмехнулся эльф.

— Не знаю, ни разу не слышал, чтоб кто драконий хвост жарил таким рецептом — засомневался толстяк.

— Это была шутка — сухо заметил дроу. Хотя да, рассказывали ему про печеный драконий хвост еще в детстве.

— А! Но мысль интересная — задумался с профессиональным видом трактирщик. Потом предложил покараулить и разбудить,

если что случится. Вила'Рай согласно кивнул, но незаметно расставил магические сторожки, так, чтобы никто не смог пройти ни в лощинку, ни подойти к спящим. Подумал и усадил летучую мышь на камешек, где она слилась с темным гранитом, потом еще немного подумал и подвесил над лагерем легкую вуаль.

Проснулся от тихого предупредительного писка своей наблюдательной мыши. Не шевелясь, чуточку приоткрыл глаз. Толстяк с большой разливательной ложкой в руке подходил к спящим. Присел на корточки, осторожно тронул за плечо.

— Командир, как насчет перекусить? Супчику? Я еще и хороших травок заварил, от жары помогают.

Как ни странно, но под плащом было прохладнее, чем снаружи. Солнце жарило во всю мочь, на сотни голосов трещали кузнечики или кто в степи так умеет стрекотать. Тело ныло и требовало отдыха, но супчику и впрямь хотелось. Растянутый трактирщиком полотняный навесик давал тень, и улечься там было приятно. Еще и ветерком обдувало.

— Доводилось в Изначальном бывать? — спросил, между прочим, толстяк после трапезы, попивая мелкими глотками душистый настой из трав.

— Нет. Мы за пределы Долины не выбирались — ответил Вила'Рай. С грустью вспомнил уютный дом, мирные и безопасные пещеры, поселок с сородичами, спокойную жизнь. Раньше ему нравились баллады про всякие походы и героев, а вот когда самому пришлось во все это влезть — другими глазами посмотрел. Век бы эти приключения не видеть! Как бы хорошо было б, окажись все это сном! Увы, не сон.

— Тогда в городе этом надо держать ухо востро. Много там опасностей. Если тебя интересует мое мнение — лучше бы всего нам у троллей в их квартале устроиться.

— У троллей? — удивился всерьез эльф.

— Ага. Там, пожалуй, будет самое безопасное место. Их заслуженно держат за тугодумов, воровать у них нечего, магией практически не владеют и не пользуются. Скучное место. Нам как раз годится.

— Потому куда собираешься?

— Это, смотря как, все у меня получится. Вам бы посоветовал двигать во владения одного из человеческих королей — к Легарму Великолепному. Конечно, любому барону пригодится опытные лучник и лекариня магической школы, но с баронами ладить хуже — когда начальство подальше и не так лезет во всякие мелкие дела — спокойнее. Мелкие хозяйчики всегда душные. Опять же у Легарма нет определенного предпочтения перед богами, он в этом вопросе предпочитает обходиться без

фанатиков. Потому армия у него достаточно сильная и его опасаются. И как помню, у него и поклонники Эйлистири живут. Впрочем, вам ведь все равно виднее будет.

Эльф кивнул, прикидывая про себя, что вообще-то плохо, что он никогда не выезжал за пределы Долины. Чувствует он себя в этом большом мире очень неуютно и неуверенно. А принимать решения придется, и каждое такое решение может оказаться трагичной ошибкой. Почувствовал, как часто забилось сердце, и непроизвольно оглянулся на спящую жену. Ишь, Легарм какой-то Великолепный. Человек. Новое дело. Хотя как раз с людьми жить было проще, возможно потому, что они, в общем, ко всем Древним Народам относились более–менее ровно. Не было у них такой давней вражды, как между орками и гномами, например, или гномами и эльфами. Или между светлыми и темными эльфами. Потому люди довольно быстро заняли положение посредников и ухитрялись равно благоденствовать и в городах эльфов и в городах орков. Ладили они и с гномами, только те из принципа в свои подземные городища чужаков не пускали и люди селились у подножия гор, рядом с воротами в глубины. Жили эти пришлые людишки недолго — почти столько же, как гоблины, лет по пятьдесят- семьдесят всего, Древние народы их презирали, но открытой вражды пока не было. Зато плодились людишки быстро и легко, и человеческие женщины ухитрялись рожать по пять–шесть детей за свой земной срок. Столько же рожали и эльфини (хотя у светлых это уже было немодно и пошло веяние иметь по одному–два эльфенка за всю свою жизнь, за все восемьсот, девятьсот лет). Темных эта мода не коснулась, но у дроу были свои заботы, потому люди стремительно умножались в числе по сравнению с другими расами. И Вила'Рай не без оснований считал, что потрясения еще будут, потому как в бою воины Древних народов были практически на равных с людьми, только вот людей становилось все больше, а Древних народов — все меньше и потому была обоснованная мысль, что когда-нибудь люди устроят разрозненным Древним кровавую баню. Хорошо еще, что с магией у людей были нелады, они плохо ее чуяли и с трудом обучались. Нет, разумеется, не так провально, как гномы, которые в этом тонком деле не разбирались никогда и максимум что могли — делать амулеты, украшения, оружие и доспехи с некоторой толикой магической силы, но сильных магов из них пока никто не встречал до недавнего некроманта. Лич сильно удивил своим успехом супружескую чету, подсознательно оба были уверены, что ничего у некроманта не получится. И ошиблись. Если такие же по силе маги будут появляться у людей и дальше, жди беды. К тому же не только эльфы были

непримиримо разделены на поклонников Светлого и Темного пантеонов. То же самое было и у других Древних народов. Были сторонники темного у гномов, были поклонники светлых у орков. Хорошо еще, что и люди поддались тому же соблазну и тоже делились на почитателей разных богов и даже дрались по этому поводу друг с другом не менее свирепо, чем те же эльфы. Другое дело, что в мире было равновесие и потому все ограничивалось мелкими стычками, никогда не доходившими до масштабных войн. В небольшом набеге можно и обогатиться. Большая война такого не даст, слишком уж дорого стоит, и все плоды достаются тем, кто верховодит. Теперь, после визита Пришлых, равновесие будет трещать по всем швам.

19.

Вила'Рай блаженно вытянулся в тени. Тело понемногу приходило в себя, отдых сказывался возвращением силы и бодрости. Мышцы, правда, болели все, но это уже было терпимо. Бешеный бег наперегонки со смертью удалось выиграть, это радовало. Зной волнами перекатывался по степи, но живность, то ли попряталась вся, то ли не хотела попадаться на глаза. Только один раз звякнула сторожевая магия — тощая гиена осторожно прошнырнула перед входом в лощинку и тут же улепетнула прочь.

Преодолел дремоту, с усилием встал и пошел глянуть, как чувствует себя супруга.

Поправил на спящих плащ, ласково погладил по худенькой спине свою супругу и удивился холодному тону и голосу бодрствующего человека, которым его Галяэль попросила не отвлекать её, она беседует. Аккуратно посмотрел — нет, глаза у жены закрыты, дыхание ровное, как положено спящей. Словно и не она сказала. Пожал в недоумении плечами, вернулся на свое место.

Проверил оба лука — свой и супруги, усмехнулся, заметив на трофее три десятка аккуратных узорных царапин. Матерый светлый эльф был. Подогнал запасные тетивы. Осмотрел свои оставшиеся стрелы, потом перебрал те колчаны, что достались в тайной комнате лича. Так ничего и не понял — стрелы были одна в одну, словно их делал кто-то сверхъестественный — даже у мастеров такой одинаковости не получается, каждая стрела от другой капельку но отличается, а тут — совершенно одинаковы. И наконечники совершенно иные, ни у кого такого не видал, а уж как учитель лучной стрельбы всякое смотрел. Решил проверить при случае — что это за стрелы такие, особенные. На сладкое оставил доставшийся ему трофей от Пришлых — черного металла удобно ложащийся рубчатой рукояткой в ладонь маленький недоарбалет. Подозвал трактирщика, который уже имел некоторый опыт возни с оружием Пришлых. Совместно разобрались в общем, как работает это стрелятельное устройство, повозиться, конечно, пришлось, особенно когда при нажатии кнопки из рукояти стремительно вывалилась продолговатая коробочка с прорезями, в которые были видны округлые боковинки фиолетовых с зелениной бочоночков, завершавшихся тускло блестящими полушариями. Повозившись, разобрались, что металлические бочоночки можно выщелкнуть из коробочки, что-то внутри услужливо выдвигало вместо выскочившей штуковинки

следующий бочонок. Всего таких в коробочке было 16 штук. Когда толстяк вспомнил, что покойные гном с дружинником еще и дергали что-то, чтобы начать стрельбу, удалось понять, что надо дергать. В общем, стало ясно, как работает эта машина. Ну не совсем ясно, конечно, потому как что за магия была заключена в смертоносных бочоночках с полушариями, но главное — выстрелить теперь можно было, а оружие для того и нужно.

Эльф припомнил, что толстяк подобрал тогда у покалеченного Пришлого вторую такую коробочку и подумал, что неплохо бы ему ее забрать себе, благо каждый воин знает, что припас не трёт карманы и шею не ломает, но тут толстяк уперся, вспомнив кучу писаных и неписаных правил, напомнил об обычаях, расписал возможную ценность этого артефакта для коллекционеров и напомнил, что еще три раза подумает, продавать ли эту вещь, а купить ее у эльфа вряд ли денег хватит. Одно слово — трактирщик!

Галяэль проснулась, когда уже стемнело. Посмотрела странным взглядом на мужа, потом совершенно неожиданно встала, чуть не свалившись обратно на ложе, потому что ноги ее держали не очень уверенно, подошла к лежащему под тентом оружию, решительно взяла свой лук, попробовала тетиву, кивнула словно сама себе и прихватив колчан со стрелами, двинулась к выходу из лощины. Вила'Рай быстро последовал за ней, вооружившись по дороге.

Не глядя на него, эльфийка хрипло прошептала:

— Убить любую живность! Быстро!

Стрела с широким лезвием для кровопускания уже лежала на тетиве.

Дроу кивнул, приготовился к стрельбе и двинул туда, где с краю сидела настороже песчаная гиена. Она их не видела, а вот эльф глазами своей летучей мыши видел ее прекрасно. И напал неожиданно, вуаль накладывать было без толку, звери через заклинание видели все отлично, а вот тихий шаг зверюгу обманул и она вскинулась слишком поздно, когда стрела уже вылетела из-за холмика. Гиена заверещала и тут же вскочившая на гребень эльфийка влепила в нее стрелу. Вила'Рай отлично знал, что его супруга отлично умеет лечить, но вот как лучница она не вполне соответствует реноме эльфов. То есть хорошо бьет только по неподвижной мишени и недалеко — руки у нее были женские, слабые. Потому тут взял на себя роль останавливающего, дав жене задачи добивающего.

Воткнул перед собой в песок три стрелы, и когда пара гиен выскочила на помощь тявкающей раненой товарке, с легендарной эльфийской скоростью искалечил обеих. Быстро и бесшумно

переместился вбок, отметив, что сзади тренькает тетива и жужжащие тихо в воздухе стрелы уже оборвали визг всех трех подранков. Стая оказалась не очень храброй и, потеряв еще двоих, бросилась врассыпную, оставив за эльфами поле боя.

Вопросительно посмотрел на жену и испугался. Когда она повернулась к нему, ее личико было искажено хищной и свирепой радостью убийства, вполне достойной жрицы Ллос. Никогда прежде такой жуткой гримасы злого восторга не было у Галяэль. Это обескураживало. Тем более что и взгляд был презрительный, высокомерный, очень неприятный. Такое продолжалось долго, с минуту, после чего эльфийка словно опомнилась, устало ссутулила плечи и медленно побрела обратно, в лагерь, сложив жест 'Возвращаемся'. Дроу в недоумении пошел следом. Еще больше удивился, когда жена как подкошенная упала на плащ и моментально опять заснула. Проснувшаяся Экка глупо хлопала глазами. Вила'Рай пожал плечами, укрыл спящую плащом, потом глянул на сидящего тролля и позвал его за собой, вручив лопату. Гигант недоуменно побрел следом и от его шагов земля ощутимо вздрагивала.

— Я забираю стрелы. Ты убираешь гиен. Вопросы есть?

— Да.

— Что за вопрос?

— Зачем лопата?

— Ну, если обойдешься без нее — валяй — пожал плечами эльф и принялся вырезать из дохлой гиены стрелу. Закончив с одним телом, пошел к следующему и удивленно обернулся, услышав странный хруст и чавканье. Тролль с удовольствием пережевывал вонючую тушку, от которой уже осталась половина. Вила'Рай удержал за кончик чуть было не выскочившую с языка фразу 'Да как ты можешь ЭТО жрать???' Вместо этого спросил коротко:

— Вкусно?

— Как мама готовит!

Не нашелся, что сказать, потому молча продолжил работу. Немного поздновато вспомнил, как тролль жрал суп из котла. Решил, что все-таки надо троллю готовить отдельно. И хорошо еще, что супруга этого не видит. Перед тем, как идти в лагерь терпеливо подождал пока гигант схрумкает последнюю тушку и попросил его очистить физиономию от крови и прилипшей шерсти. Тролль, не споря покладисто оторвал кусок дерна и вытер им свою морду словно полотенцем.

Размышляя на тему странностей мироздания вообще и конкретных существ в частности обалделый дроу вернулся в лагерь. Ругань трактирщика, у которого тролль на закуску сожрал

угли из костра уже не удивила.

— Как чувствует себя уважаемая лекариня? — дипломатично спросил подошедший толстяк.

— Вроде бы лучше. Надеюсь, что часть эмоций она уже выплеснула на гиен — тем же тоном ответил эльф.

— Возможно, ли выдвинуться утром на оазис? Пока прохладно — будем идти. Зной переждем на привале — к вечеру доберемся до Юллюлюка. Я бы пока собрался, запрятал, что не нужно, опять же чешуи можно закопать.

— Их не так много. Да и бежать нам, вися на тролле уже не надо, потому потащим их с собой.

— Как скажешь, командир — кивнул, подумав, трактирщик и пошел собираться.

Помня про волка, козу и капусту, Вила'Рай решил покараулить сам, не очень доверяя Экке или троллю. Сначала все было спокойно и тихо.

Но повторно удивила Галяэль, опять внезапно поднявшись с плаща, глядя заплаканными, чужими глазами. Дроу даже не заметил, чтобы она плакала, но ее глаза были мокрыми и дорожки слез отчетливо блестели под лунным светом. Лекарка стала копаться в вещах, бывших для нее вместо подушки, достала оттуда что-то маленькое, и нетерпеливо показав на языке жестов 'Идем немедля' пошла к выходу из лощинки, где расположился лагерь.

Привычно подхватив оружие, эльф последовал за ней.

Встревоженная, как и хозяин, летучая мышь стремительно носилась расширяющейся спиралью в темном небе, отслеживая каждый кустик и каждый холмик. Но ничего опасного поблизости не было. Ломая себе голову причудами супруги, эльф быстро шел следом и внимательно осматривал окружающую местность. Легкий теплый ветерок волнами шевелил шелковистую траву, которая из-за этого выглядела как живое существо. Выглянувшая из-за туч полная Луна залила степь серебристым нежным светом и, наконец остановившаяся Галяэль опять удивила мужа, быстро и уверенно скинув с себя всю одежду.

Она гибко наклонилась, то ли поставив что-то на землю, то ли отвесив церемонный поклон кому-то перед собой, и принялась танцевать под слышную только ей музыку — сначала медленно и неуверенно, словно вспоминая па, потом все быстрее и быстрее. Танец завораживал, мозг дроу словно впал в нирвану и только глаза внимательно следили за отточенными движениями грациозной и сильной женской фигурки кружащейся посреди бескрайней ровно колышущейся, словно дышащей степи. Эльф вздрогнул, выныривая из оцепеняющего наваждения, когда

супруга, танцуя, приблизилась к нему и рывком выдернула из его ножен саблю. Пляска стала быстрой, в ней появилась какая-то жесткость, сабля легким свистом словно отбивала ритм, легко описывая секущие круги в темном воздухе.

Если бы не наводимая на разум оцепенелость, когда охота просто стоять и бесконечно взирать на танцующую обнаженную женщину, эльф попытался бы понять, что это все означает, больно уж странно вела себя супруга, возможно он бы вспомнил, что именно такой изображают богиню Эйлистири — пляшущей ночью с обнаженным серебряным мечом, отбрасывающем в танце длинные сияющие блики лунного света. Но странный транс в который впал Вила'Рай словно отключил любую возможность думать. Эльф так и простоял неподвижно, словно зачарованный, пока танец не кончился эффектным жестом — приземляясь из прыжка на одно колено, Галяэль словно опытный воин вбила саблю в землю почти по рукоять практически там же, где и начался ее танец и обессилено осталась сидеть, завесив лицо рассыпавшимися волосами.

Эльф словно через силу пришел в себя. Если бы не постоянная мысль 'мы в Злых Степях, их не зря называли так', если бы не ставшая постоянной потребность все время быть начеку, возможно он бы просто уснул прямо тут расположившись в траве, потому как зрелище танца странным образом выпило из него все силы, с таким трудом восстановленные за прошедшие сутки. Впору было подумать о притаившемся неподалеку вомпере — доводилось слышать, что именно так кровососущая нежить ломает сопротивление жертв — но вомперов рядом и в помине не было. Был он сам и его супруга, которая тоже совершенно очевидно выбилась из сил.

На подгибающихся ногах Вила'Рай поспешил к сидящей в траве эльфийке, присел рядом, обнял и она послушно словно тряпичная кукла привалилась к нему.

— Поцелуй меня! — тихо сказала эльфийка. И подставила мягкие теплые губы.

20.

Поцелуй был хоть и длинный, но получился каким-то умиротворенным. Эльф еще в себя не пришел после навалившегося на него странного ощущения, а его супруга словно думала о чем-то таком важном, что и поцелуй у нее вышел очень непривычным. Не легкий дружеский, не шутливо подначивающий, не страстный, впивающийся, а какой-то новый. Вила'Рай никак не мог понять, что тут не так. Может быть, еще и потому, что 'не так' было все вокруг — и громадное небо с мириадами сверкающих на нем звезд, такое пугающее и бездонное, что иногда эльф ловил себя на мысли, что боится упасть в него, и степь, неуютно широкая, безгранично лежащая вокруг и странноватая шелковистая трава с ее словно живым шепотом, непривычный ветер, обдувающий как ни один нормальный поток воздуха в пещерах, тысячи странных запахов вокруг. Да и то, что его супруга впервые танцевала обнаженной с саблей, открыто, посреди лунной ночи и при нем — было тоже странно. Жрицы Эйлистири отмечали свои ритуалы без посторонних свидетелей и не так, чтобы любой мог их увидеть. Какая-то сказочная была эта ночь, сказочная и дикая. Галяэль уткнулась лицом в грудь мужу, а он мягко погладил ее по сбившимся за время боев волосам. Это тоже было непривычно — шевелюра у эльфийки была всегда пушистой, вкусно пахнущей. А теперь в волосы набились чужие, злые запахи последних дней: и горького дыма горящих жилищ и тяжелый дух крови из ран и сладковатый душок смерти и спертый привкус кирпичной пыли и острый — женского пота. Так от супруги не пахло никогда. Теперь же еще добавлялись и ароматы степи, сухого ковыля, травы, земли, смешиваясь в странном диком сочетании жизни и смерти.

Вила'Рай вздрогнул. С испугом понял, что уснул — вот так, как сидел. Супруга тихо посапывала носиком в его объятиях, сторожевая летучая мышь тоже неподвижно расположилась на расстоянии вытянутой руки. Выругав себя от души, но беззвучно, чтобы не будить жену, эльф тут же послал лазутчицу в небо и та мигом спиральным хаотическим полетом облетела место странного привала своих хозяев. Но вокруг все было тихо и спокойно, никто не подкрадывался к паре беглецов, только серебристые волны освещенной луной травы неслись по степи под теплым ночным ветерком. Это было красиво, и некоторое время эльф любовался зрелищем. Ему доводилось видеть на картинах, что так же выглядит ночное море, только там вода, а не

трава. Такое завораживало. На всякий случай навесил вуаль, а то чувствовал себя неловко посреди открытого пространства, под распахнутым до горизонта звездным небом. Супруга спокойно спала у него в объятиях, и эльф вдруг подумал, что и здесь, в этом непривычном мире жить можно. Осторожно, чтобы не разбудить и как можно более нежно погладил жену по гладенькой и такой знакомой спинке тыльной стороной руки — как у всех лукарей пальцы у него были жесткие, мозолистые и никак не подходили для того, чтобы гладить бархатистую женскую кожу. Эльфийка коротко мурлыкнула, как всегда делала при поглаживании, прижалась теснее.

Вила'Рай усмехнулся. Только сейчас до него, наконец, совершенно дошло, что им удалось спастись. И ему и супруге. Они остались живы и будут жить. И это самое важное, что им удалось сделать за прошлое время. Конечно, потерян и дом и все имущество, но, в конце концов, это не самое главное, жили они не богато, в достатке средних горожан, руки–ноги целы и самое важное — они вместе, как и раньше. И хотя тот мир, в котором им предстояло теперь жить, был не таким уютным, как городок в пещерах, но они справятся. То сокровище, которое сладко посапывало у него на груди, было самым ценным, теперь он это понимал совершенно точно. У людей была такая странноватая легенда, что Создатель сделал сначала людей не такими, какие они сейчас, а иначе — двутелыми, на манер кентавров и этих ящероподобных, и потом за грехи и провинности разделил, и потому каждому человеку важно было отыскать среди тысяч окружающих его именно ту, свою половинку. Чушь, конечно, как и все нелепые и дурацкие человеческие мифы, глупее которых только гномские. Но вот сейчас, сидя под куполом неба, эльфу показалось, что что-то в этой глупой легенде было верным. Маленькая лекарка, стойко вынесшая ужас нашествия, была теперь такой же частью эльфа, как его рука или сердце. Он не мог представить себе, что бы чувствовал, если бы не смог спасти ее. И он благодарно и легонечко, мизинцем, единственным пальчиком, на котором кожа не была покрыта жесткими мозолями от тетивы, провел по самому краешку раковины аккуратного остроконечного женского ушка. Тихо подул, убрав непослушную прядку волос с виска. Прикоснулся губами к коже и не смог оторваться, целуя щеку, закрытый глаз и лоб.

— Ммм? — не открывая глаз, спросила, потянувшись Галяэль.

— Ты самая лучшая! — прошептал ей в стоящее торчком ушко муж.

— Продолжай! — мурлыкающим голосом ответила супруга, подставляя губы.

— Мымымм — сказал в момент поцелуя эльф.

— Угум! — одобрила сказанное опытная жена.

Вообще-то эльфийская одежда достаточно сложна для посторонних большим количеством пряжек, ремешков и шнурованных завязок. Но это для посторонних. Сами эльфы умеют довольно быстро одеваться, не зря они считаются хорошими воинами. Раздеваться, впрочем, они тоже умеют быстро. И Вила'Рай был хорошим воином. Его немного смущало, что все это время, с того момента, как они выскочили за порог своего дома им не удалось толком помыться, а в его маленькой семье было негласно принято любить друг друга чистыми. Но сейчас эта мысль проскользнула быстро и забылась. Потому как в его объятиях была самая лучшая женщина, которую он теперь после всех этих бед не променял бы ни на какую другую, самая желанная, самая красивая и самая темпераментная. Это отбивало всякие мысли и тела прижимались друг к другу так тесно, словно и впрямь слились в одно целое, как в странноватой людской легенде. Это отдавало немного безумием, любить друг друга под сверкающим бриллиантами неведомых звезд небом посреди ночи, но пока они были счастливы обладанием, наплевать было на приличия, некая первобытная дикость последнего времени меняла их привычки, обычная стыдливость и робкая нежность молодой жены, аккуратность мужа — все полетело в тартарары и это нравилось обоим. Галяэль обычно стеснялась того, что у нее маленькие остроконечные груди, для темных эльфов каноном были круглые и большие, теперь она сама подставила соски под гладящие ее тело руки мужа и сладостно застонав, запрокинула голову, открыв для поцелуев шею. Вила'Рай был на грани того, чтобы заплакать от восторга и накатившего счастья, сейчас его супруга отдавалась ему до последней частички самой себя и он так же принадлежал ей всем телом, это было очень новое ощущение и казалось, что в слиянии тел участвуют все клеточки.

Эльфийка, обычно стеснявшаяся соседей и потому сдерживавшая себя, теперь ахала, стонала и даже повизгивала от наслаждения, что будоражило новизной ее супруга больше, чем даже вид ее прелестей, от которых он всегда терял голову, и был готов схватить в объятия супругу, как только видел ее круглые бедра или груди в вырезе мантии. Теперь она была совершенно обнаженной в его объятиях и это просто заставляло его совершенно потерять голову. Прикосновения вызывали катившиеся по коже волны острого истомного наслаждения, поцелуи давали невероятно сладостные чувства, а ощущения слияния нежнейших органов, этих символов делающих одного из них мужчиной, а другую — женщиной, отключили все мысли

кроме восторга.

Наслаждение стало нестерпимым, дошло до своего пика, выше которого простым смертным было не подняться, Галяэль хрипло рыча забилась и обмякла, а Вила'Рай только и успел порадоваться тому, что так порадовал супругу, как на него накатило то же самое высшее любовное чувство и он обессилено рухнул рядом с прекрасным телом своей любимой.

Каждому взрослому темному эльфу отлично известно, что после любви он обязан еще ласкать свою эльфийку, чтобы ей было приятно. Увы, Вила'Рай ощутил жгучий стыд, поняв, что он моментально уснул, словно какой-то человеческий самец. Он и проснулся то внезапно, как вынырнул и очень удивился тому, что облокотившаяся на острый локоть Галяэль пальчиком с коротко остриженным, как у всех лекарок, ноготком чертит у него на груди рунические знаки. При этом она мягко улыбалась и вовсе не выглядела сердитой.

— Гхм, я как-то совершенно не ожидал, что все оно вот так вот как-то не этак — спросонья начал оправдываться эльф.

— Ничего страшного — невозмутимо прошептала ему в ухо супруга.

— Ты не сердишься?

— Конечно, нет. Мы просто попробовали нечто новое. Во всяком случае, последняя поза как раз была характерна для плотских утех у людей. Очевидно, ты решил попробовать и дальше подражать им. Вполне получилось. Человеки–самцы всегда завершают акт любви тем, что засыпают.

— А откуда ты это знаешь? — подскочил от удивления Вила'Рай.

— Надо же, как ты умеешь пучить глаза! — восхитилась эльфийка.

— Ну а все-таки?

— Нам рассказывали это в лекарской школе. Сравнительная физиология и анатомия живущих рас.

— Вот не думал, что этому там учат!

— Вообще-то не только этому. Многому другому тоже. Потому, хотелось бы закончить на этом обсуждение обучения юных лекарей, а то мне придется вспомнить и о том, как занимаются любовью гномы, а это сразу уменьшит восторг от того, что у нас с тобой только что было.

— А это правда, что у гномих есть борода? — неожиданно даже для себя самого ляпнул эльф.

— Нет, это вранье. Нету у них бороды. А если есть — то не у всех. Просто они такие квадратные и пузатые, как и мужики–гномы. Мясистые и сисястые. И сильные очень.

— Заинтриговала ты меня тем, что у гномов что-то наособицу — признался илитиири.

— Вот уж нет. Просто эльфы не засыпают после любви, ну почти все и почти всегда не засыпают. Люди — засыпают после любви.

— А гномы?

— А гномы засыпают во время любви. Или вместо нее — все очень просто.

— Ого! Но они же как-то все-таки плодятся? — озадаченно заметил Вила'Рай.

— Гм — на секунду задумалась лекарка — но возможно, что наша учительница не все знала досконально именно в этом вопросе. К тому же она тоже была илитиири.

Эльф усмехнулся. К гномам илитиири относились, пожалуй, никак не лучше, чем к людям. И если про гнома можно было сказать гадость — эльфы всегда это делали с удовольствием. Справедливости ради надо отметить, что гномы платили ровно тем же.

Галяэль глубоко вздохнула. Вила'Рай полюбовался как мягко колыхнулись ее груди. Ветерок приятно овевал разгоряченные тела.

Заглаживая свою вину, илитиири нежно провел мягкой стороной ладони по плоскому животику супруги, погладил круглые крепкие бедра. Галяэль усмехнулась, лукаво искоса глянула на старательного супруга. Он улыбнулся в ответ.

Эльфийка встала, подняла свою сброшенную впопыхах мантию, грустно вздохнула, потому как без слепящего дневного света ночной ясно показывал все прорехи и лоскуты порвавшейся в ходе боев и бегства одежды. Появляться на публике в таком было уже неприлично. Потом постелила мантию рядом с глядящим на супругу с восхищением мужем и удобно улеглась, с удовольствием потянувшись.

— Трава вроде и мягкая, а локотки и коленки саднит. Посбивала, сама не заметила — не жалуясь, а просто поясняя, сказала Галяэль.

Вместо ответа Вила'Рай наклонился и поцеловал круглые и немного зазеленившиеся от травы колешки жены.

— Я потом пролечу, если ссадинки останутся — сказала эльфийка и нежно потрепала мужа по взлохмаченной шевелюре. Улыбнулась тихо и удобно пристроилась головкой на его груди. Дроу замер от счастья.

21.

Некоторое время эльф лежал в дремотном блаженстве.

— Нас скоро будет трое — тихо и заговорщицки прошептала эльфийка. Муж, пребывавшей в сладостной, истомной нирване, не сразу понял, о чем она говорит. Какие-то обрывки мыслей и странного счета пугливым ворохом пролетели в сознании, сгоряча подумалось, что обладающая некоторым даром предвиденья жрица намекает на то, что Экка зарежет из-за кинжала толстяка, а тролль сожрет Экку или наоборот, трактирщик отравит гоблиншу с троллем. Впрочем, это все оказалось настолько явной чушью, что очнувшийся от приятного морока Вила'Рай не стал озвучивать эту ахинею.

— Что ты имеешь в виду, любимая? — просто спросил он.

— У меня живет наш малыш — так же просто ответила она.

— Но как ты узнала? Ведь времени прошло совсем немного? Это же только что! — поразился женской чуткости эльф.

— Какие вы дуралеи, мужчины — засмеялась звонким колокольчиком всеведущая супруга:

— Я поняла это раньше, как раз перед прилетом этих металлических… Не стала тебе говорить, потому что… Потому что не думала, что выживем. А теперь — совсем другое дело. Что бы впереди ни случилось — чувствую, что такого страшного уже не будет. Всякое будет, но не такое. А еще я хочу новое платье! И помыться, наконец! Как я хочу помыться!

— Хорошо бы, чтобы ты не ошиблась. Конечно таких масштабных катастроф, чтобы вся долина вымерла и стала краем нежити, надеюсь, не будет, но нам и поменьше беды может оказаться более чем…

— Ну да. Я и забыла, какой ты у меня осторожный и боязливый.

— Так ведь сколько раз выручало? Тебе-то положено быть смелой, ты женщина. А я для мужчины еще ого–го какой храбрец — улыбнулся Вила'Рай.

— Это так. Но я теперь знаю и еще кое — что — только ты об этом никому!

— Я нем как рыба в глубокой могиле! — произнес совершенно серьезно старую формулу тишины эльф. Присловье было дурацким, с чего это рыбе лежать в могиле, но у илитиири это было серьезным обещанием молчать.

— На нас лежит благословение самой Эйлистири! И она сейчас с нами.

— Как?! — эльф суетливо стал прикрывать мужской срам, чтобы не оскорбить чувств богини танца.

— Не вертись — одернула его побеспокоенная его суетой супруга.

— Но богиня…

— Она снисходительно относится к мужчинам. И потом не понимай все так прямо. Она не сидит рядом с нами, нет. Просто любому божеству нужно на этой земле что-то вроде якоря, пристанища. Пришлые уничтожили ее храм в нашем городке, и она велела мне принять капельку ее божественной сути в ту самую статуэтку, что была найдена у некроманта. Эта статуэтка — теперь частичка богини. Не знаю что это и откуда, но явно какое-то отношение вещица к Эйлистири имела давным давно. Наверное, это она была образцом для скульпторши. Великой скульпторши! Потому что сделать такую изысканную и изящную вещь могла только женщина.

— И что мы должны делать?

— Пока ничего. Хранить это сокровище как зеницу ока. Оберегать. Потом будет видно, пока больше я и сама ничего не знаю.

— Знаешь, столько новостей сразу…

— Ты огорчился? У тебя дыхание изменилось! — встревожилась лекарка.

— Нет, что ты, просто уносили ноги, уносили, я еще боялся, какой у тебя откат будет, а тут раз — два и у нас малыш, да еще и благословение богини. Ты этих гиен колотила — откат свой тешила? — спросил эльф.

— Немножко. Но для того, чтобы отвести глаза Ллос — надо было сделать жертву. А после жертвы она уже не заметила, что у Эйлистири появилось новое пристанище.

— Здорово. Ты отдохни, я посторожу.

— Да хватит, спокойнее в лагерь вернуться. Мы идем к оазису?

— Да. И там ты, наконец, сможешь искупаться вволю — пообещал муж.

И как оказалось на следующий день — наврал. Искупаться не получилось, ни эльфийке, ни кому другому. Огорчились все. Кроме, пожалуй, что тролля. Он вполне серьезно и привычно умывался песком.

Вначале все шло прекрасно, хотя идти рассветным утром было для эльфов не слишком приятно, но шли быстро, тролль оказался настолько здоровым, что не только женщин на себе нес, но и толстяку помог, никаких проблем и забот не возникало и, в общем, это было не слишком напряженным путешествием. Не

прогулка конечно, но и не военный поход. Эльф даже лук в руки не брал. Точно так же тихо прошел и привал, разве что уже ощутимо захотелось есть. А вот когда по срокам пора было бы уже показаться верхушкам пальм, которые росли вокруг озерца Юллюлюк, проводник начал явно волноваться.

— С дороги сбились? — спросила заметившее это эльфийка?

— Нет — твердо ответил проводник, еще раз осматриваясь.

— Тогда что волнуешься?

— Старый стал, раньше б никто не отметил — огорчился трактирщик, утирая обильный пот с лица.

— Так все-таки?

— Должны быть видны пальмы. Зеленые верхушки. А я их не вижу. Зато многовато стервятников в небе.

— Ну что ж, пошли, разберемся.

Разобрались быстро. Сначала попался ободранный почти до голых костей гиенами здоровенный траматар — двугорбая четырехногая скотина, специально словно созданная для дальних переходов. Потом под ногами блеснула эльфийская флисса, такая же по форме, как и висящая на боку у Вила'Рая, только с богато украшенным эфесом. А там, поднявшись на холм, остановились в жестоком разочаровании и тоске. Внизу, как блюдечко, поблескивало озерцо. И в воде и вокруг в беспорядке валялись трупы — и животных и эльфов. Пальмы, дававшие тень, были скошены словно трава косой и валялись кучами высохшей на жаре рыжей листвы. Тяжелый смрад полз из распотрошенного и загаженного оазиса.

— Богатый был караван — отметил очевидный факт трактирщик.

Возражать никто не стал — серебряное и золотое шитье блестело и сверкало острыми зайчиками под лучами солнца, придавая этому побоищу странновато — праздничный вид, совершенно не подходивший к зрелищу.

— Ладно, лагерь разобьем с подветра, чтобы не воняло. Командир, сходим, глянем — кто это их так?

— Пошли. Вы тут подождете? — повернулся эльф к остальным спутникам.

— Нет, лучше идти всем вместе — отозвалась Галяэль. Экка фыркнула и демонстративно пошевелила ушами, выражая презрение, скорее всего к словам хозяина.

Лекарка строго на нее глянула, отчего мелкая гоблинша прижала уши и спряталась за ногу тролля.

— Мне непонятно — труп траматера обгрызли до костей — а тут все целые. Что-то гиен напугало. Так что идем аккуратно, глядим внимательно.

Муж кивнул, доставая лук и накладывая на него стрелу. Пришлось замотать лица платками, вроде так пахло не столь сильно.

— Как же мне это надоело — глухо сказала эльфийка. Трактирщик косо глянул на нее, вид у него был тревожный, хотя глаза жадно блестели. Эльф опять кивнул, не отвлекаясь, впрочем. Он тоже заметил, что и грифы окружали оазис, держась на почтительном расстоянии.

Причина опаски у падальщиков обнаружилась быстро — как только из-под вороха сухих пальмовых листьев выбрался странноватый зверь — крупный серо–пепельный кошак, отличавшихся от виденных эльфом раньше, только странным благородным окрасом и толстенным хвостом, пушистым до невероятия, казалось, что хвостище вполовину только меньше туловища по толщине и практически такой же как сам зверь по длине. Зверь без страха уставился на оторопевших путников.

— Гляди-ка ты, это же ирбис! — удивился трактирщик.

— Опасен? — быстро спросил эльф, готовясь шпиговать стрелами зверюгу, как только та на них кинется.

— Если он из Храма Ирбисов — то для нас — не опасен — тихо сказала лекарка.

— Что за храм? — удивился Вила'Рай.

— Один из храмов темных эльфов в Изначальном. Слышать слышал, но людей туда не пускают — отозвался трактирщик, предусмотрительно державшийся так, чтобы от сильно отощавшего, но все-таки крупного кота его отделял массивный тролль.

— Он ранен — отозвался эльф.

— Защищай меня — отозвалась Галяэль и не спеша, ровными шажками двинулась к зверю.

— Не цельсяся сейчас — шепнул толстяк.

— Почему? — так же тихо спросил эльф.

— Если ирбис из Храма — то он знает, что такое оружие и что такое угроза. Не провоцируй. Если прыгнет — ты же его навскидку успеешь?

— Не хочется рисковать.

— Тихо, она уже лечит!

И ничего не произошло, кот, который по размерам скорее был с крупную пантеру или леопарда, постоял, посмотрел и забрался обратно в кучу листьев.

Галяэль пожала плечиками и вернулась к остальным.

— Вряд ли он будет на нас нападать — уверенно сказала она.

— На вас, илитиири — да. А вот гоблиншу может принять за добычу — предупредил толстяк.

— Кстати, где она? — ахнула лекарка.

— Эта торопыга меня в гроб вгонит — отозвался эльф и тут же пошел по следам Экки. Остальные двинулись за ним. Но пропажа обнаружилась очень быстро, появившись из-за раздутого громадного траматера.

— Хозяйка, хозяйка, смотри, что я нашла! — тараторила она на бегу.

— Экка! — строго начала читать нотацию Галяэль и осеклась.

На протянутых ладошках гоблинши лежали уже знакомые вещи — несколько полых продолговатых цилиндриков зеленоватого металла. Маленькие стаканчики. Такие оставались после Пришлых.

— Они и здесь были?! — удивился трактирщик.

— Получается что да — ответил эльф, оценивший строчку круглых дырок в боку мертвого вьючного животного, следы на земле и те самые цилиндрики на ладошках служанки.

— Но зачем?

— Кто ж знает… — отозвался Вила'Рай.

— Если у них было столько дисков с душами в одном только летающем наезднике, у кого-то они должны были эти души брать. У нас принято брать в плен живых рабов, а у них — достаточно извлечь душу. Потому они и истребляли всех без разбора. Не нужны тела. Металлическое тело они сделают сами. Умно, ничего не скажешь — прошептала словно в трансе лекарка.

22.

— До чего мне все это надоело — признался эльф супруге, морщась от тяжелого запаха.

— Понимаю. О, как отлично понимаю! Но пока нам надо отдать последний долг сородичам.

— Как скажешь, так и будет. Только вот у нас нет ни еды ни воды, а времени мы потратим много — напомнил Вила'Рай.

— С едой и питьем как раз все просто — отозвался трактирщик, который уже копался в груде сумок и поклажи, снятых с траматаров.

— То есть?

— В караване было десять дроу да три человека да гоблинов шестеро, для каждого дроу по верховому траматеру, да шесть вьючных. Так что еды у нас достаточно, в сумках полно всякой на девятнадцать персон на неделю — и грубой и изысканной.

— Ты уже оценил, что в сумках? — удивился эльф.

— Я только начал, но за свои слова отвечаю, караван недавно из Изначального вышел, так что провизии еще много — невозмутимо сказал толстяк.

— С чего ты это взял? — поднял брови Вила'Рай.

— Траматары свежие. Если бы шли, наоборот, в Изначальный — то горбы у них уже были б смякшие, а тут вон какие тугие, стояком торчат. Точно говорю. И вода у них должна быть, то, что мало для каравана нам пятерым за глаза и уши хватит. Ты что ли своих хоронить собрался, Командир?

Эльф глянул на супругу, та кивнула головой, и вид у нее был непреклонный.

— Ну и отлично — сказал неожиданно толстяк.

— То есть?

— Будет время, значит, собрать все полезное, а тут полезного много. Мы ведь нищие беженцы. Нам все пригодится, бедному вору все впору.

— А ты не боишься? Что опознают вещи? — усмехнулась эльфийка.

— Нет, не боюсь. Я их продам, деньги поделим.

— Ну, раз так… Лагерь поставим где?

— С наветренной стороны, конечно. Тут в свертках их шатры, можем один развернуть.

— Другие караваны не появятся в ближнее время?

— Кто знает? Но чем-то в воздухе пахло, война большая, что

ли будет — но караванов в Долину перед пришлыми стало приходить вчетверо меньше. Так что вряд ли. Хотя мышу командирскую стоило бы запустить — намекающе сказал толстяк. Вила'Рай поморщился, но мыша взметнулась вверх и стала описывать круги. Эльф был весьма слабым магом и полет мыши требовал от него совершенно несоразмерных усилий, как если бы он все время ходил на корточках гусиным шагом.

— Мы пока могли бы падаль вытащить за пределы оазиса. Я поснимаю, что там еще осталось неразвьюченным, а наш друг тролль траматаров бы подальше отволок, запах все–же пожиже станет — посоветовал трактирщик.

— Давайте, действуйте, а то дышать нечем. Но сначала лагерь разбить надо, чтобы лекарине отдохнуть где было — ответил илитиири.

С установкой шатра возникла заминка, потому как тот, который вытряхнули из кожаного чехла, оказался слишком уж роскошным, ярким и привлекающим внимание издалека. Эльф хотел именно поэтому его и поставить, потому как был уверен, что его супруга достойна именно такого, но Галяэль мило улыбнулась, показав, что ценит его заботу и не терпящим возражений тоном велела поставить простой неприметный шатер из холстины, благо таких оказалось аж четыре. Тут, в ложбинке смрада не было, так, тонкий отголосок, возможно из-за набившегося в одежды запаха. Терпимо.

— Вот, говорил же, что есть вода — удовлетворенно заявил толстяк, найдя в поклаже пару бурдюков из овечьих шкур.

— Из озерца пить не стоит? — спросил эльф, думая о том, что его супруга все бы отдала за то, чтобы искупаться.

— Если вытянуть дохлятину, вода обновится. Но не очень быстро. Лучше пока из запасов потреблять. Думаю, что еще найду, пока не всю кладь осмотрел.

— А что это за караван был? Купцы?

— Слишком богато одеты для купцов. Явно вельможа какая-то с парой писцов, охраной и слугами.

Эльфы переглянулись.

— Пойдем, посмотрим — вроде бы спросила, а по тону скорее приказала эльфийка.

Помня про кошака и потому будучи настороже, муж пошел немного впереди своей супруги. Галяэль ворчала про себя, что ей страшно надоел этот запах и трупы и что она, как придет в Изначальный, обязательно три дня будет ходить на базар, чтобы насмотреться вдоволь на живые лица, наконец-то. Ткнувшийся ничком в песок широкоплечий дроу в дорогой кольчуге, не спасшей хозяина от пришлой смерти. Рядом свернувшийся в

клубок труп старого гоблина в костюме дворецкого. И среди еще нескольких тел, лежащих кучей, — пожилая илитиири в роскошных одеждах, вышитых золотыми пауками. Видно, что ее то ли пытались прикрыть своими телами, то ли просто собрались под защиту хозяйки.

— Жрица Ллос и не из последних — в один голос сказали супруги и переглянулись.

— Мда. И что будем делать? — опять же в один голос спросили друг друга. И переглянулись, в глазах мелькнула тихая усмешка. Ну да, уже и думают одинаково и говорят одно и то же. Супруги, одним словом.

— Я бы посмотрел, что хорошего даст нам покойная за достойные похороны — немного удивляясь своему спокойствию, заявил эльф. Бровки у жены удивленно поднялись, но спорить она не стала.

— На вот, погляди, что у нее в сумке и у писцов тоже — повозившись, сказал Вила'Рай, сняв с трупов три сумки — одну маленькую, но богато украшенную и две других — из простой кожи, но объемные.

— Ладно! — устало ответила Галяэль и отправилась в шатер. Совершенно неожиданно ирбис зашуршал сохлыми листьями, вылез из своего убежища и пошел следом за лекаркой. Вид у него был спокойный и шел он словно нехотя. Только это и удержало Вила'Рая от того, чтобы не влепить стрелу в зверя. На удивленный возглас мужа эльфиня обернулась без промедления. Тоже потянулась к луку. Зверь тут же уселся с самым нелепым видом полного безразличия.

— И что с ним делать? — спросил эльф.

— Понятия не имею. Все кошки, с которыми я имел дело, были куда меньше.

— Вроде бы он не злобный.

— Тем не менее ухо востро. Кошаки коварны и хитры.

— Я пойду дальше. И посмотрим.

Как только женщина двинулась к шатру, барс опять встал и так же неторопливо пошел следом. И за ним пошел эльф. Так втроем и дошли. Галяэль глянула, как барс улегся в теньке за шатром и вошла внутрь. Вила'Рай поглядел на мирно лежавшего барса и двинулся обратно, туда где валялись тела невезучего каравана. Поведение большого котейки озадачило дроу, но вроде как зверь не собирался устраивать тарарам. В конце–концов Галяэль могла постоять за себя и заклятие полного обездвиживания, необходимое для хирургических манипуляций она знала. Профаны называли это простенькое медицинское заклинание, как 'накладывание паралича', но те, кто были

знающими только посмеивались, слыша такую глупость.

К куче трупов эльф подошел одновременно с толстяком. На гладкой роже трактирщика ничего не отразилось, хотя у илитиири все же появилось предположение, что проводник не прочь был помарадерить без лишних глаз, впрочем, он этого никак не выдал. Вила'Рай ограничился тем, что снял с лежащих амулеты и кольца — там где это не было слишком сложным делом. Толстяк терпеливо подождал, а потом когда эльф кивнул, показывая, что закончил, крякнул и взялся за дело сам, посоветовав заодно чувствительному илитиири не смотреть, а лучше проверить — как тролль и Экка себя ведут. Эльф понял намек, тем более, что небрезгливый толстяк, показывая явный навык и опыт в деле раздевания мертвецов в один мах вывернул рослого воина из его знатной кольчуги.

Тролля удалось найти легко — он уже уволок половину дохлых животных от усердия довольно далеко прочь от оазиса. Эльф на минутку глянул на старательного подчиненного, одобрил его действия, на что тот только проворчал:

— Еды столько пропадает!

И Вила'Рай поспешил его покинуть, тем более, что волнующиеся вокруг стаи грифов очень ему были несимпатичны. Экка занималась менее полезным делом, хотя кто знает, может быть как раз эти металлические стаканчики, оставшиеся от пришлых и дадут хорошую прибыль. Да и нет у них никаких хозяев, вроде той кольчуги или приметных расшитых сапожек дворецкого. От обыска остальных слуг эльф предусмотрительно отказался, потому как даже на первый взгляд это была бедная золотом добыча. Ну их к дейгу, за каждым грошом нагибаться.

К его удивлению Галяэль не спала, а сидела за изящным складным столиком на таком же легком стульчике и старательно читала свитки.

— Даже и не знаю, к добру ли мы нашли эти бумаги — озабоченно сказала она мужу.

— А что в них?

— Кроме верительной грамоты на посла Вольного города Изначальный я не могу прочесть больше ничего. Это шифры, судя по всему и не самые простые. Не нравится мне все это. Терпеть не могу все эти интриги и политические игры — вздохнула печально лекариня.

— Ну, сейчас поздно заламывать руки. Да и не обязательно нам эти бумаги кому-либо показывать. Закопаем их тут в песок и все. Вот, посмотри, что я за амулеты снял.

И высыпал на столешницу пригоршню магических вещичек. Потом вспомнил и добавил к ним те, что снял еще в покинутом

поселке с охотившихся на него с женой убийц.

— Кольцо здоровья. Еще такое же, а это кольцо отражения магии. Но слабенькое. Этот амулет лечения. Этот брони. О, а вот это интересное — медальон опознавания яда. Редкая вещица.

— Я бы не отказался от такого — раздался голос снаружи и опасливо осматривающийся толстяк внес еще складные стулья.

— Это умение дают и без амулетов. Достаточно проучиться три года лекарскому делу — заметила эльфийка.

— Шутка в деле — три года проучиться! По мне так амулет удобнее — ответил, смешно тараща глаза трактирщик.

— От пальм дерева хватит на погребальный костер? — спросил его эльф.

— Нет. Да и не стоит корячиться. Проще закопать, насколько я помню у темняков такое допустимо, гоблины и люди тоже так делают. Тут много песка, рыть будет несложно, да и лопату я с собой прихватил. Со скотиной тролль уже закончил, можно теперь и двуногих устроить на вечный привал.

— Я знаю. Сейчас наш юный здоровенный друг волочит сюда все сумки сразу — ответил Вила'Рай.

— А ну да, разумеется. Мышь. Чуть не забыл — понял намек трактирщик. И тут же возопил:

— Этот громила как бы не подавил бурдюки! — и с неожиданной для такого толстого тела прытью выскочил из палатки.

— Что это он? — удивилась эльфийка.

— Да просто попытался припрятать что — то от нас, а теперь понял, что мышь все видела — усмехнулся Вила'Рай.

— Та еще радость начнется, когда делить награбленное будем — кивнула Галяэль.

23.

Ночь прошла спокойно и плодотворно, наконец-то глаза эльфов отдохнули от неприятного света дня, илитиири многое успели сделать. И одежду подобрали из запасов погибшего каравана, стараясь при этом, чтобы не опознал никто эту одежку в городе, потому взяли не самое богатое и броское, но — добротное и качественное. И по размеру подогнать получилось — и — наконец-то — эльфийка смогла выполнить свое давнее желание и помыться. Немножко это вышло не так, как хотелось, купаться в озерце охоты не было, хотя тролль и выволок оттуда все трупы, но — не хотелось. Потому илитиири просто раскинул на песке нарубленные сухие пальмовые ветки, положил сверху чей-то кожаный плащ, чтобы острые сухие листья не укололи босые ножки супруги, приволок пару бурдюков с нагревшейся за день водой (при любом раскладе событий оставшейся от каравана воды хватило бы с избытком на оставшуюся дорогу) и старательно помогал в купании, выполняя все распоряжения лекарки, поливая любимую супругу из тяжелых бурдюков почти горячей водой. Тут же вертелась и Экка, недовольная тем, что ее помощь вроде как и не очень нужна, и кошак пепельный почему-то приперся, сел неподалеку, смотрел желтыми глазами.

— Еще только тролля и трактирщика не хватает в зрители — посмеивалась Галяэль, наслаждаясь от теплых струй и жмуря от удовольствия глаза.

— Один на охране того конца лагеря, другой свалился без задних ног — ответил муж, откровенно любуясь своей женой.

— Какой ты скучный и прагматичный — рассмеялась эльфийка.

— Ну, так ведь мы же не дома, приглядывать приходится — стал оправдываться муж. Заткнулся, когда посмеивающаяся супруга плеснула в него горстью теплых брызг. Молча любовался лунными бликами, мягко скользившими по женской коже.

— Эй, эй, где вода? — вернула его в настоящее Галяэль. Оторвав взгляд от мягко и упруго колыхавшихся грудей, Вила'Рай спешно полил мокрые и тяжелые жгуты волос на откинутой назад головке жены.

— Ах, как хорошо! — воскликнула та.

И на сердце эльфа стало сразу тепло и уютно.

Закутавшаяся после купания в пушистое покрывало, найденное в поклаже погибших, Галяэль глянула из-под влажных локонов темным и загадочным взглядом на супруга и потянула

его за руку в шатер, успев при этом цыкнуть на Экку. Больше всего не хотелось эльфу, чтобы каким-либо приземленным или житейским словом его прекрасная жена нарушила эту волшебную минуту и та словно почувствовала. Только под утро, когда уже впору было спать, спросила о том, как собирается трактирщик расплачиваться по взятому добру.

Благодарный ей за то, что она не превратилась из богини в домоуправительницу в самый чуткий момент, Вила'Рай внятно и разумно успел сообщить, что по принципу наемников на войне трактирщик все продаст, через своих знакомых, а вот уже деньги будут поделены. Так проще и надежнее. А те вещи, по которым легко опознать можно, будут проданы особо — например, богато расшитые золотыми и серебряными нитями одежды Верхней Бабы, то есть конечно же Верховной Жрицы, будут отданы выжигам, которые спалят ткань, а металлические нити возьмут по весу. Конечно, это потеря части денег, зато проверенный и безопасный метод. Успокоенная Галяэль уснула, положив на плечо мужа свою прекрасную головку с тяжелыми и пышными волосами. Наступало утро, самое время отдохнуть.

Боясь потревожить ее сон, эльф спал вполглаза, словно и не брался дежурить тролль. Так все-таки спокойнее, свой глаз — алмаз, а вообще надо бы уходить из этого испакощенного оазиса, неуютно тут.

Спящая внезапно вскочила с жалобным аханьем, невидяще уставилась в белый свет широко распахнутыми — на поллица глазами.

— Что с тобой, милая? — подхватился и эльф. Ясно, что привиделось что-то во сне. Не мудрено, запашок-то в воздухе все-таки витает, да и последнее время не с чего было хорошим снам сниться.

— Ох! Мне такое приснилось! — прошептала странным сдавленным голосом супруга.

— Страшное? Но ты ведь храбрая!

— Сама не знаю.

— А что там было?

— Пещера. Огромная. И очень много илитиири. Жрицы, охрана. Эти… Драуки. Много. И ты там, среди них.

— А ты?

— А я с другой стороны. С другими. Я не знаю, кто это такие, я видела только спины этих воинов. По виду — вроде как на гномов похожи. Низкие квадратные… Но совсем другие доспехи. У гномов все такое квадратное, прямоугольное, а эти… Другие… Все в черном и доспех как лизанный.

— Словно у слуг пришлых?

— Да, похоже. Но черное все. Как уголь. И они очень слаженно действовали. Как единый механизм. Я видела, как в первой шеренге каждый второй грохнулся на колено, сгорбил спину, а те, кто был сзади рявкнули 'Харра!' и прыгнули с короткого разбега — на спину впереди стоявшему, а оттуда — оттолкнувшись — прямо в толпу дроу! И мечи у них были странные, тоже никогда не видела! Без лезвий! Без острия! Такие стержни железные, словно прутья. Или дубинки. И вот они так сверху посыпались на головы илитиири! И тут же хруст костей и вой предсмертный! И наверху словно это жуткое солнце полыхнуло! Ужас! Я проснулась, вскочила — а ничего не вижу.

— Это сон, всего лишь сон.

— Я понимаю. Но все было так детально, все так. Словно вживую. И ты — там с эльфами. А я с другой стороны. Ты ведь меня не предашь? — внимательно взглянула она ему в глаза. Вила'Рай опешил от такого вопроса, он и подумать о таком не мог!

— Да нет конечно!

— Ох. Надо уходить отсюда. Хотя бы и днем. Нечего нам тут делать — решительно сказала эльфийка.

— Но ты совсем не выспалась! И сейчас солнце будет жарить в самую силу. Да и не собрались мы толком.

— Все равно. Надо собираться и уходить! Экка! Где ты там?

Вместо Экки в шатер сунулась печальная серая морда с желтыми глазами. В первый момент эльф даже подумал, что кошак слопал гоблиншу, но тут призванная явилась, не без опаски протиснувшись мимо ирбиса.

— Звала, хозяйка?

— Да, собирай вещи. Мы покидаем это место.

— Как, прямо сейчас?

— Как соберемся.

Гоблинша кивнула, отчего кончики ее ушей качнулись вперед и назад.

Эльф вздохнул. Если супруга сказала — так и будет.

Провозились, впрочем, до вечера. Больно много было поклажи, утащить все то, что было на вьючных траматарах одному троллю было не по силам, да к тому же и так на нем был груз из драконьих чешуй. Выбирали то, что нужнее, что ценнее. Все равно оказалось многовато. Опять выбирали. Тролль кряхтел, но мужественно терпел когда навьюченный на него груз несколько раз снимали, перекладывали, вьючили — и снова снимали. Все прекрасно помнили, что выскочили из Долины голы, как соколы. То, что подвернулось так удачно под руку, жаль было бросать до слез. Наконец и тролль забухтел недовольно. Его

заткнули, напомнив, что с помощью товарищей он смог добыть свою драгоценную трубу–дубину и только благодаря товарищам он сейчас жив здоров — и — как ядовито вякнула Экка — сыт, наконец-то. Взяли в итоге для себя еду и всю воду, один шатер на всех, потому как до города надо было еще дойти, почти все оружие и доспехи, потому как они ценились выше всего, все остальное пришлось оставить. Трактирщик скорбно глянул на гору оставляемых вещей и выпросил все же время — они вместе с троллем вырыли яму и туда аккуратно свалили то, что унести было совсем не под силу. Эльфийка на всякий случай тоже запомнила ориентиры этого клада — склада. Помимо тролля и остальные набрали себе сумок, только эльфийка, как положено госпоже илитиири, не стала брать ничего, кроме чьей-то изящной флиссы, да четырех колчанов со стрелами, неся груз, который никак ее не мог опозорить, а остальным все же стало полегче.

— Мало ли что случится потом, куда нас забросит — подумала Галяэль и еще раз оглядела местность. Плотно поели перед дорогой, немножко отдохнули — и тронулись дальше. Только кошак не нес ничего, хотя жрал перед выходом вполне себе успешно.

Получилось, что шли всю ночь. День провели в тени шатра. Следующей ночью уже вышли на караванную тропу, где были следы недавно прошедших и людей и траматаров. До следующего оазиса, который носил странное имя Вованву, добрались без приключений. Вода там и впрямь была не очень вкусной, но вполне годилась для супа, а уж тем более — для помывки. Теперь и мужчины смогли смыть с себя смрад и копоть. Здесь уже начинались спокойные земли, и даже откровенные бандиты не очень-то рисковали устраивать всякие гадости, тем более по старому обычаю территория самого оазиса была как бы нейтральной. На радостях — а отчасти для того, чтобы идти было полегче — толстяк приготовил практически пир.

Разумеется, при этом он приговаривал, что и посуды недохватка и костер — никак не плита на кухне и вообще разъяснял, что в его трактире все было бы куда как вкуснее, но, тем не менее, пир удался. Несколько омрачило веселье то, что к вечеру ближе явился отряд не шибко с виду порядочной публики и некоторое время эльф держал свой лук поблизости, Экка не выпускала из лапок мешок, где спал ее кинжал, а тролль — так тот просто и открыто вытянул из поклажи свою трубу–дубину. Но, то ли сыграло свою роль знакомство трактирщика с известными этим сорви–головам людьми, то ли совместный хлеб–соль, а может и близость города — но все обошлось без конфликта и драки. Конечно, внимание ловцов удачи привлекла и дубина из

металла, очень уж похожего на сплав мифрила, и стопка драконьих чешуй (трактирщик их тщательно упаковал в парусину, но тут были такие жохи, что быстро поняли, что за груз.

Глаза у них разгорелись, но атаман вполне внятно дал понять своим прохвостам, что трогать тут ничего не нужно. Может быть еще и потому, что прохвостов этих было немного — всего с десяток, а звезда с троллем — в открытой драке — была бы неприятна и если б даже удача улыбнулась — команда сильно бы проредилась, и как бы не сточилась вся. Рассчитывать же, что удастся подкрасться незаметно ночью — не позволяли два темных эльфа, про чуткость которых известно всем было. Да и кошак пепельный смущал гостей изрядно — такую животину да вблизи видеть было как-то неуютно. Особенно когда животина зевала, обнажая невзначай на удивление громадных размеров пасть с острыми клыками.

К тому же трактирщик не стал скрывать того, что произошло в Долине и видение бесхозных сокровищ затуманивало разум. Осторожное замечание эльфийки о том, что там может быть очень опасно, было встречено легкомысленно. Дикие степи — всегда опасны, а вот поля и поселки с мертвецами, где все добро осталось — это приз для мародеров очень большой.

24.

Прохвосты нетерпеливо снялись с места привала и бодро двинулись в сторону Долины ни свет ни заря, видно было, что у них просто руки уже чешутся помарадерить.. Трактирщик глянул им вслед с кривой ухмылкой, покачал головой и принялся хлопотать по хозяйству, готовя завтрак. Впрочем, для эльфов это был скорее очень поздний ужин.

Прихлебывая вкусный и освежающий морс, видимо предназначавшийся главной в погибшем караване эльфке, путешественники молчали. Будущее теперь не то, чтобы страшило, но явно озадачивало эльфов и их слугу. Троллю-то было хорошо, он шел к родичам, да еще как герой с эпосными трофеями и через несколько дней по обычаю в его честь должны были устроить пир — тролли немного медлительны и потому для любого важного дела им требуется время на раскачку. Трактирщик был скорее суетлив, ему тоже предстояло в сжатые сроки провернуть сразу несколько важных дел, которые должны были либо дать немалое количество денег для благополучной жизни, либо — чего уж лукавить — могли оставить его вообще без головы. Спокойнее всех был пепельный кошак, внимательно и непонятно таращившийся на внезапно обретенных спутников желтыми глазами.

— Что посоветуешь? — спросила толстяка Галяэль.

— Для начала дождаться, пока я продам все, что тут у нас есть. Лучше путешествовать с набитым кошельком, чем с большим мешком всякой всячины. На это уйдет пара дней. Еще день уйдет на пластины.

— А что в них такого, что ты их будешь целый день продавать? Спрос мал?

— Спрос, как раз, велик. Но лучшую цену дадут гномы, а илитиири здешние могут и просто конфисковать. В дар богине Ллос. И хорошо еще, если останешься живым после этого. Торговаться же с гномами… Это, госпожа лекарка, очень тяжелая работа. К слову сказать…

— Мои пластины не надо — вымолвил рокочуще тролль.

— Что не надо? — повернулся к нему трактирщик.

— Не надо! — уверенно заявил тролль.

Все немного подождали. Для тролля такая многословность была признаком волнения. И действительно, поскрипев мозгами, он выдал:

— Мои пластины подарок Старым.

— Как скажешь — кивнул толстяк. Подумал немного, потом добавил:

— Возможно, и вам стоит пару пластин оставить — потом подарите королю, он оценит такой дар.

— Вряд ли тролль отправится с нами — усмехнулась эльфийка.

— Продается много вьючного скота и в Городе и в предместьях. Эльфы не любят лошадей, это так. Но можно взять что другое — хоть собаку с тележкой, хоть ослика. И недорого и утянут много.

Эльф задумчиво покачал головой. Он не очень себе представлял, как будет передвигаться с этими существами. И собак и ослов он видел не раз, но как-то не принято было их содержать, а всякое дело навыка требует. Погонится та же собака за зайцем — ищи ее потом. И тележку. Не говоря уж о вещах. Хотя явиться ко двору с редкими подношениями — это мысль хорошая, не без этого.

— Интересно — как у наших сотрапезников дела в Долине пойдут — неожиданно сказала Галяэль.

— Если тебя это так интересует — могу послать с ними мышь сна.

— О, это было бы забавным — отозвалась одобрительно Галяэль. Супруг пожал плечами, закрыл глаза, пошевелил губами. Взял в руку обглоданную шкурку от окорока — его грыз как раз атаман шайки. Маленькая серая летучая мышь — втрое меньшая, чем обычная, сторожевая — внезапно соткалась из воздуха и беззвучно рванула в ту сторону, куда ушли прохвосты. Безмозглое порождение магии наводилось самостоятельно на того, кто последним прикасался к взятой эльфом в руки вещи. Потом оно незаметно сопровождало выбранного, оставаясь в стороне, и по истечении срока исчезало в неяркой тихой вспышке. А пославшему ее доставался весьма яркий сон о том, чем занимался наблюдаемый. Эльфы таких шпионов замечали моментально, их присутствие для них было словно зубная боль, но люди и гномы частенько хлопали ушами, они чужую магию рядом просто не чуют. Чем и пользовались те, посылавшие шпионов.

Наконец собрались — и тронулись дальше. Вскоре вышли с топтаной тропы на торную дорогу, где не было отдельных следов, потому как по ней двигались в обе стороны и пешие и конные и с грузом, а с нее попали на широкую, мощеную тесаным камнем. Незадолго до того, как выйти на нее уже слышали шум, издаваемый двигающимися по дороге. Вот здесь можно было и потеряться, потому как движение было очень оживленным. Навстречу обильно попадались путники — и поодиночке и

группами и с вьючными животными и на телегах, на рыдванах, экипажах, много и людей и эльфов и гномов двигалось попутно — столько лиц сразу удивили эльфов, но обеспокоенный трактирщик негромко поделился тем, что удивлен малым количеством путников, обычно тут было не протолкнуться. И особенно странно — мало грузов, тут должны были быть вереницы и траматаров и быков и лошадей и множество всяких экипажей — и для грузов и с пассажирами, а получалось, считай втрое меньше. Зато многовато было тех, на ком сейчас — в мирное время и рядом с Городом — были надеты доспехи. В основном конечно легкие — из выделанной кожи или стеганые с хлопком, но все-таки. Слишком много вооруженных, слишком много. Дорога петляла, обходя появившиеся в обилии холмы, на двугорбый, похожий на седло, однако, дорога вела прямо. Полезли вверх.

К вечеру перевалили через этот холм.

И увидели сверху с перевала Город.

Изначальный поразил всех, кроме толстяка, тот уже бывал тут, и его было трудно удивить. Вид был прекрасен в свете закатного солнца.

— Красивый город — задумчиво произнесла Галяэль.

— Это пригороды, сам Изначальный дальше — вон зубцы стен видите? Нет, левее, там где деревья. Это внешняя стена, а за ней еще цитадели и городские квартиалы.

— Какой большой! — поразилась эльфийка.

— Когда войдем внутрь, еще больше покажется. Держитесь рядом и не зевайте — потеряться раз плюнуть. Если кто отстанет — ищите квартиал троллей, они кучно живут, найти не сложно будет. И старайтесь не привлекать к себе ненужного внимания, так спокойнее будет — предупредил пузан. Впрочем, за прошедшее время от волнения и лишений его бодрое брюшко перестало быть таким тугим, как раньше и печально обвисало.

На них не обращали внимания, тяжело груженый тролль тут не был невидалью, тем более, что на глаза попадались и его сородичи. Потом троллей стало что-то еще больше, и эльф понял, что они пришли в квартиал этих странных существ. По сравнению с уже виденным — тут и дома были другие и улицы пошире, впрочем, из-за массивных обитателей казалось, что теснее здесь. Малое количество окон в глухих стенах ясно говорило, что не любят тут солнечного света. На пришедших никто особенно не таращился, то ли были не любопытными жители, то ли — как скорее подумал эльф — все-таки туповатыми, то есть медленно соображающими. Он бы не удивился, если б оказалось, что они все же оборачиваются, но поздно, когда процессия за угол

повернет.

Тролль довольно долго искал нужный дом, несколько раз спрашивая на своем рокочущем языке встречных. Те нимало не удивляясь, отвечали, делая нелепые с точки зрения эльфа жесты. Да вообще тролли с точки зрения эльфа были во всем нелепы.

— Сейчас, вечером их на улицах немного, больше, чем утром, но немного. Вот к полночи будет оживленно. Они вопреки байкам на солнечном свету не каменеют, но ночные все же существа — пояснил уставший трактирщик не менее уставшим спутникам.

Наконец искомый дом был найден, дверей в нем не было, как и в других домах и, шагнув в темный проем входа, дроу наконец-то порадовались благостной темноте. Раздался странноватый стук, это вышедшие из глубины дома тролли приветствовали своего сородича, стукаясь с ним по очереди лбами. Все они что-то ворчали, не сказать, чтобы радостно, но глянув на многоопытного толстяка, илитиири успокоились — тот был совершенно невозмутим.

— Они в восторге. Давно не видал таких счастливых троллей — заявил негромко трактирщик, успев вовремя податься в сторону, чтобы его не зашиб на развороте к очередному своему родичу торчащей из поклажи трубой, соратник.

Наконец дошла очередь приветствий и до спутников героя дня, то есть ночи. Стукаться лбами не пришлось, видно такое было в ходу только между родственниками, но формулу приветствия произнесли и пригласили быть гостями.

— Тут пахнет сильно, но к этому можно притерпеться — сказал трактирщик, оглядывая пустую комнату для гостей.

— Не богато тут убранства — заметил эльф.

— То, что сами тролли называют мебелью, для всех остальных не подходит. Так что пустая зала — то, что нужно. Ничего, это лучше, чем останавливаться на постоялом дворе, а матрасы можно купить хоть на орковском рынке, хоть у людей.

— И почему на постоялом дворе останавливаться хуже? — удивилась лекарка.

— Во–первых, там надо будет платить. А здесь мы — дорогие гости и потому живем без платы.

— Экий ты жадный…

— А во — вторых все постоялые дворы проверяются стражей — и хозяева обязательно сообщают о своих постояльцах страже города — и не только обычной. Тайная стража тоже отлично знает, кто живет на постоялых дворах. Вы-то можете сойти за приезжих провинциалов, но вот ваш груз…

— Скажи проще, что ты тут не очень в ладах со стражниками — усмехнулся эльф.

— И это тоже — не стал спорить толстяк.

— Тогда пошли за матрасами — сказал эльф.

— Хорошо — опять покладисто согласился трактирщик.

Галяэль, хотя и устала безмерно, решила тоже идти на рынок, ей очень было любопытно глянуть — как это в эльфийском городе могут торговать орки. Такое в голове не укладывалось. Была и еще одна причина, о которой эльфийка ни за что бы не сказала — ей просто приятно было поглядеть на множество живых и здоровых существ, которым не надо было перевязывать раны и лечить, лечить, лечить. Тут не было мертвецов на каждом шагу — и поэтому глаза радовались. Просто замечательно было, что все живые. Вот и получилось, что за покупками отправились вчетвером, ирбис остался в комнате рядом с кучкой вещей. Маленькой такой кучкой — пока тащили — казалось, что прут на горбах очень много, а вот когда скинули с плеч — оказалось куда как мало. Вила'Рай поймал себя на том, что жалеет об удобных походных кроватях, оставшихся закопанными вместе с остальным грузом мертвого каравана.

Рынок оказался небольшим и довольно обычным, чем даже немного и разочаровал. Это Галяэль не преминула толстяку сказать.

— В городе восемь рынков. И орковский — самый маленький. И самый дешевый. А то, что тут торгуют люди — так орки знают, где находятся, потому нанимают людишек, чтобы не бесить окружающих.

И действительно, ни одного орка на глаза не попалось. Впрочем из эльфов тут были только Вила'Рай и его супруга. Тролли, гоблины, люди — вот они как раз на рынке присутствовали. А так, в общем, все было как на тех рыночках, что были знакомы в Долине. Разве что всяких подозрительных личностей тут было больше гораздо, это и понятно — Город большой — и швали с мусором в нем больше.

— Это что за публика — спросил эльф у толстяка, взглядом указав на сидящих вдоль стены людишек.

— Всякие неудачники. Неумелые наемники, бездарные убийцы, бестолковые гадалки, наконец, просто нищие. Впрочем, и стоят дешево. Можно нанять за еду, сам понимаешь, что за мастера.

Людишки не стали лезть к эльфам, видно было, что боятся.

Орков все-таки увидеть удалось. Когда после недолгого торга — смешно сказать, что всего четверть часа торговались, и купили за треть запрошенной сначала суммы три пухлых матраса, которыми загрузили тут же нанятого носильщика — тоже человеческой породы, двинулись обратно, то очень скоро

эльфийка расслышала что-то странное и кивнув мужу, свернула в темный переулок. За ними туда же юркнула и Экка, следом, понукая носильщика, чтобы не потерять его случайно — ну или не случайно — шагнул толстяк.

Даже на непросвещенный взгляд было ясно, что в переулке этом вот–вот должна была разыграться драма. Трое здоровенных детин — два молодых орка и тертый жизнью мужик человеческой породы, зажали в тупичке странное существо. Вила'Рай раньше подобного не видал ни разу. Существо скалило кривые зубы, выставив перед собой паршивейшего качества железный кинжал из самых дешевых, а оружие орков и человека было куда лучшего свойства и видно было, что сейчас хозяина — или хозяйку — черт его разберет, какого пола было это существо — никудышного кинжала выпотрошат как рыбу.

— В городе запрещено убивать. Тем более при свидетелях — мягчайшим тоном заявил трактирщик в спины оркам и человеку. Один из орков вздрогнул, резко повернулся. Второй орк и мужик видимо были более опытными, потому слегка изменили положение, чтобы не терять из вида страхолюдину с кинжалом.

— А шли бы вы, уважаемые, своей дорогой — достаточно вежливо откликнулся человек.

— Ты, видать, приезжий — все так же мягко спросил толстяк.

— Мы приносим свои извинения высокорожденным илитиири за хлопоты и причиненное беспокойство — чуточку через силу, но гладко выговорил орк постарше, ловко вкладывая свою саблю в ножны. Второй удивленно глянул на него, но сделал то же.

— Вот так — гораздо лучше — одобрил их действия пузан. И посторонился, давая проход. Вся троица тут же ретировалась, что сильно удивило эльфа и его супругу. Они уже даже за луки взялись и не ожидали такого со стороны обычно буйных и злобных орков. Еще больше удивило поведение страшилы. Пародия на разумное существо неумело и косо запихнула свой никчемный кинжал в такие же дешевые и грубые ножны и, хрипло бурча что-то вроде: '…Ллос вас забери, все испортили, недоумки, а так хорошо получалось…' заковыляло прочь, не сказав ни слова благодарности.

— Эй! Как тебя зовут? — неожиданно спросила Экка.

Ненамного превосходящее ее в росте существо окинуло своих спасителей высокомерным взглядом 'сверху вниз', высморкалось на землю и заковыляло дальше. Эльф почувствовал, что стоит с открытым ртом. Закрыл быстро рот, глянул на остальных. Те, включая трактирщика, были поражены не меньше. Такое поведение было очень странным.

Сделав несколько шагов, коротышка вдруг сменил гнев на

милость и неудачно пошутил:

— Меня зовут Всетотжея.

И пошел дальше. Точнее поковылял.

Первым в себя пришел трактирщик.

— И все — таки, когда скрещиваются такие расы, как полуростики, гномы и подозреваю, заранее принося свои извинения госпоже лекарине — овцы и козы, получается вот что-то такое. Псевдоразумное. А говорят, что гаже орков нет. Мне одному показалось, что в сравнении с этой дрянью даже орки красивее? — заявил невиданно крамольную в эльфийском городе мысль толстяк.

Эльфы переглянулись. Экка открыла было рот, но к общему удивлению, закрыла его, ничего не вякнув. Так молча и добрались до квартиала троллей. Где они устроились, чтобы отдохнуть на набитых мягкой шерстью матрасах.

25.

Этот небольшой эпизод, сильно удививший и встревоживший обоих илитиири был совершенно непонятен. Они чувствовали, что очень мало знают о жизни вне Долины и тут надо держать ухи востро.

Услужливый трактирщик сообразил сделать некоторый уют — для чего раскинул в пустой комнате найденный в оазисе шатер, не мудря, прикрепив его к вбитым в стенки и потолок гвоздям. Получилась комната в комнате, что Галяэль оценила благосклонным кивком. Ей, как и любой женщине, было важно иметь сове жилье и свое пространство.

Теперь она отдыхала в шатре, а Вила'Рай, разбираясь с имуществом, сваленным в кучу, спросил перед тем как завалиться дрыхать, у многоопытного трактирщика — чего так испугались орки в том переулке? Тот не стал смотреть свысока или иронично хмыкать. Глянул опасливо в сторону холстяной стенки, за которой находилась лекариня и сказал, явно подбирая слова:

— Жизнь в Городе определяется Кодексом Изначального и кучей всяких других уложений, постановлений и указов. А еще обычаями. И потому стоит запомнить, что жизнь любого, кто не является темной эльфийкой — особенно мужеска пола это касаемо — тут стоит дешево.

Экка, внимательно слушавшая толстяка тут же выдала куплет из старинной эльфийской баллады о последней стреле:

'В кошельке даже грошика нет.

Но есть в колчане стрела.

Она стоит пять медных монет.

Это чьей-то жизни цена'.

— Еще дешевле — печально усмехнулся толстяк.

— Что ты имеешь в виду? — донесся из-за холщовой стенки голосок Галяэли.

— То, что любая темная эльфийка может по своему усмотрению убить любого мужчину. Ну, разумеется, не просто так, а например, почувствовав себя оскорбленной. Взглядом, словом или жестом. Вы сейчас одеты как средней руки горожане из района Пелелиу, потому госпоже лекарине могло показаться, что орки оскорбляют ее взгляд и всё.

— В каком смысле всё? — удивилась Галяэль.

— Вы могли позвать стражу или убить орков самостоятельно. Прямо там, на месте. И самое большее — при наличии у орков влиятельных покровителей — вас бы заслушали в Совете района.

И, скорее всего, никакого бы наказания не последовало бы. Во — первых, орки, во — вторых — мужчины. Уже вполне достаточно для полного оправдания.

— Ты серьезно? — искренне удивился Вила'Рай.

— Более чем, командир! Тут много нюансов, но поверь, жизнь мужчины тут не стоит и гроша. В Городе (трактирщик понизил голос) почитают Ллос. И потому убийство — благость и доблесть, вероломство — добродетель, а лицемерие — самое важное качество для родовитых. Тут можно отравить свою семью, важно, чтобы все было шито–крыто. В смысле — все догадываются, но не докажешь. Потому что элегантное действо. Не поощряются только очень уж открытые убийства, это низкий стиль, потому так на улице без повода — не убьют. Но поводом может быть что угодно. Чихнул в двадцати шагах от важной баб… дамы то есть — и все, прощай белый свет!

— Этого не может быть! — воскликнул эльф.

— Это есть. То, что тебе повезло с супругой, в чем я успел убедиться, да будет ее жизнь долгой и счастливой, а дети — многочисленны и здоровы, никак не опровергает моих слов. И да — тебе угроза, пожалуй, и побольше, чем мне, например. Или тем же троллям.

— Почему так? Ты же говорил, что илитиири тут — главнее всех?

— Именно потому. Убить человека или крысу — где-то одинаково почетно для дроу. Ну, ты понимаешь.

— А тролли?

— То же самое, что рубить флиссой валун. Или дерево. Или стенку дома. Скучно, долго, потно. Нет изыска. Знатная илитиири ведь не колет дрова сама. Да и тупые они, тролли. Чего с них взять, разве что для обороны города годятся отлично. Живые валуны. Так что троллям — скидка.

— Лихо! — удивился эльф.

— Меня другое удивило — раздался голос лекарини — орки и вдруг торгуют в городе илитиири. И ты говоришь, что у них есть покровители.

— Илитиири так же любят деньги, как и другие расы, ну кроме гномов, пожалуй. Им равных нету в этой любви. Но некоторые илитиири в этом городе — да не рассердится госпожа на это сравнение — вполне уже приблизились к гномам. У орков в их Гороорде тоже эльфов хватает…

— Да, помним про танцовщиц!

— Так впереди танцовщиц пришли торговцы. И рынок эльфийский там тоже есть. И — между нами — среди орков модно иметь эльфийские вещички, да и эльфы тоже покупают

кое-что орковское. Не всякое орковское оружие и доспех, что висит на стенке среди трофеев — взят в бою. Кое-что и купленное. Ладно, командир, вам самое время отдохнуть, а я пока пристрою то, что стоит продать.

Вила'Рай кивнул. Спать хотелось изрядно, вымотались в дороге, потому готовы были спать даже ночью. Трактирщик же наоборот был бодр и весел, вскоре он загрузил на другого тролля — помельче габаритами, чем их воин, то, что предназначалось на продажу — и тихо звякавшую связку оружия и небольшой пакет с особо ценными нарядами, украшенными золотой и серебряной нитью, которые надо было сегодня же отнести знакомым выжигам, чтобы следов не оставалось от слишком уж характерных одежд, а остались только драгоценные канители и всякое прочее, что не могло пригодиться в пути обоим эльфам, да и самому трактирщику было ни к чему. Особо плотно упаковал часть драконьей чешуи. И тихо — насколько позволял гулко топотавший тролль–носильщик — исчез. В комнате стало совсем пусто. Из предназначавшегося к продаже остались только амулеты и перстни. Ими толстяк хотел заняться в последнюю очередь.

Вернулся толстяк к утру, немножко уставший, но довольный. От него пахло вином, весьма умеренно. Проснувшийся эльф получил в руки небольшой, но тяжеленький кошелек. Открыл, высыпал монеты, золотых, причем было больше, чем серебра, пересчитал их — и немножко удивился. Получилось даже больше, чем он предполагал.

— Ну как, командир? — спросил его с интересом толстяк.

— Я доволен — отозвался Вила'Рай.

— Мне кажется, зря ты себе кольчугу не оставил. Великовата, да, но зато хороша в работе.

— Тяжеловато для меня в кольчуге — признался эльф.

— Разве что так. Ну, теперь я выполнил обещанное — пора мне получить кинжал, как скажешь, командир?

— Слово было сказано. Экка! Неси кинжал.

Зеленая слуга все-таки не стала выполнять его распоряжение и тянула время до того момента, пока на нее не прикрикнула хозяйка. Только после этого гоблинша, имея вид, словно не кинжал отдает, а свою свежевырванную печень, протянула мешочек с оружием трактирщику. Тот иронически — серьезно поклонился, аккуратно достал грисс из мешочка, вынул лезвие из ножен, кивнул головой и поклонился.

— Расшаркайся еще — ядовито пропыхтела гоблинша. Она остро переживала потерю 'своего любименького кинжальчика'. Аж голос охрип и слезы на глаза навернулись.

— Могу и расшаркаться. Командир и уважаемая лекариня — позволительно ли мне будет попросить несколько тех цилиндриков, что собрала многоуважаемая Экка на месте расправы? Полагаю, что за них дадут особенно хорошую цену, я бы себе оставил 10% комиссионных, а вы получили бы еще денег.

— Не дам! — подскочила гоблинша.

— Полагаю, что сначала стоит продать кинжал — опередил с ответом свою супругу Вила'Рай.

— Командир, опасаешься, что не вернусь?

— И это тоже. Но главное — ты же запасное к оружию пришлых не продаешь и не отдаешь. Зачем нам спешить?

Трактирщик понимающе усмехнулся и подмигнул.

— Тогда могу ли я попросить в счет доли — перед продажей амулетов и перстней тот самый — определяющий яд?

— Я вернусь — сказал он и раскланялся, заботливо повесив амулет на шею и прикрыв его одеждой.

Все проводили его взглядом, даже кошак.

— Обманул? — спросила Галяэль своего мужа.

— Нет вроде бы. Вот, посмотри сама — сказал Вила'Рай и отдал ей кошелек.

— Да. Действительно — немного удивленно заметила эльфийка, пересчитав монеты.

— Что ж, признаю, и среди людей есть порядочные. Хотя кто бы мне это сказал раньше — не поверил бы. С такими деньгами уже можно жить дальше, а то когда бежали тогда под пеплом — очень тоскливо было.

— У тебя еще сил хватало об этом думать? — удивленно подняла бровки эльфийка.

— Это я у человеков нахватался, у них мужчины об этом думают — смутился дроу.

— Ладно, думай, я не против. А сейчас можно было бы сходить на рынок. То, что мы раздобыли — хорошо, но мне хочется купить кое-что себе. И чтобы это было моим и новеньким — потягиваясь, сказала Галяэль.

— Как скажешь, любимая — кивнул Вила'Рай.

И оба не придумали ничего умнее, чем пойти — вот так вот — на рынок в городе. Покупать на орковском им показалось нехорошо как — то. Стража у ворот, записывавшая прибывших торговцев, на двух илитиири свое внимание не простерла, дроу видимо пользовались правом свободного прохода. А вот сам город потряс провинциалов — и размерами и богатством. Рынок оказался по счастью совсем неподалеку от ворот, а то искать его было бы очень непросто. Размеры рынка потрясли тоже, дроу даже за руки взяли друг друга, чтобы не потеряться. Ряды лавок

тянулись без конца и края, шум стоял совершенно оглушительный, для того, чтобы разговаривать, приходилось чуть ли не кричать. Галяэль тут же отправилась в ткацкий ряд, ей очень хотелось купить себе что-нибудь достойное из бельишка и сделать и себе и мужу сюрприз–подарок. Вила'Рай с пониманием отнесся к этому маленькому желанию. Тем более, что сам он как раз тоже хотел купить супруге подарочек и потому отправился к ювелирам, находившимся не очень далеко — совсем рядом с оружейниками. Условились встретиться у центрального фонтана — шумного, рассыпающего каскады брызг из десятка мощных струй. Фонтан был виден издалека с любого конца рынка и найти его было несложно. Времени — договорились — достаточно будет часа. После этого Галяэль неторопливо, со вкусом принялась осматривать и ощупывать непривычные для простоватых рынков Долины модные вещички, а муж растворился в плотной толпе.

Когда по прикидкам лекарини прошло немножко больше часа, она вместе с парой посыльных, тащивших ее покупки подошла к фонтану и совершенно неожиданно для себя не нашла там своего мужа. Сначала она ждала его спокойно, потом разозлилась, потом испугалась. Время шло и шло, а Вила'Рай словно в воду канул. Тогда эльфийка поспешила в пригород, в квартиал троллей — но и там кроме Экки и кошака никого не оказалось. Вот тут беспокойство достигло предела.

26.

Кинулась эльфийка обратно на рынок. Тут же вернулась обратно, в спешке, нервным почерком и, злясь на себя за этот признак волнения, написала мужу записку на квенья, сломав два пера и забрызгав кляксами листок. Сама понимала, что он не вернется уже, скорее всего, но все-таки надеялась.

По дороге вполуха слушала советы семенившей рядом Экки, которая сама очень верила во всякие заковыристые магические методы и потому рекомендовала их хозяйке при всяком удобном случае. Лекариня имела разум трезвый и во всю эту чепуху не верила. Да и обучение практической медицине и магическому восстановлению здоровья не способствовало суеверию. Это в первых классах школы медицины студенты занимались всякой ерундой, лили воск, гадали на зеркале и пытались узнать о своих будущих успехах на экзаменах путем читания узоров на саже.

— Онихомантов мне еще предложи слушать — фыркнула зло Галяэль. Экка заткнулась на время. Она сама знала, что ее хозяйка по виду ногтей может ставить диагнозы, но вот насчет гаданий не верила никак. Ну да, учили ее, показывали наглядно, что уважаемые в народе Экки энонтроманты, миоманты и тефраноманты — нахальные шарлатаны. Вот пиромантия или, например, некромантия — серьезные науки, но там, зато все понятно, хотя и сложно и не каждому по силам, но ясно и понятно.

Сколько ни спрашивала Галяэль торговцев–ювелиров — никакого толку от них не добилась. Никто ничего не видел. Спохватилась, кинулась в соседний, оружейный ряд, стала спрашивать там — тоже без толку. Устала, как самая распоследняя собака — уже на рынок пришли сменять ночных торговцев дневные — рынок работал круглосуточно, а ничегошеньки не узнала.

Еле волоча ноги, потащилась обратно, подбадривая себя слабой надеждой, что непутевый муж просто заблудился. Или еще что-то и сейчас сидит и ждет ее. Сама этому не верила, но надеялась из последних сил.

Напрасно. В пустой комнате был только кошак, и даже выражение его морды было унылым. Галяэль упала на постель и — неожиданно для самой себя — расплакалась. И сама не поняла как — тут же уснула, словно провалилась в темную воду. И тут же вскинулась одурело, увидев снова черные бронированные спины и затылки шлемов и победный прыжок странных квадратных

воинов в гущу илитиири. Опять этот же сон приснился.

Неподалеку злобно ругалась с кем-то Экка. Потом возмущенно взвизгнула, раздался топот, пыхтение и какая-то нелепая возня. Галяэль откинула полог шатра. Кошак без беспокойства, но с любопытством смотрел в сторону входного проема, куда только что ввалился странный многорукий ком.

Оказалось, что это всего лишь Экка, вцепившаяся мертвой хваткой в мальчишку–подростка. Странный был этот малый, какой-то непривычный глазу.

— Хозяйка! Я этому остолопу говорила, чтобы не ходил! А он идет! — возвестила самым своим трагическим голосом Экка.

— Что нужно? — не слушая толком и надеясь на вести о муже, перебила слугу илитиири.

— Высокочтимая госпожа Галяэль! — изысканно и манерно поклонился юнец.

— Да говори же, наконец!

— Некто, известный вам, нижайше просит вас о помощи в лечении, потому как для вас небезынтересны будут сведения, коими лицо вам известное обладает! — так же выспренне закончил малый. Сказано было это более чем вежливо, только никак не сочеталось с взглядом этого подростка. Наглый был взгляд, дерзкий и вызывающий и эльфиня почувствовала себя совершенно странно — словно этот малый нагло полез ей под платье. Так на нее смотрели в последний раз в покинутом и уже вымершем трактире, там — в Долине.

— Веди! — велела Галяэль, прихватывая колчан и лук и забирая увесистую сумку с набранными в караване лекарствами.

— Прошу покорнейше следовать за мной — поклонился юнец и скользнул взглядом по груди эльфийки. Так, словно руками схватил и помял.

— Знаешь, если ты еще раз так на меня посмеешь смотреть — я обещаю, что выколю тебе глаз — резко сказала дроу. Парень нисколько не смутился, коротко хохотнул, но взгляд отвел. Шлепнул игриво по заднице взвизгнувшую гоблиншу, тут же отскочил в сторону и останавливающе протянув ладонь, заметил как ни в чем ни бывало:

— Почтенная Экка! Вам не стоит убивать меня сразу. Потому как и вас тоже ждет приятный сюрприз!

Гоблинша, тем не менее, попыталась его пнуть, но промахнулась — этот малый был действительно ловок. Он ухитрился увернуться от второго пинка и выскользнул в проем, успев и приглашающий жест сделать.

Эльфийка не раздумывая последовала за ним, прикидывая, что когда она наконец узнает, что с ее мужем — колоть глаз

этому наглецу не будет, но за вихры оттреплет в свое удовольствие. Это несколько развлекло ее по дороге, судя по пыхтению — Экка тоже лелеяла планы ужасной мести. Идти пришлось довольно долго, запомнить дорогу было очень трудно — пошли какие-то трущебы, тесные улочки, залитые помоями, проходные темные дворы и весьма неприятного вида жители, впрочем в этих лабиринтах юнец ориентировался легко и был, как рыба в воде. Грязища тут была изрядная. Вонища тоже имела место и потому попавшиеся навстречу трое темных эльфов — два воина и маг странно смотрелись в этой клоаке. Они тоже удивленно вытаращились на эльфийку, но тут же спохватились и опустили глаза.

Илитиири была готова поспорить на что угодно, что после этого она дали крюк и вернулись обратно.

Юнец открыл обшарпанную дверь в двухэтажный ветхий домишко и глянув по сторонам, пропустил в жилище обеих женщин, после чего вошел сам и дверь запер. Гоблинша тут же встала в оборонительную стойку, вжикнув выдернутым из ножен кинжальчиком, но Галяэль уже заметила в глубине комнаты койку, на которой лежала знакомая туша. В воздухе пахло кровью и какими-то лекарствами.

— Создается впечатление, что встреча с почтеннейшими коллекционерами была горячей, оживленной, но прошла несколько неожиданно — успокоила эльфийка слугу и шагнула к койке. Гоблинша несколько умерила прыть, но кинжал прятать в ножны не стала.

— Что ты знаешь о моем муже, человек? — жестко и напористо спросила Галяэль лежащего плашмя трактирщика. Тот закряхтел, заворочался, отчего койка жалобно заскрипела, вытаращил свой глаз, который только один и торчал из-под тряпья, обматывавшего ему голову. Голос у него тоже был словно раненым — слабый, севший какой-то.

— Будьте здоровы, уважаемая лекариня! Очень рад, что вы почтили меня, убогого, своим присутствием! Но что я должен знать о вашем уважаемом супруге?

Эльфиня словно обессилела в момент и села на трехногую грубую табуретку, уронив руки. Она ушла бы тотчас. Если бы знала куда идти. Идти же было некуда. В носу защипало, но она взяла себя в руки, плакать при этих все было совершенно невозможно.

— Хозяин пропал вчера на рынке — вклинилась гоблинша. Она почувствовала, что хозяйка сейчас не в состоянии что-либо говорить и вмешалась на свой страх и риск. Кроме того, раз уж хозяйка отказалась от таких проверенных веками на практике

всем гоблинским методам получать сведения — почему бы не испробовать этот источник, благо мерзкий толстяк, отнявший у Экки 'славный кинжальчик', все-таки был пронырой и мог быть полезен. Других-то вариантов просто не было. Одновременно глазами Экка обшарила всю комнату, надеясь увидеть знакомый мешочек, но огорчилась, не увидев.

— На каком рынке? На орковском? — через силу спросил толстяк.

— Нет на эльфийском, в Городе — ответила гоблинша.

— Зачем же вы туда поперлись? — простонал не очень вежливо трактирщик. Услышанное явно его огорчило.

— Не хотелось покупать у орков — пояснила гоблинша.

— Понятно. Ну да, конечно. Извините. Как пропал? Вы не видели друг друга?

— Нет. Мы с хозяйкой были в том ряду…

— Где всякая женская одежда — вежливо, но с уловимой ехидцей подсказал юнец.

— Разумеется. А хозяин пошел в ювелирный ряд. И на встречу уже не пришел.

— И встречаться вы решили, конечно, у фонтана? — еще более почтительно, но с еще большей дозой яда молвил мальчишка.

— Да, именно так, а ты точно получишь от меня…

— Кинжалом в глаз? — вежливо до откровенной издевки, осведомился малец.

— Шилом в жопу! — взвилась Экка и тут же испуганно прижала уши: 'Прости хозяйка!'

Илитиири не обратила внимания на такую грубость в ее присутствии. Не такое слыхала. Спросила только:

— Человек, ты можешь помочь мне найти его?

— Думаю, что да, госпожа лекариня. Тем более он по–прежнему мой командир, формула роспуска звезды не была произнесена, потому могу ли я рассчитывать на лечение?

— Ладно. Что с тобой случилось? — дроу вообще-то собиралась уйти из этой крысятни, да и ушла бы, но получалось так, что этот рыхлый прохвост был и впрямь последней надеждой. Не идти же к главам города, почитательницы Ллос и вникать не стали бы в проблемы пришлой жрицы блудной Эйлистири, даже не горожанки, беженки, не имеющей тут ни родни, ни связей это Галяэль знала точно. Только позор будет. И потерянное время. Теперь слабый огонечек надежды тихо затеплился в душе, а руки привычно взялись за знакомую работу, сматывая с головы заскорузлые тряпки.

— Амулет спас. Он кожу зудит, словно десяток блох кусает.

Когда рядом яд. Я сначала попробовал, как он действует — проверил. Потом пошел на встречу. Кинжал вызвал ожидаемый интерес. Торговались недолго — часа три. Приняли мою цену. Ну почти. Я немного уступил. За успех сделки предложили старого вина — одышливо и торопливо рассказывал толстяк, тихо охая, когда присохшие тряпки стали отходить от раны.

— Тут-то амулет и зазудел — подсказала Экка.

— Да, так и было. И зазудел куда как сильнее. Хороший яд был в бокале, господский, дорогой…

— Щедрые люди. Не пожалели для дорогого друга — хмыкнула эльфийка, осматривая здоровенную рану с вывернутыми краями — полоснули трактирщика по голове от души. Тоже щедро.

— Да. На мое счастье они не поняли, что я понял. Ай!

— Терпи! Не так все страшно. У тебя еще и рука с дырой? — строго спросила Галяэль.

— Да, левая. Не успел увернуться. Их все-таки трое было.

— Такому как ты трудно уворачиваться — справедливо отметила гоблинша.

— Странно. Мне кажется. Что тебя все-таки отравили — подняла бровь в раздумьи эльфийка.

— Я вынужден был пригубить. Потом промокнул губы платком, но все-таки что-то на губах осталось. Вымыть сразу не мог. Сказал, что в виде приза за удачную сделку и за такое роскошное вину покажу им еще одну деталь. Которая увеличивает стоимость кинжала. Они, дураки. Купились. Я взял грисс в руки, а они вытянули шеи, стали смотреть. Ожидали видно клеймо покажу скрытое или тайник в рукоятке — такое описано в гриссах — толстяк натужно закашлялся.

— И тут ты их кинжалом и секанул — утвердительно сказала эльфийка, ловко и аккуратно бинтуя промытые лекарством раны.

— Именно так, госпожа лекариня — не очень внятно ответил толстяк.

— Однако они неплохо успели ответить — ядовито заявила Экка. Она стояла с горделиво — уверенным видом, потому как порезать троих не ожидающих атаки людей по ее меркам было делом простым. Особенно — когда в руках милый кинжальчик! Но тут к ней вроде бы случайно на пару шагов приблизился подросток–поводырь, и гоблинша предпочла юркнуть в сторону, за хозяйку. Подросток насмешливо улыбнулся и подмигнул, отчего Экка возмущенно зашипела. Галяэль нетерпеливо топнула ножкой — ей мешали, а она не любила, когда во время работы кто-то путался под руками.

Пациент был сложным, очень неприятным было отравление, в

принципе лекариня сразу классифицировала, что это за яд. Трактирщик ошибся, считая, что это что-то сложное и дорогое. Сильное — да, но не очень дорогое. Партнеры толстяка взяли не слишком хлопотный вариант — смешав сок омега ядовитого с ядом печени рыбы–шара, усилив экстрактом из семен строфанта и зачем-то добавив экстракт из триходесмы седой, которая тоже отлично убивает, но незаметно и очень долго. Первые два ингредиента вполне бы управились сами и куда быстрее.

— Вино старое было сладким? — спросила эльфийка отравленного.

— Да, госпожа — опять не без труда проговорил онемелыми губами лежащий.

Галяэль кивнула, ну да фальшивый спирт, который тоже отличный яд, лучше маскировать сахаром. Намешали изрядно!

— Что делали до моего прихода?

— Мыли его изнутри сверху и снизу, питье давали и уголь алхимичный — отозвался неожиданно спокойным и серьезным голосом подросток.

— Отлично! Тогда попробую облегчить его состояние, хотя букет ядов был неплох и потому сразу не вылечить все признаки. Да к тому же он еще и ранен, потерял много крови. Ты же опытный человек, должен знать, что рану сразу надо перевязывать! — с укором сказала лекариня своему пациенту.

— Увы, госпожа, было некогда, прощание было горячим, надо было уносить ноги. Представьте, я даже не успел прихватить с собой перстни из коллекции Ланнога…

— Ясно, молчи. Не трать зря силы. Так, что у меня есть? Ну — ка, малый, принеси стопочку. Мне нужно отмерить двадцать капель этого эликсира — строго велела Галяэль.

Парень, опять же без всяких своих шуточек и выходок мигом притащил стопку из старого серебра, не слишком подходящую для такой лачуги. Эльфийка аккуратно, словно алмазы отмеряла, накапала 22 капли.

— Забавно, я всегда считал, что особенно действенные эликсиры должны быть ярких цветов — синие там или красные. Или оранжевые. А этот невзрачный какой-то — удивленно сказал ушлый подросток. Он очень внимательно смотрел за действиями лекарини.

— Распространенная ошибка. Подними ему голову, чтоб мог пить — рассеянно ответила Галяэль, разбавляя капли водой из кожаной фляги.

Приподняли голову толстяку, и тот старательно выпил лекарство.

— Залей напить!!! — прохрипел он, выпучив налитый кровью

глаз.

Жадно присосался к фляге, пил долго, потом в изнеможении повалился на ложе.

— Теперь надо еще применить пару заклинаний, он после этого уснет и почувствует себя гораздо лучше, когда проснется — сказала эльфийка, потирая руки, чтобы пальцы согрелись и заклинания получились как должно.

— А вот этого, госпожа, лучше не делать — встревоженно сказал толстяк.

— И почему? — удивилась лекариня.

— Блудень сказал, что совсем рядом топчется патруэль в котором есть маг.

— Ну?

— Даже ученик–маг почувствует рядом применение магии. Уверен, для того его в патруэль и поставили. А мы в квартале людей, здесь маги редки. Вас они видели. Значит, поймут, что к чему и нагрянут. Меня ищут и я накровил изрядно. На вашей одежде, госпожа, нет знака Лекаря, но это не помешает этим суки… извините, этим эльфам найти и вас и меня. Тогда мы ничем не сможем помочь командиру…

— Поясни! — приказала Галяэль.

— На рынке у фонтана — променада для Верховных Баб — сказал мальчишка.

— И что?

— Там не стоит околачиваться мужчинам. Лишний раз не надо попадаться на глаза этим стервам. Ничего хорошего не выйдет. Опасное место. Потому местные там никогда не ошиваются. А вот пришлые — влипают как мухи в паутину. Ллос приносят жертвы каждые две недели. А сейчас поговаривают, что сразу в двух ведущих Домах идет свара за главенство, и вот–вот будут устраивать ритуал Зингукарлы — пояснил подросток.

— Это еще что за такое — удивилась эльфийка, не слишком хорошо разбиравшаяся в тонкостях культа злобной паучихи.

— Сам не очень хорошо знаю. Папаша, может, ты что скажешь? — пожал плечами малец и глянул в сторону раненого.

— Он твой папаша? — удивилась Экка. Уши у нее встали торчком от любопытства.

— И что такого? У всех есть папаши — пожал плечами подросток.

— Ох, мне трудно объяснить. Это одушевление некоего мертвого тела, которое было чем-то важным при жизни. Становится двойником осуществившей ритуал, очень мощный вспомогатель — пояснил трактирщик.

— Так это то, чем занимался наш знакомый некромант —

сказала Галяэль.

— Не то. Паучиха возвращает обратно взятую ею душу. То есть это не зомби. Не лич. Это одушевленный двойник, служащий новой хозяйке, ее дубель. Не могу объяснить точнее, сам не знаю, это вообще-то секрет темных, да и происходит такое раз в тысячу лет, потому сейчас на эльфском рынке вообще опасно околачиваться. Вы как мотыльки на свечку прилетели.

— Что можно сделать? — обрезала словеса толстяка эльфийка.

— Не очень многое. Блудень, сходи к Ригасту — Ловкачу, напомни ему о должке и пусть он науськает своих на то, чтоб узнали. Потом передай поклон Тертарку Тонкопалому — и так же поговори о пропаже. Посули ему полста монет, но только после сведений.

— Серебрунек?

— Конечно. И сам покрутись там, только аккуратно. Очень аккуратно. Поспрашивай своих девок и бабенок, должны же быть слухи, в самом — то деле…

— Ладно! А оно — того стоит?

— Стоит, стоит. Он хоть и дроу, а настоящий мужчина, достойный. И вояка дельный — твердо ответил раненый.

— Второй, значит после Ухореза — Три дырки? — усмехнулся малец.

— Да, похож.

— Тогда ладно, интересно на такого взглянуть — подросток с шутовской серьезностью раскланялся с эльфийкой и ее слугой и тут же исчез, словно испарился.

— Хозяйка, ты видела — он по почтенному этикету умеет! — удивилась Экка.

— Ну, так он ведь мутис от человека и темной эльфы. Ты же видела его уши и кожа у него розоватая. Как тебе удалось соблазнить дроу, а? — спросила толстяка Галяэль. Ей и впрямь было интересно, да и раненого надо было разговорить, отвлекая от боли, раз уж усыпить нельзя. В сумке, разумеется, ничего подходящего не было, потому как 'Целительный сон' было очень простым заклинанием, его и многие мужчины — илитиири знали, потому таскать с собой сок мака или что похожее было глупо.

— Ее не надо было и соблазнять особо. Дроу вне рода падает ниже человеческих нищих. Нищим еще могут кинуть смеха ради монетку, поглядеть, как они драться будут. Своим изгоям — никогда. А она была изгой без рода. Представь, госпожа, дроу — в борделе.

— Слышала, что такое бывает — пожала плечами Галяэль, которая слышала нелепые слухи, что прихоти ради даже знатные

поклонницы Ллос такое делают. Правда, как правило, на них клюют только пришлые идиоты, не понимающие чем эта забава для них кончится.

— Вот там и познакомились. Ну да двадцать лет назад я был помоложе и посимпатичнее. А ей и деваться кроме борделя было некуда — когда ее выгнали из Дома, отрезали большие пальцы на руках, чтоб не могла разбойничать или в наемницы податься. Очень хорошая была женщина. Ну да хорошие у местных дроу не в почете, тут в почете подлые, жестокие, свирепые и коварные. Чем мерзее — тем лучше для богини. Даже странно, что она себе выбрала символ паука. Решила видно себе польстить. Ей бы лучше бы символом взять кусачую щетинистую муху, самое то было бы — сказал толстяк, как плюнул.

— Пауки противные — возразила Экка.

— Да ну? Мало, значит, ты имела дела с мухами и комарами. Раз так говоришь. Хотя в пещерах у вас мухи не живут.

— К слову о пауках — раз ты не продал кинжал и тебе он не принес удачи — не хочешь ли его вернуть? В лапках у Экки он работал неплохо, глядишь, нам и опять пригодится — как бы без намека сказала илитиири.

— Да забирайте, только — демонское это оружие, смертным не стоит его в руках долго держать. Я его теперь ни за что в руки не возьму! Вон оно — под тряпками на сундуке лежит — махнул здоровой рукой трактирщик и поморщился от боли.

Галяэль не успела и слова сказать. а уже мелкая гоблинша в два скачка была у сундука с каким-то шмотьем и живо извлекла свой кинжал из ножен. Черно–полосатое змеящееся лезвие тускло и хищно блеснуло в полумраке комнаты. Гоблинша заплясала, размахивая гриссом, что показалось эльфийке смешным и немного озадачило. Танец этот был похож — ну так же как схожи стройная длинноногая эльфийка и коренастая кривоножка гоблинша — на Танец Лунного Меча.

— Эй, эй, осторожнее! Не то кого зацепишь кого! Яд в клинке злющий, я мэтра Тогумиана только слегка по руке поцарапал, а ему и царапины хватило — опасливо прикрикнул толстяк.

— Быстро умер? — с профессиональным интересом спросила Галяэль, наблюдая за танцем служанки со все более смешанным чувством. Хотелось одновременно и засмеяться, забавляясь комичным зрелищем и зло прикрикнуть, пресекая не то пародию, не то неуклюжее подражание.

— Он со своей саблей за мной вокруг стола гонялся. Свалился на третьем круге. Но я бежал непривычно быстро, правда и стол был большой — молвил толстяк.

— Хорошие у вас коллекционеры, что даже в доме с саблями

ходят.

— Он из степного рода, у них с саблями и спать ложатся. Правда, сабли довольно маленькие, дарганские. Не доводилось видеть?

— Нет, я не разбираюсь в саблях. Ладно, когда твой сынок что-либо успеет узнать?

— Узнать — недолго. И не самое сложное узнать. Гораздо сложнее исправить ситуацию, выцарапать предназначенного в жертву крайне сложно.

— Охраняют серьезно? — понимающе кивнула эльфийка, которой было крайне досадно, что они так глупо вляпались.

— Более чем серьезно. Ллос считает таких уже своей добычей. А она жадная и ревнивая и страшно не любит, когда на ее собственность даже в мыслях покушаются. Но мы-то ведь не в мыслях будем покушаться? Тогда нам придется идти поперек воли богини, а это — куда как трудное дело — пояснил печально трактирщик.

27.

Минуту эльфийка молчала, потом шикнула на шуршащую чем-то в углу Экку, просто так, на всякий случай, и задумчиво спросила тяжело дышащего пациента:

— Ллос не моя богиня. Я — жрица Эйлистири.

— Где сейчас Эйлистири! От ее храма камня на камне не осталось! (тут толстяк вдруг замолчал, видимо решив не говорить очевидные вещи вроде того, что богиня без храма — такая же нищая и бесправная беженка, как и Галяэль, потом перевел дух и продолжил как ни в чем ни бывало) — А без божественной помощи против Ллос соваться… Нам она не по зубам… Тем более тех, кто идет в жертву держат при ее святилище, куда попасть весьма не просто. Там — между нами говоря — и просто стражи полным — полно. И — увы — очень хорошо натасканной стражи. Для воинов дроу дежурство при тюрьме храма — честь. Высокая честь! Дальше-то их не пускают, только разве в виде очередного мяса на заклание.

Галяэль промолчала. Ей показалась, что статуэтка Эйлистири повеяла теплом, и словно бы в сумке мерно забилось живое сердце. Это было очень странное и незнакомое ощущение.

— То есть ты бы за это дело не взялся бы? — спросила она трактирщика.

— Не хотелось бы. Только деваться мне некуда — неожиданно заявил толстяк.

— Да? Это почему? — опередила с вопросом ушастая Экка.

— Хотя бы потому, что хочется выздороветь — не очень убедительно ответил раненый.

— Странно. Я уверена, что у тебя есть тут свои лекаря и шаманы. Или кто у людей лечит ранения и яды? — спросила эльфийка. Ответ пациента не внес ясности, а илитиири не любила иметь дело с теми, чьи намерения были ей непонятны. Разные пациенты встречаются, очень разные и эльфийский лозунг 'держи ухо востро!' не раз себя оправдывал.

— Меня и так уже ищут. И я не уверен, что только по поводу небольших разногласий с мэтрами–коллекционерами. Надо сказать, что жертвы до ритуала сначала потрошатся — им моют мозги.

— Так, как это делают орки с рабами? — всерьез испугалась лекарка. Ей было известно, что это такое — промывка мозгов. Даже доводилось видеть несколько раз таких несчастных. Вроде бы пустячок полежать несколько дней с запрокинутой головой в которую через ноздри заливают тонкими струйками холодную

воду, а в итоге получается из разумного существа совершенно безвольный овощ, годный только на тупую несложную работу и понимающий только самые простые команды, отданные при этом обязательно громким голосом. Представить своего мужа в качестве такого живого зомби было нестерпимо больно. Галяэль не удержалась и ахнула, потом устыдилась странно посмотревшей на нее Экки, и собралась с духом.

— Нет. Не знаю, правда, лучше это или хуже. Для Ллос жертва вкуснее. Если она мучается, все понимая. Но при этом ваши соплеменники обязательно вытряхивают из мозга жертвы всю ее память. В смысле — его память. Дроу это умеют. Просматривать чужую память.

— Тогда почему меня не задержали? — эти же меня видели!

— Не знаю. Темняки любят поиграть с добычей, как кошка с мышкой. Но вот в чем я уверен, так это в том, что у нас ничего не осталось, думаю, что драконью чешую и наши вещички — что поценнее у троллей уже забрали — печально сказал толстяк.

— Но это совсем ни в какие ворота не лезет! Это же какое-то… я даже не знаю…

— Беззаконие! — ляпнула Экка.

— Закон тут есть. Это то. Что хотят Верхние Бабы — в три приема просветил своих собеседниц трактирщик.

— Лихо! — только и смогла сказать Галяэль.

— За вас некому вступиться. За меня… За меня сейчас — тоже. Никто даже не почешется, если нас будут резать прилюдно. Ну, разумеется, если резать будут дроу. Особенно храмовой стражи воины. Хотя и городская стража тоже сгодится.

— Но ты же говорил, что темная эльфийка — неприкосновенна!

— Говорил. Неприкосновенна. Для людей, орков и прочей шушеры. Для других дроу — еще как прикосновенна, особенно если за ней нет силы. Например, клана, который сможет отомстить — и отомстить серьезно, чтобы потери оказались просто неприемлемы. Кто за вас будет мстить? Кроме Экки, да будут ее годы долгими, как борода гномского старейшины.

— То есть все так плохо? — как то жалобно сказала эльфийка.

— Даже еще хуже. Город сложная взаимоувязанная система. Налаженный годами механизм. Как гномские часы. Как мельница. И нам не повезло — мы в эту систему не вошли как надо. То есть вошли и попали в жернова. Одиночкам тут плохо и трудно. Особенно неосторожным одиночкам. Впрочем, может быть все не так и плохо, как я говорю — немного воодушевившись, сказал трактирщик.

— Правда? — хором отозвались и хозяйка и служанка.

— Конечно. Может быть, командир и не сидит сейчас в клетке для жертв, а, например, просто скоропостижно скончался.

— Тьфу! — отозвалась Экка.

— Для командира это было бы не самым худшим вариантом — уверенно заявил трактирщик.

— Тогда зачем мне тебя лечить? — хмуро спросила Галяэль.

— А что вам еще остается. Пока я для вас единственный помощник в этой крысиной норе. Впридачу у меня есть знакомец, который, в общем, неплохо знает и паучьи норы и может изрядно помочь.

— Тот самый Ухорез? — подняла бровь лекарка, вспомнив упомянутое при ней имя.

— Не все ли равно, госпожа. Побеги из тюрьмы были. Три. За четыре сотни лет.

— Звучит воодушевляюще — усмехнулась грустно илитиири.

— И тем не менее — шанс есть. Но для этого мне надо ходить. И не только под себя. Не сочтите за казарменный юмор — пояснил толстяк.

В другой раз эльфийка не замедлила бы дать нахалу отповедь. Но сейчас промолчала, прислушиваясь к тому, как себя ведет в ее сумке спрятанная в красивом но маленьком пристанище душа богини. Или сама богиня? Галяэль не очень хорошо понимала — есть ли у богини душа. Потому старалась не слишком задумываться над такими сложностями теологии. Только не понятно было — это знак свыше или к бедам жрицы никакого отношения не имеет, мало ли у богинь причуд.

— Больно уж благородно звучит! — заявила вместо молчащей хозяйки Экка.

Толстяк шумно вздохнул.

Потом старательно подбирая слова начал говорить:

— В одиночку ничего не добьешься. Большую прибыль может дать только совместная работа. Если она на доверии — тогда не надо тратить массу сил и времени на контроль и проверки. В жизни всякое бывает — и удачи и провалы. А свою шайку — ну или звезду — надо беречь, проверенные люди дорогого стоят. Сейчас не повезло — ну так зато повезло выжить в Долине и оттуда ноги унести. Значит — живы будем — выкарабкаемся. Еще попируем!

Экка, внимательно слушавшая ответ, кивнула и перекувыркнулась через голову. Сидевшая на скрипучем колченогом стуле лекарка успела только немного удивиться такому поведению служанки, как и ее сбило с рассыпавшегося на куски сидения. Падая, она успела заметить, что входная дверь в

лачугу грохнулась плашмя на пол, в комнатушке словно прошел маленький смерч, подняв столбом пыль и всякий мусор. Это было более чем странно, и еще страньше было то, что упав на грязный пол, Галяэль не могла двинуть ни рукой ни ногой, только немножко получалось смотреть вправо–влево. И сказать ничего тоже не выходило. Судя по тишине — а уж Экка обязательно должна была возмущенно завопить — то ли эльфийка оглохла, то ли тут не обошлось без магии. Легкий озноб, покрывший кожу гусиными пупырышками, говорил, что да — это магия. Незнакомая, непонятная и неприятная магия.

Тут же пришлось убедиться, что не оглохла все-таки — в комнату бесшумно сквозь проем выломанной двери скользнули три силуэта. Последний, обернувшись в проем внятно и грозно сказал на квенья:

— Квартальный, свободен! Язык на привязь, а то отрежу, рапорт будешь писать не раньше, чем завтра. Все, убирайся и своих людей забери. И чтобы — ни гугу!

Проморгавшись от сыпавшейся на лицо пыли, лекарка сумела оценить ситуацию.

Плохую ситуацию, чего уж там.

В комнате явно патруэль дроу в таком же составе, что ей довелось видеть на улице — маг, двое воинов. Все — мужчины. Но это не тот патруэль, что она видела, хотя одеты вроде и так же, но лица другие, это для людей и орков все илитиири на одно лицо — темнокожее и красноглазое, а сами дроу отлично друг друга отличают. Значит тут отиралось несколько поисковых команд, одной вот повезло. Красиво взяли, без сучка и задоринки, пикнуть не дали. И не пошевелиться.

— Я же говорил, что сами справимся — немного нервно и чуточку хвастливо сказал маг–недоучка. Видно было, что гордость его просто распирает.

— Кто ж спорил? — весело отозвался один из воинов, быстро и умело осматривая левую часть комнаты, в то время как второй так же уверенно проверил правую и чулан.

— Чисто — сказал из чулана второй воин.

— Чисто — отозвался первый. Вылезший из чулана аккуратно и бережно снимал со своих доспехов и шлема обрывки паутины. Маг помог ему, после чего с максимальным почтением паутина была возвращена в чулан. Второй, тот, что весельчак, мазнул взглядом по лежащей эльфийке и встал так, чтобы видеть и вход и всех троих поверженных.

— Так–так–так, это мы очень удачно зашли! — заявил маг и от его слов эльфийку передернуло. Как-то очень уж пошло это все прозвучало и такое неприкрытое торжество и какое-то нехорошее

веселье было в этой, в общем-то ходовой фразочке. Впрочем, на физиономиях спутников мага было тоже очень гадкое выражение. В этот момент почему-то вспомнилась рожа того покойного светлого эльфа, что сейчас наверное несет службу в рядах мертвого войска нового хозяина Долины Мертвых Цветов.

Голову было не повернуть, но краешком глаза лекариня увидела свою голую коленку, когда упала, платье задралось, и сейчас она лежала в самом непристойном виде. И сделать ничего нельзя. Воздух вокруг словно сгустился и не пошевелиться никак. Не паралич, мышцы и нервы работают. Но никакое напряжение не позволяет шевельнутся.

Даже пальцами не пошевелить, только глаза двигаются.

— Определенно мы удачно зашли! — продолжал ликовать маг.

Вся троица умело и быстро обыскивала комнату, при этом не переставая контролировать обстановку. Видно было, что ученые и умелые. Маг не забыл поставить на вход пару ловушек и сигналов — эти заклинания Галяэль знала и потому сумела понять, что он там возится.

— Так–так–так, а это что? — опять ж как-то очень гнусно обрадовался маг, потрошивший лекарскую сумку и вытянувший оттуда и странное оружие пришлых и статуэтку танцующей эльфийки.

— Очень интересно! — отозвался первый воин, с большим интересом разглядывая и то и другое.

— У меня находка не хуже — отозвался второй, показывая приятелям взятый у Экки грисс

29.

Некоторое время, которое для Галяэль тянулось мучительно долго и показалось просто часами, хотя конечно прошло всего несколько минут, патруэльные стражи разглядывали восхищенно трофеи, напоминая при этом не свирепых и умелых мужчин, а маленьких детишек в лавке игрушек. Лежа на полу, в растрепанном и неприличном виде, недопустимом для любой порядочной илитиири, да еще под взглядами троих незнакомых дроу, лекариня физически страдала, вдвойне — оттого, что все рухнуло. Это — конец. Самый настоящий конец всему. Всей жизни. Даже мелькнула мысль — может быть, было лучше остаться в долине, в виде думающего зомби, или как назвать мертвяка, сохранившего свой разум… Даже заскрипеть зубами не получалось, полная обездвиженность, как ни напрягай мышцы.

Оторвавшись на минутку от восторженного обсуждения наград за успешную победу, маг–ученик липким взглядом не торопясь мазнул по обнаженному телу распластанной женщины и, хохотнув, сказал:

— Спорю, что она сумеет себе оторвать пару костных выступов!

— Принимаю! Она не настолько сильна, чтобы у нее это получилось.

— Пять серебрушек?

— Я в доле! — вмешался третий.

— Поднимаю!

— Эй, эй, только без твоих штучек! Магия тут — спору конец, ты в прогаре! — встревожился воин–спорщик.

— Я правила знаю — обиженно надулся маг.

— Вот и отлично — весело кивнул третий.

— И калечить нельзя, ты это тоже помни, третьего дня приказ читали про дураков из 18 патруэля, так что имей в виду! — напомнил второй воин

— Да что вы дуете мне в задницу! Не первый выход! Всех сдадим в лучшем и надлежащем виде!

— Кстати толстый вроде как дохнуть собрался — тревожно заметил один из воинов.

— Это я сейчас поправлю — покладисто заметил маг, потер ладони, разогреваясь перед заклинаниями и подойдя к постели с раненым, достаточно умело провел пассы лечения, восстановления крови и заживления ран. Лекарка не могла не признать, что этот, хоть и мужчина, а понимает в магическом ремесле лечения весьма неплохо.

— Шорг Невинный взгляд, он же Бархатные глазки у меня не помрет, он у меня прибудет в Подземелье Справедливости целеньким и крепеньким. Что молчишь, жирная тварь? Ответить не можешь? Конечно, не можешь. Ничего, у Искателей Справедливости будешь птичкой петь, там вашу крысиную людскую породу любят. Потрошить. Ладно, куда красотку положим? На полу грязно и жестко, а тут вся постель в кровище.

— Чистоплюй, право. И не жестко на полу, она вон какая подстилочка. Мягонькая.

— Ну, мы же не орки и не людишки. Должна же быть культура, в конце-то концов! Даже среди мужчин! Особенно — военных! С концами!

Двое остальных заржали. Словно шутник отмочил невесть что смешное. Наверное, это было куском из какого-то неизвестного эльфийке анекдота. Сердце у нее сжалось от тоски и ужаса, потому как воин тряхнул покрывало с постели раненого, одним махом расстелил его на свободном куске пола, перед этим носком сапога заботливо и старательно откинув в сторону обломки стула и всякий прочий мусор, потом переглянулся с магом.

— Сталактит, сталагмит, озеро?

— Три серебрушки — и я начинаю?

— А не пойдет, не люблю после тебя купаться!

— Если по три на каждого? — ехидно спросил веселый воин.

— Нет, тогда играем, дорого.

Галяэль замерла, не понимая, что они там делают, то есть понимая — для чего, но, не понимая — что. Так страшно ей не было даже в Долине, там все-таки можно было бороться за себя, хоть и понимая, что силы противостоят невиданно более мощные, а это состояние бессилия сковывало мозг ужасом беспросветным. И отвращение, и брезгливость и тоска безысходная…

Оба воина ругнулись, горделивый маг, чуть ли не облизываясь, подошел к лежащей навзничь женщине, оглядел ее похабным сальным взглядом и позвал своих сослуживцев:

— Помогите ее расположить как надо!

— Разложить, разложить. Умничаешь все, умственность разводишь, ученость ходячая — хохотнул воин, цепко схватив эльфийку за щиколотки. Ее подняли и понесли. Положили.

Галяэль даже молиться не могла, все оцепенело в ней. Только чувствовала спиной и затылком всякие неровности пола, которые не скрыло покрывало. Выигравший первенство в этом гнусном состязании ученик магической школы, не торопясь, смакуя каждую секунду, подошел поближе, словно бескостной теплой рукой даже почти нежно провел по бедрам лежащей перед ним. Только вот глаза у него были никак не соответствующие этой

вроде бы нежной ласке, содрогнулась Галяэль, встретившись с глазами мага. Явно не без сноровки патруэль порасстегивал застежки и ремешки эльфийской одежды сначала у женщины, потом у себя, наглядно показав, что его мужское естество готово в дело. Видно было, что он гордится своим органом. Но его спутники смотрели не на него.

— Недурная титяндра! — заметил из непросматриваемой зоны воин.

— Это да. Не рожала еще! — довольно отозвался выигравший.

— Ну, начнет сейчас тесто месить — отозвался воин.

— Любит он это дело — согласился второй.

Покряхтывая от удовольствия, ученик пристроился между раскинутых ножек эльфийки, действительно больно схватил ее за груди. Судя по звукам — воины сели на пол, беда для эльфийки обещала быть долгой.

Маг вдруг отжался на вытянутых руках, оргиастически блаженно изогнул спину, оскалился на все свои зубы и запрокинул голову.

— Но он же еще не вошел? — удивилась как-то отстраненно эльфийка. Ей казалось, что все это не с ней, не может быть, чтобы было с ней!

Насильник плашмя грузно, словно бурдюк с водой, рухнул на жертву.

— Да он же не дышит! — опять же словно о чем-то постороннем подумала Галяэль. Повернуть голову она не могла, потому не видела, что происходит сбоку, только прошуршала солома под чьими-то сапогами. Потом хозяин сапогов не спеша вошел в просматриваемую зону. Третий воин патруэля, тот, который был самым незаметным. Не обращая внимания на неестественную замершую парочку, он прошел, не теряя времени к постели с толстяком.

— Ухорез тебя ждет. Поэтому сейчас буду снимать заклы, а ты уж будь любезен не веди себя глупо — сказал он лежащему. Пассы руками он делал совершенно незнакомые, но толстяк скоро зашевелился, попытался что-то сказать.

— Не спеши чесать языком, еще некоторое время язык будет не слушаться тебя. Идти сможешь сам? — спросил воин.

Трактирщик неуверенно встал на ноги, его шатнуло сначала в одну, потом в другую сторону. Он попытался сделать шаг, но вынужден был шлепнуться на постель. Печально пожал плечами.

— Давай старайся — жестко сказал эльф. Только сейчас Галяэль заметила у него в руках грисс. С лезвия медленно падали темные шарики капель.

Трактирщик, тихо застонав, снова поднялся. Сжав зубы, шагнул, перекосился лицом, скрипнул зубами, шагнул еще раз. Постоял, приходя в себя и с трудом удерживая равновесие. Потом сделал еще шаг.

— Тащить тебя некому — не сможешь идти — попадешь в Справедливость. Так что хоть обосрись, а через несколько минут — идти будешь — непреклонно заявил воин. Его непреклонная жесткость странно не вязалась с юным и свежим личиком.

С деловым видом эльф шагнул туда, где безмолвно валялась Экка, но тут толстяк возмущенно и испуганно замычал, замахал руками — ну, насколько его култыхание можно было назвать 'маханием руками'.

— Что? — остановился эльф.

— Снчала хзяку! Элфку сначла! — роняя слюну, выдавил трактирщик. Видно было, что ему трудно было раскрыть рот, а теперь так же трудно закрыть.

Воин дернул плечом, но спорить не стал. Подошел к растерзанной эльфийке, совершенно не обращая внимания на ее прелести стащил с нее мертвого мага и проделал те же пассы, что и над толстяком.

Немного очумевшая от всего происходящего Галяэль чуть не застонала, когда все тело оказалось словно онемевшим и теперь по нему понеслись мурашки. Когда такое получается с рукой или ногой — и то неприятно, а тут все конечности и туловище туда же!

— Сейчас будем уходить отсюда. Быстро уходить. Чем быстрее соберешься — тем лучше — словно гвозди в стенку вбил эльф. Галяэль попыталась встать хотя бы на четвереньки, не смогла. Постаралась перевернуться на бок. Почти получилось.

— Кда? — через силу пошевелился язык во рту.

— А туда. Где безопаснее — отозвался воин. Шурша своими доспехами присел над Экой.

— Я уж думал тебе стрелу в затылок пустить — раздался откуда-то сверху странно знакомый голосок.

Воин моментально переместился, прикрываясь тушей Шорга. Трактирщик запыхтел, залопотал:

— Сн! Сн!

Это почему-то сразу успокоило эльфа и он усмехнулся, не вылезая, впрочем, из-за укрытия. Наверху что-то щелкнуло, зашуршало.

— Не ширежуй, кучедасик, иса каяя марковня! — отозвался голосок и с чердака ловко и гибко спрыгнул тот самый наглый юнец–полукровка. В руках у него был самострел, не эльфийский, а скорее человеческого производства, а может и орочьего даже.

Мощная штуковина.

— Не ожидал. Почему-то думал, что у тебя лук будет. А ты вон — с арбалетом! — наконец вышел из-за толстяка воин. Теперь он улыбался во весь рот.

— Так бы ты мне и дал бы тетиву натянуть! Запрыгал бы по комнате, что твой мяч, поди попади! — невесело осклабился полукровка.

— Пожалуй — кивнул веселый воин.

— Есть у дроу слабость — все время забывают вверх смотреть — ответно скаля зубы, заметил юнец. Галяэль завозилась, стараясь непослушными руками привести в порядок одежду, но получалось это крайне неудачно — вот натянула платье на коленку — и в декольте вывалилась остроконечная грудка. Трепыхнулась прикрыть сосок — платье свалилось, открывая бедро, гм, до пояса.

Проклятый полукровка и не подумал отвести глаза, пялился с видом знатока. Это взбесило лекариню. Но сделать она ничего не могла — просто очень быстро убедилась, что все магические способности так же онемели. Как и язык. Как все тело. Хорошее заклинание, надо бы узнать и выучить, пригодится — отстраненно подумала Галяэль, воюя с одеждой и мимолетно допуская совершенно кощунственные мысли, вроде такой, что в чем-то простоватая одежонка людей даже и лучше бывает. Не всегда — но вот сейчас как раз было бы легче.

— Кто ты? — наконец удалось ей хоть что-то сделать — хотя бы и спросить.

Воин усмехнулся, отвесил изысканнейший до полного шутовства глубокий поклон и сказал:

— Всетотжея к вашим услугам!

30.

Что-то странное показалось ошарашенной эльфийке в этом необычном имени, но растрепанные чувства и очумелое состояние не позволили додумать возникшие огрызки мыслей. Просто отметила, что вроде как знакомо это имя или еще что-то, но самого эльфа она видела точно впервые, память на лица у нее была превосходной. Но сейчас было вовсе не до этого.

Перво–наперво, ей, как любой женщине, было просто жизненно необходимо привести себя в надлежащий вид, тем более в присутствии низших.

Единственный, кто никак не обращал на лежащую лекарку пошлого внимания, был толстяк, так неожиданно хорошо известный местной городской охране, а то и тайной страже. Он, морщась и кусая губы, шагал и шагал по свободному пятачку, шатаясь и охая. Но упорно превозмогал свою слабость и

последствия парализующей магии илитиири. И Галяэль показалось, что у него с каждым шагом получается все лучше и лучше.

Воин, приведя в чувство Экку, вернулся к эльфийке, небрежно одернул на ней платье, и равнодушно сказав:

— Пошевеливайтесь, надо расходиться — повернулся к полуэльфу.

— Сколько у нас времени — перестав наконец скалить зубы, спросил юнец. Он довольно споро, собирал всякие шмотки в комнате.

— Мало. Если кто что заподозрит — так и совсем нету — поморщился дроу.

— Ясно. Как пойдем?

— Двумя парами. Я с Шоргом, ты с эльфиней — как о решенном, сказал воин.

— Ты про гоблинку забыл.

— А ну да, с вами потащится. Ты собирай, что взять надо.

— Доспехи берем?

— А как хочешь. Мне они без надобности. Кошельки я уже забрал.

Юнец не стал терять времени зря, а быстро вытряхнул из доспехов и одежды оба трупа, сноровисто расстегивая ремешки, развязывая завязки и словно горох — луская пуговицами.

— Вот делать тебе больше нечего, балбесу — фыркнул воин, глядя как юнец, не без натуги уложил мертвецов в неприличную позу, которую никак нельзя было назвать двусмысленной.

— Пусть позлятся. Дроу, когда бесятся, от злости разум теряют.

— Ну да, зато и искать будут со всем рвением.

— Ладно, все собрал?

— Да, в общем. Сейчас еще вот эти шмотки заберу.

— Тогда пошли.

Сказать это оказалось легче, чем выполнить. Залезть на чердак для оглушенных вяжущими заклинаниями оказалось очень непросто, особенно трудно пришлось с толстяком. Лестницы-то не оказалось, а с поставленного на стол стула подтянуть свою тушу ему не выходило. Пришлось перекидывать через балку веревку и спускать с чердака в виде противовеса тяжеленный короб с песком, каковой по городскому уложению обязан был иметь против пожара каждый домохозяин, и каковой наконец-то пригодился, хоть и иначе.

С грехом пополам пробрались по запутанному лабиринту этого чердака, потом чердака соседнего дома, спустились на какие-то темные задворки, заваленные всяким хламом, там

обеспокоенный чем-то воин поспешно наложил новые обличия — и Галяэль не без удивления увидела, как толстый Шорг превратился в не менее толстую человеческую бабищу. Сынок заботливо напялил на отца громадных размеров грязное платье, накинул на папашу очень потрепанный платок бурых цветов и толстяк теперь стал вылитой базарной торговкой. Экка получила себе облик весьма некрасивой человеческой девчонки, немытой и конопатой впридачу, и соответствующее платьишко, себя Галяэль видеть не могла, но судя по тряпкам, которые ей подал с ироничным поклоном воин со странным именем, она тоже стала человеческой самкой из нижних слоев городской бедноты. Ношеные тряпки даже в руки брать было неприятно, но выбирать не приходилось. Утешало только то, что воин и юнец после переодевания и быстрой работы воина над новым обликом оказались кошмарного вида нищими старушенциями самого гадкого облика.

— Кинжальчик мой любезный верни! — заявила конопатая замарашка голосом Экки.

— Потом — неожиданным мужским баритоном ответила ей ветхая старуха.

Вторая старушенция захихикала, но харя ее осталась совершенно недвижимой.

— Не хочу тут магией светиться, делаю только накладные рожи, ничего другого, потому не разговаривать. Не корчить гримас. Не привлекать внимание! Идти тихо, спокойно. Мы с Блуднем прикрываем. Все, тронулись — и воин отодвинул в сторону широкую трухлявую доску забора. Толстуха со стоном протиснулась боком, Галяэль попыталась скользнуть легко, но не получилось. А еле волочившая ноги Экка и вовсе шлепнулась, зацепившись за перекладину.

Проулок был грязным и пустым, только на углу сидел в луже и мычал что-то невразумительно пьяный оборванец. Ловкие старухи просочились сквозь дыру и заковыляли впереди. Шагах в десяти, немного слишком уж уверенно, не по старушачьи.. Остальные, охая и хромая на обе ноги поплелись следом. На то, чтобы просто переставлять ноги, уходили все силы, и потому эльфийка не смогла бы потом рассказать, где и как они шли.

А шли долго и какими- то кривыми улочками и переулками, пару раз спускались. Пару раз взбирались куда-то по узеньким ветхим лестницам. Прохожие совершенно не обращали внимания на затрапезных путников, благо большая часть из них были одеты так же и выглядели схоже. Раз попался городской стражник, да еще вроде вдали мелькнул спешивший куда-то патруэль дроу, но далеко — и пути были в разные стороны.

Когда Галяэль уже с ног валилась, наконец-то шедшие впереди старухи шмыгнули в дверцу–калитку, трое шедших следом последовали примеру и оказались в чистеньком маленьком дворике. Опрятная такая бедность — вот что первым делом пришло в голову эльфийке, когда она со стоном села прямо на землю. Толстуха рядом просто свалилась плашмя. Ее лицо сползло, словно ставшая жидкой маска, и теперь рядом с лекаркой лежал одетый в нелепый бабий наряд Шорг. Трактирщик был в полуобморочном состоянии, бледно–серый с бескровными губами.

Старуха, меняя свою физиономию на смазливую мордашку Блудня кинулась к лежащему, приподняла голову.

— Кинжальчик верни — проскрипела неугомонная Экка. Эльфийка хотела было цыкнуть на служанку, но сил не было на это вовсе.

— Придется еще поднапрячься — безжалостно заявил воин, уже стянувший с себя тряпки старухиного наряда.

— Сил нету вовсе — отголоском, тенью голоса просипел толстяк.

Галяэль хотела кивнуть, но не получилось.

— И все-таки придется. Сам не хуже меня знаешь — хвосты надо рубить.

— Ох — жалобно проскрипел трактирщик.

Идти сразу не получилось, около часа приходили в себя, с помощью воина и юнца заползя в дом, потом чуточку отлежались, хлебнули вязкого настоя из черной бутылочки, которую воин достал, словно великую драгоценность — и почувствовали себя немного лучше. Теперь с другого конца переулка вылезла помятая компания из четырех похмеьных мужиков–забулдыг и одного пацана, который верно пытался отвести одного из пропойц видимо домой. Зрелище, верно, такое привычное для этих мест, что никто и взглядом не удостоил, а подобные компашки навстречу попались дважды. Трактиров и кабаков тут действительно было много.

Играть не понадобилось — Шорга и эльфийку действительно шатало, вот Экка неожиданно быстро оправилась от заклинания и потому оживала на глазах. Куда и как шли теперь, Галяэль вообще не поняла, все силы были — не упасть.

Упала она уже только тогда, когда воин сел на лавку в мрачноватой, заброшенного вида комнатушке и сказал:

— Дошли! Теперь можно в себя приходить! Если я все правильно понимаю — здесь они нас не найдут точно!

Спрашивать сил не было, поэтому Галяэль только посмотрела вопросительно.

— Тут вчера уже прочесали. И район считается нехорошим, без серьезной силы сюда обычно не лезут. Ну и вообще — обрезал воин, который уже не выглядел таким веселым.

— Вам надо отлежаться день–другой и уносить ноги — серьезно сказал и юнец.

— Нет! — смогла выговорить лекарка.

— Это еще почему?

— Пока жив мой муж, я его не брошу — с трудом ворочая языком, ответила эльфийка.

Юнец с воином переглянулись.

— Ну да, разумеется — пожал плечами дроу. Хотя видно было, что он сильно удивился. Впрочем, у полуэльфа тоже что-то этакое — и вроде уважительное — в глазах мелькнуло.

— Ночь отдыхаете, приходите в себя. Завтра я к вам приду, и пойдем отсюда подальше — заявил, как об уже решенном воин и вышел вон. Хлопнул дверью.

А юнец помог добраться до лежанки своему отцу, потом сделал то же для эльфийки, которая от усталости даже не поняла — то ли он деликатно это делал, то ли все-таки пощупал где хотел. Не до того было. Уснула, как провалилась, всю ночь клубились какие-то кошмары, но когда открыла глаза, ничего не могла вспомнить.

Утром явился вчерашний воин, правда уже в виде вполне себе среднего торговца, неприметненько так одетый.

И Галяэль сама себе удивилась, твердо отказавшись бежать. Что ей так стукнуло — и сама бы объяснить не смогла, но вот так убежать — не было никаких сил. Как если бы предложили руку отрезать или ногу просто так. Не могла — и все тут. Хотя вроде бы и не так давно была замужем и не сложно снова найти себе мужа и все такое, да и не свойственно так для илитиири, но — не могла. Как в стену уперлась.

Воин удивленно поднял бровки. Сидел, ждал объяснений.

— Пока не пойму. Что мужу ничем помочь не смогу — никуда я не пойду. И будь, что будет — отрывисто и не очень связно пояснила она.

— Так его любишь? — спросил из-за спины толстяк.

— Я не хочу об этом говорить. Считайте, как хотите.

— Шорг? — перевел взгляд воин.

— Я, пожалуй. Тоже останусь — прохрипел трактирщик в два приема.

— Ты-то с какой стати?

— Слабый я, не перенесу дальнего перехода. А на ближнем все равно не спрятаться. И вообще — соломинку проще всего спрятать в стоге сене.

— Соломинка, как же… Что ж, ваш выбор. Слово?

— Слово сказано. Ладно, погляжу, что можно будет сделать — протянул раздумчиво воин.

— Ты говорил про Ухореза — напомнила эльфийка.

— Не думал, что запомнишь — усмехнулся воин.

Встал, потянулся, качнул в стороны головой разминая мышцы шеи и не говоря ничего вышел. Дверью на этот раз не хлопал и был словно бы задумчив.

Кстати сынище напомнил еще про одно ружье на стене — куда — то делись те рабы, которые сломались. Их реабилитировать — замонаешься, психологи нужны и психотерапевты. Трудно–нудно, с другой стороны — вообще-то клану надо бы это дело раскачивать — потребность явно будет и реклама опять же хорошая.

Были вон тамплиеры и госпитальеры они будучи и рыцарями и вояками попутно еще и медициной занимались, гошпиталя создавали. Просто напрашивается при храме богини леса — приют для убогих и мозгоправский гошпиталь. Не? Причем можно буквально парой фраз — и даже этого хватит. Хоязйство-то у ГГ куда как разростающееся, корпорация тащемта военизированная.